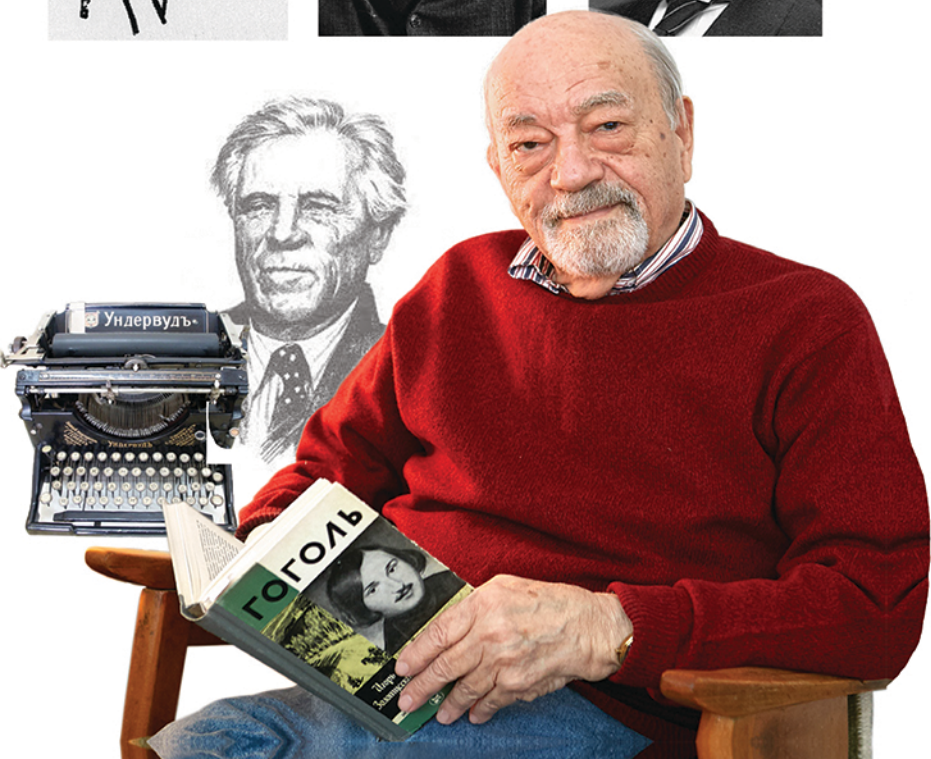
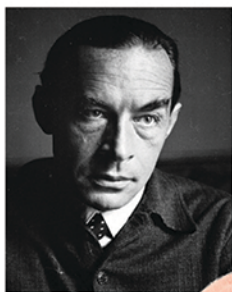

#ГОВОРИМОКНИГАХ

ИГОРЬ ЗОЛОТУССКИЙ

ПОХВАЛА КРИТИКЕ

БЕСЕДЫ О ЛИТЕРАТУРЕ

Библиотека Русского ПЕН-центра

Серия:
#Говорим о литературе

Редакторы серии:

Владимир Семенов

(главный редактор)

Сергей Добролюбов

Владимир Коптев-Дворников

Андрей Новиков-Ланской

Степан Орлов

Александр Себелев

Игорь Золотусский

Похвала
критике

Боголюбовские лекции

Союз писателей Москвы
Библиотека искусств им. А.П. Боголюбова
Москва

УДК 82-3+316.728
ББК 84+60.526
3 81

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Министерства цифрового развития, связи
и массовых коммуникаций Российской Федерации

Обложка работы
Инны Терешковой

Золотусский И.П.
3 81 Похвала критике: Боголюбовские лекции. / Составитель Татьяна Немчинская. – М.: Союз писателей Москвы, 2023. – 240 с.

ISBN 978-5-87531-164-2

В новом сборнике известный писатель, литературный критик и историк литературы Игорь Золотусский продолжает свой рассказ о классиках русской и мировой литературы. Цикл его лекций был прочитан в Библиотеке искусств им. А.П. Боголюбова.

УДК 82-3+316.728
ББК 84+60.576

Издано в рамках научно-издательской программы
ГБУК г.Москвы «Библиотека искусств им. А.П.Боголюбова»
Ученый секретарь Владимир Коптев-Дворников

ISBN 978-5-87531-164-2

© Союз писателей Москвы, 2023
© Золотусский И.П., 2023

Содержание

ГАВРИИЛ ДЕРЖАВИН	9
ИВАН ГОНЧАРОВ	33
НИКОЛАЙ ЛЕСКОВ	57
ИВАН БУНИН	79
ИВАН ШМЕЛЁВ	97
КОРНЕЙ ЧУКОВСКИЙ	115
ЭРИХ МАРИЯ РЕМАРК	135
АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН	153
ВИКТОР АСТАФЬЕВ	173
ПОХВАЛА КРИТИКЕ	193

Похвала
критике

ГАВРИИЛ ДЕРЖАВИН

Гавриил Романович Державин. Многих может удивить выбор именно этой фигуры из далёкого прошлого. Державин родился в 1743 году, примерно больше, чем за полвека до Пушкина. Жаль: современный читатель так мало знает о нём.

Гавриил Романович был не только поэтом, но и государственным деятелем. Службу в армии он начал простым солдатом и прошёл все испытания, выпадающие на долю военного человека не только по армейским уставам, но и по жизни.

Молодой Державин – гуляка и картёжник. Кроме того, на него возложили одну неожиданную эпистолярную обязанность. Он жил в одной квартире с солдатами, крепостными крестьянами (в солдаты в основном набирали из крестьян). Постепенно, приглядевшись к Державину, жёны солдат (в то время солдатам разрешалось жить в казарме вместе с жёнами) заметили: молодой человек грамотный и изъясняется красиво. Женщины стали просить его писать письма род-

ным в деревню. Гавриил Романович усердно исполнял эту обязанность и писал письма довольно часто.

Державин – первый великий русский поэт, поднявшийся из самых низов. Последующее поколение поэтов происходило из обеспеченных дворянских семей. Гавриил Державин тоже был дворянином: его отец и мать – мелкопоместными дворянами, владеющими маленькими деревеньками, в них насчитывалось едва ли больше десятка душ. Начав с самого низа, Гавриил Романович поднимается до самого верха общественной лестницы. В сущности, история жизни Державина – это история России, начиная с середины XVIII до XIX века. Поэт дожил до 1816 года. Он родился при Елизавете Петровне, дочери Петра. Далее на престол вошёл Пётр III, племянник Елизаветы. После его свержения трон заняла его жена Екатерина II. После Екатерины Державин служил при Павле I, а потом при Александре I. Таким образом, Гавриил Романович пережил пять царей. История России вошла не только в его сознание, но и в поэтическое творчество.

Существует мнение: Державин не просто лирический голос, а целый хор голосов, звучащий не в стенах собора или церкви, а на воле, и слышен он по всей России. Гавриил Романович слышит шум водопада, падающий с огромной высоты, атаку русских солдат под Измаилом. В его поэзии присутствует шум, гром и хор голосов. В то время Россия одерживала немало побед, и Державин стал певцом не только русских полководцев, таких, как Румянцев, Голицын и

Гавриил Державин

Суворов, но и русских солдат. Эта черта поэзии Гавриила Державина в дальнейшем едва ли повторится в русской поэзии. Всё объясняется его детством, происхождением и ростом из самого низа жизни на самый верх.

Я напомним одно стихотворение: оно, возможно, противоречит звучанию мощного хора голосов. Кстати, знаменитое стихотворение Державина «Гром победы раздавайся» было неофициальным гимном России.

Стихотворение, которое я собираюсь представить, не опровергает сказанного мной, но отличается от громокипящего эха, исходящего от Державина. Это стихотворение написано на смерть первой жены Гавриила Державина – Екатерины Яковлевны Бастион. Поэт очень любил жену и даже дал ей имя Пленира. Если разобраться в корне этого слова, получается: эта женщина взяла полюбившего её человека в плен.

*Уж не ласточка сладкогласная,
Домовитая со застрехи,
Ах! моя милая, прекрасная
Прочь отлетела, – с ней утехи.
Не сияние луны бледное
Светит из облака в страшной тьме,
Ах! лежит её тело мёртвое,
Как ангел светлый во крепком сне.
Роят псы землю, вокруг завывают,
Воеет и ветер, воеет и дом;
Мою милую не пробуждают;
Сердце моё сокрушает гром!
О ты, ласточка сизокрылая!
Ты возвратишься в дом мой весной;
Но ты, моя супруга милая,*

Игорь Золотуский

*Не увидишься век уж со мной.
Уж нет моего друга верного,
Уж нет моей доброй жены,
Уж нет товарища бесценного,
Ах, все они с ней погребены.
Все опустело! Как жизнь мне снести?
Зельная меня съела тоска.
Сердца, души половина, прости,
Скрыла тебя гробова доска.*

Вот такое лирическое пронзительное стихотворение, из строк его вырывается редко встречающаяся в этом мире любовь.

Есть ещё несколько стихотворений, посвящённых этой женщине. Счастье Державина длилось шестнадцать лет. Екатерина Яковлевна умерла в 34 года, понятны скорбь и плач поэта по любимой женщине. Это стихотворение пробивает дорогу русской лирической поэзии (в том числе, любовной). Трудно представить русскую поэзию без Державина.

Гавриил Романович Державин родился в июле 1743 года в селе Сокуры Варишевского уезда Казанской губернии (теперь это Татарстан). Семья Державина была бедна. Отец поэта Роман Николаевич служил в должности секунд-майора (чин в армии, за которым следует капитан). Он начинал службу ещё при Петре. Мать Державина Фёкла Козлова была бездетной вдовой. Гавриил Романович стал первым ребёнком в семье. У супругов родилось ещё двое детей – брат и сестра, но прожили они недолго.

После смерти отца семья не могла заплатить даже долги, нажитые при нём (150 рублей). Вдове

Гавриил Державин

пришлось ходить по чиновникам и просить о помощи. Державин в это время был с ней. Когда умер отец, Гавриилу Романовичу было 11 лет. Он так и не успел прочувствовать родственные отношения отца и сына, именно они спустя годы делают человека похожим на родителя.

Семья пережила целый ряд унижений и бедствий. Мать пыталась дать образование сыну: изредка приглашала учителей. Вскоре ей удалось устроить Державина в Казанскую гимназию, но окончить её молодой человек не успел – его взяли в армию солдатом. В то время дворяне зачисляли в армию детей ещё во младенчестве, где им начислялись чины по мере взросления. С Державиным этого не произошло. Из обыкновенного полка его переводят в гвардейцы Преображенского полка (самый близкий к государю полк, созданный Петром). На этой должности Гавриил Романович участвовал в значимом историческом событии – свержении Петра Третьего. Именно гвардия подняла бунт и смела императора, которого мало кто любил. Державин участвовал в операции по устранению неугодного правителя и стал свидетелем того, как отрёкшийся от престола Пётр III садился в карету и уезжал.

Тот факт, что гвардия подняла Екатерину и поставила на престол, вызвал особое отношение императрицы к этому роду войск. Постепенно, получая чин сначала подпоручика, а потом поручика, Державин наконец становится офицером. В 1773 году Гавриил Романович участвует в ещё одном крупном событии русской истории – Пугачёвском восстании. Как

известно, восстание обрело невиданный масштаб. За Емельяном Пугачёвым следовало множество людей, в его распоряжении находилась многотысячная армия. Область России, где начал действовать Пугачёв, прилегала к Волге. Река носила название Яик (Пугачёв – яицкий казак). После восстания Яик переименовали в реку Урал.

Емельян Пугачёв продвигался победоносно, брал города. Осознав опасность восстания, Екатерина назначила главнокомандующим русскими войсками генерала Бибикова. Державин пришёл к нему и попросился на службу для подавления ополчения. Генерал заявил: штат уже набран, но, поговорив с Гавриилом Романовичем, понял: это именно тот, кто нужен. Поэт родился на берегу Волги, прекрасно знал эти земли.

Державин доблестно исполнял свои обязанности: составлял докладные записки по количеству восставших войск, карты местности, где должна действовать русская армия и многое другое. Его даже посылали на поимку Пугачёва.

Восстание Емельяна Пугачёва подавили, а предводителя взяли в плен и заковали в кандалы. В таком виде Державин его и увидел.

Советское литературоведение (я имею в виду XX век) толковало пугачёвское восстание как решающее в жизни Гавриила Державина. Оно якобы оказало влияние на его сознание, мировоззрение и внушило ему нелюбовь к власти имущим. Это не так. Гавриил Романович – верноподанный и преданный солдат государя. Конечно, он не воспринимал восстание Пугачёва как освобождение народа. Он находился в строю и под

Гавриил Державин

чинялся военному уставу. Кроме того, вызов, брошенный Пугачёвым, назвавшим себя Петром Третьим и претендовавшим на престол, Державину был не близок и не приятен.

Пугачёвское восстание оказалось подавлено, а роль Гавриила Державина в нём замечена при дворе. Так начинается его восхождение по служебной лестнице. Наделённый поэтической натурой, Державин уже пишет стихи, но ещё пробные, ученические.

Державин становится сенатором, но скоро вступает в противоречие с влиятельными людьми Сената. Гавриил Романович обладал вспыльчивым характером, особенно, когда видел несправедливость: воровство и казнокрадство. Безусловно, жажда справедливости сказалась на его служебном положении, но придало силу стихам. Я напомним вам стихотворение 1780 года «Властителям и судиям»:

*Восстал всевышний бог, да судит
Земных богов во сонме их;
Доколе, рек, доколь вам будет
Щадить неправедных и злых?
Ваш долг есть: сохранять законы,
На лица сильных не взирать,
Без помощи, без обороны
Сирот и вдов не оставлять.
Ваш долг: спасти от бед невинных,
Несчастливым подать покров;
От сильных защищать бессильных,
Исторгнуть бедных из оков.
Не внемлют! видят – и не знают!
Покрыты мздою очеса:
Злодействы землю потрясают,*

Игорь Золотусский

*Неправда зыблет небеса.
Цари! Я мнил, вы боги властны,
Никто над вами не судья,
Но вы, как я подобно, страстны,
И так же смертны, как и я.
И вы подобно так падёте,
Как с древ увядший лист падёт!
И вы подобно так умрёте,
Как ваш последний раб умрёт!
Воскресни, Боже! Боже правых!
И их молению внимли:
Приди, суди, карай лукавых,
И будь един царём земли!*

Это стихотворение набрали в типографии, но не напечатали – его сняли цензоры, усмотрев слишком прозрачный намёк на властителей. В произведении Державин называет их людьми неправедными и невидящими бедных и невинных.

Почти в это же время поэт создаёт знаменитую оду «Фелица», обращённую к Екатерине II. Гавриил Романович надеется: императрица исправит непорядки в России, отстранит от трона казнокрадов, льстецов, людей, замешанных в недобрых делах. Он даже называл её «ангелом, спустившимся с неба». Екатерина приняла оду «Фелица» с большим одобрением. Позже Александр Сергеевич Пушкин, строки которого мы знаем: «*Старик Державин нас заметил и, в гроб сходя, благословил*», – говоря о Державине, делал акцент на слове «лесть». Пушкин намекал: Гавриил Романович – лстец. При всей любви к Александру Сергеевичу и преклонению перед

Гавриил Державин

его талантом, с ним трудно согласиться. Пушкин написал это в 1825 году будучи молодым человеком. Тогда он ещё не написал «Клеветникам России», «Бородинская годовщина» и «С Гомером ты беседовал один...». Многие считали: поэт в этом стихотворении прославляет императора Николая. Существует версия – произведение посвящено поэту Гнедичу, переводившему Гомера. Однако, по мнению Гоголя, стихотворение относится к царю.

Державин говорил: *«Тот, кто льстит Богу, не подлец»*. Здесь сюжет нашей лекции подводит нас к главному сочинению Гавриила Романовича – оде «Бог». Не упрекая великих русских поэтов и не ставя им в укор, могу сказать: после Гавриила Державина такой оды не написал никто. Ода «Бог» написана в 1784 году. Однажды в пасхальной заутрене Гавриил Романович стоял в церкви и молился. Вдруг ему пришли первые строки этой оды. Поэт писал её несколько лет.

Представьте себе русскую литературу XVIII века. В стране, стоящей в стороне от цивилизованного Запада, богатого великими поэтами, как, например, Данте, оду «Бог» восемнадцать раз перевели на французский и девять раз на немецкий. В Испании, Швеции и других странах Европы заинтересовались этим произведением. Ода «Бог» была переведена при жизни Державина. К сожалению, ни один великий русский поэт при жизни больше не удостоился такого внимания. Почему я останавливаюсь именно на этой оде? Кто из нас, живя на Земле, погружённый в быт, не думает о бессмертии и не задаётся вопросом: есть Бог или нет? Человеку при жизни пре-

Игорь Золотусский

доставлен лишь краткий отрезок времени, поэтому каждый хочет, чтобы его жизнь продолжилась, пусть даже на небесах. Для этого необходимы воля Божья и существование Бога. Так на земле появилось христианство.

Гавриил Державин писал стихи, в которых прославлял кружку, питье русского человека, писал о буднях русского солдата, русских людей и сам хорошо помнил, как протекало его детство. В оде «Бог» поэт поднимается с земли в небо. Сочетание земного, бытового, небесного, высшего, непонятного и желания понять его соединилось в этой оде. Вот что Державин пишет о Боге:

*О ты, пространством бесконечный,
Живый в движеньи вещества,
Теченьем времени превечный,
Без лиц, в трёх лицах божества!
Дух всюду суций и единый,
Кому нет места и причины,
Кого никто постичь не мог,
Кто все собою наполняет,
Объемлет, зиждет, сохраняет,
Кого мы называем: бог.*

Дальше поэт говорит о Боге не как посторонний, а как человек, жизнь которого подтверждает Его существование. Ибо кто ещё мог дать человеку эту жизнь:

*Ты свет, откуда свет истёк.
Создавший всё единым словом,
В твореньи простираясь новым,
Ты был, ты есть, ты будешь век!*

Гавриил Державин

*Ты цепь существ в себе вмещаешь,
Её содержишь и живишь;
Конец с началом сопрягаешь
И смертью живот даришь.
Как искры сыплются, стремятся,
Так солнца от тебя рождаются;
Как в мразный, ясный день зимой
Пылинки инея сверкают,
Вращаются, зыблются, сияют,
Так звезды в безднах под тобой.*

Наконец Державин переходит к своему личному отношению к понятию «Бог»:

*Как капля, в море опущенна,
Вся твердь перед тобой сия.
Но что мной зримая вселенна?
И что перед тобою я?
В воздушном океане оном,
Миры умножа миллионом
Стократ других миров, и то,
Когда дерзну сравнить с тобою,
Лишь будет точкою одною;
А я перед тобой – ничто.
Ничто! – Но ты во мне сияешь
Величеством твоих доброт;
Во мне себя изображаешь,
Как солнце в малой капле вод.*

И далее:

*Тебя душа моя быть чает,
Вникает, мыслит, рассуждает:
Я есмь – конечно, есть и ты!*

Игорь Золотуский

В этой оде Гавриил Романович довольно смело утверждает: рождение и жизнь человека – доказательство существования Бога:

*Ты есть! – природы чин вещает,
Гласит моё мне сердце то,
Меня мой разум уверяет,
Ты есть – и я уж не ничто!
Частица целой я вселенной,
Поставлен, мнится мне, в почтенной
Средине естества я той,
Где кончил тварей ты телесных,
Где начал ты духов небесных
И цепь существ связал всех мной*

Величественная ода «Бог», прогремевшая в просвещённых слоях русских читателей – вершина поэзии Гавриила Державина. Именно от неё следует вести отчёт его поэзии. Она возвышается, словно высокий холм, а за ней виднеются другие холмы, не достигшие этой высоты.

Державин трудится в Сенате, затем его назначают президентом коммерц-коллегии (учреждение, ведающее таможеней и торговлей с иностранными державами). Гавриил Романович добросовестно исполняет свои обязанности. Это замечает императрица и продвигает его по службе. Личное знакомство с поэтом у неё началось заочно с оды «Фелица» (что в переводе означает «счастливая»). Заочное знакомство обозначилось тем, что Екатерина (названная в оде «Киргиз-Кайсацкой царевной») посылает Гавриилу Романовичу в подарок шкатулку с бриллиантами и пятьсот червонцев. Царский дар императрицы

Гавриил Державин

вызвал зависть у многих высших чиновников, в том числе в Сенате.

Затем Державин появляется при дворе. Екатерина – женщина умная и наблюдательная, конечно, заметила неукротимый нрав Гавриила Романовича – который требовал во время службы только правду и ничего, кроме правды. Не все цари её любят. Возможно, они понимают, что человек, произносящий правду, говорит искренне. Так и есть, но правила света, государства и управления государством ведут к искажённому отношению к несправедливости. Приходится мириться – тебя окружают отнюдь не идеальные люди, которым свойственно всё человеческое (низкое в том числе).

В 1783 году Гавриил Державин становится членом Русской Академии наук (благодаря оде «Фелица»). Он участвует в издании первого русского толкового словаря, который предшествует знаменитому словарю В.И. Даля.

В 1784 году Екатерина посылает Гавриила Романовича в Олонецкое наместничество (в Карелию) и назначает его губернатором. В наместничестве над губернатором находится наместник. Позже эта должность получила название генерал-губернатор (в его ведении находится не одна губерния, а несколько).

Здесь, в Петрозаводске, в глухом месте среди лесов и озёр, Державин не теряет силу духа. Казалось бы, поэт – человек, в мыслях улетающий далеко от земли, живущий чувствами, любовью и сочинением стихов, вдруг оказывается на прозаической должности губернатора под началом наместника. Однако Гавриил Романович

отважно берётся за сложное дело: уточняет границы Олонецкого наместничества (границу со Швецией), открывает в Петрозаводске больницу, аптеку и народное училище. Наместник, разбужший от богатства и самодовольства, не ведёт дел, и Державин один представляет царскую власть в этом захолустном крае.

Гавриил Державин совершает поездку по Олонецкой губернии. Поскольку дорог не было, ему пришлось преодолевать две тысячи километров пешком, на лошади и на лодке. Так он обследовал подведомственную ему российскую землю. Гавриил Романович даже дошёл до Ледовитого океана и на лодке пытался подойти к Соловецким островам, но поднялась буря, и путешественники чудом спаслись, пристав к какому-то камню.

Державин обнаруживает в характере задатки серьёзного государственника – человека, думающего о благе окружающих, а не о своей выгоде и возвышении. Эта черта навсегда останется главной в его личности.

Конфликт с наместником привёл к тому, что Гавриила Державина отстранили от должности. В 1786 году его отправляют губернатором в Тамбовскую губернию. Там тоже было наместничество. Некий вельможа Гудович владел одновременно Тамбовской и Рязанской губерниями. Как и предыдущий наместник, он ничего не делал. Гавриил Романович вновь стал самостоятельно обеспечивать все народные нужды. Он построил дороги, расчертил границы города, который был посёлком в то время, открыл несколько народных училищ и театр.

Гавриил Державин

Сначала театр состоял из самодеятельных актёров, находился в здании, занимаемом губернатором. В доме, где жили Державин и Екатерина Яковлевна, устраивали спектакли, и это положило начало Тамбовскому театру.

Державин добился, чтобы ему прислали печатные станки, и открыл типографию, которая выпускала газету «Тамбовские известия». Кроме того, Гавриил Романович основал сиротский дом, богадельню, больницу и даже построил тюрьму (раньше заключённых держали в земляных камерах).

В Тамбове Державин пробыл два года. В городе до сих пор помнят благодетеля и даже поставили ему памятник.

Я разговаривал с людьми, родившимися в Тамбове. Они рассказали: в городе все помнят Гавриила Державина – названа улица в его честь, Тамбов спланирован по карте, которую он сам составил.

В 1791 году Державин становится кабинет-секретарём Екатерины Второй. Эта должность требует присутствия во дворце, чтобы докладывать императрице. В обязанности Гавриила Романовича входили приём прошений и разбор жалоб. Кабинет-секретарей было восемь. Если другие, занимавшие эту должность, удерживались подолгу, то Державин продержался всего два года. Разговоры с ним часто раздражали императрицу. Гавриил Романович обнаружил «язвы» в управлении Российским государством. Он разоблачил перед Екатериной обер-прокурора Сената Вяземского, который поставлял государыне отчёт о доходах Российской империи.

Обер-прокурор сознательно занижал доход, а в случае трудностей в государстве как благодетель приносил эти деньги.

Екатерина была расположена к Державину и понимала масштаб его личности, но не могла долго присутствовать при постоянных разоблачениях и требованиях наказать преступников. Екатерина должна была считаться: её окружают люди, использующие государственную казну, своё положение и близость к императрице для собственной выгоды. Ей приходилось на многое закрывать глаза. В конце концов Гавриил Романович был вынужден покинуть этот пост.

В 1796 году Екатерина скончалась, и к власти пришёл Павел I. Гавриил Романович с ним ладил, но, когда император стал отдавать невыполнимые приказы и повёл себя непочтительно, Державин дал ему понять – с ним подобные выходки недопустимы. В конце концов Павел I отослал его в Сенат со словами: «Я за тобой погляжу».

Когда Павел I скончался, Гавриил Романович написал стихи: *«Умолк рёв Норда сиповатый...»* Норд – север. По сравнению с Европой, Россия – северная страна. Державин подразумевал императора России. Павел был горяч, но справедлив. Сейчас историки открыли читателю глаза на этого властителя, и в новейших исторических исследованиях он выглядит иначе.

У меня есть книга знаменитого поэта Владислава Ходасевича «Державин». Ходасевич писал её в 1913 году. Многие современные историки черпают информацию из этой книги, поскольку она полна документов и фактов.

Гавриил Державин

Остаётся только удивляться, с каким трудом Ходасевич добывал эти материалы.

Приходит к власти Александр I, рождение его воспел Гавриил Романович. Император назначает Державина министром юстиции. На первый взгляд, это самая праведная отрасль в министерствах, поскольку юстиция должна карать неправедных. Придерживаясь прежней линии поведения, Державин проработал на этой должности один год. В указе императора было сказано: «уволен ото всех дел».

С 1803 года Гавриил Державин свободен от государственной службы. У него даже есть стихотворение под названием «Свобода», в нём он с радостью сообщает, что свободен от общения с неприятными людьми, недостойными государственной службы. Поэт проводит время в своём доме в Петербурге на Фонтанке и принимает там гостей. Впоследствии его вторая жена Дьякова (бывшая приятельница его первой жены) покупает имение Званка в Новгородской губернии. Там и поселяется Державин.

Мне бы хотелось показать, как Гавриил Романович пишет о русском солдате:

*Везувий пламя изрыгает,
Столп огненный во тьме стоит,
Багрово зарево зияет,
Дым черный клубом вверх летит;
Краснеет понт, ревет гром ярый,
Ударам вслед звучат удары;
Дрожит земля, дождь искр течёт;
Клокочут реки рдяной лавы, –
О росс! Таков твой образ славы...*

Это песнь во славу русского солдата. Во славу величия России.

Я прочитаю вам, что Николай Гоголь писал о Державине: *«Сравнить нас с другими поэтами, у него все глядит исполином. Его поэтические образы, не имея полной окончательной пластической, как бы теряются в каком-то духовном очертании и от того приемлют ещё более величие. Все у него крупно. Слог у него так крупен, как ни у кого из наших поэтов. Он, как невозделанная громадная скала, перед которой никто не может остановиться, не будучи поражённым».*

Прочту вам ещё одни стихи Гавриила Романовича, составляющие его поэтическую славу – стихотворение «Водопад». Державин создал его, когда увидел водопад Кивач, будучи олонецким губернатором. Я прочитаю только начальные строки:

*Алмазна сыплется гора
С высот четыремя скалами,
Жемчугу бездна и серебра
Кипит внизу, бьёт вверх буграми;
От брызгов синий холм стоит,
Далече рёв в лесу гремит...*

Это гигантское явление природы, к которому приблизился поэт. В его стихотворениях пейзаж живописен – его невозможно забыть. Так необычны и ослепительны краски, используемые Гавриилом Романовичем, изображающим жизнь природы. Это его большое достоинство, о котором нельзя забывать. Стихотворение «Водопад» – одно из лучших произведений Державина.

Гавриил Державин

В жизни Гавриила Романовича был человек, ставший ему другом, – Александр Васильевич Суворов. Как и Державин, он никогда не унижался до лесты и поклонов перед вышестоящими. Когда Суворова поселили в Таврическом дворце, он спал на соломе. Это восхищало Державина. И вот Александра Суворова не стало. Гавриил Романович был у него накануне, и Суворов спросил его:

– *Что же ты напишешь на моей могиле? Какую эпитафию?*

– *«Здесь лежит Суворов»,* – ответил ему Державин.

Действительно, в Александро-Невской Лавре в Петербурге, в нижней Благовещенской церкви на могильной плите из белого мрамора выгравирована короткая надпись Державина:

«Здѣсь лежитъ Суворовъ».

У Гавриила Романовича в клетке жил снегирь, знавший одно колено военного марша и всё время певший его. После смерти Суворова Державин написал стихотворение «Снегирь»:

*Что ты заводишь песню военну
Флейте подобно, милый снигирь?
С кем мы пойдѣм войной на Гиену?
Кто теперь вождь наш? Кто богатырь?
Сильный где, храбрый, быстрый Суворов?
Северны громы в гробе лежат.
Кто перед ратью будет, пылая,*

Игорь Золотуский

*Ездить на кляче, есть сухари;
В стуже и в зное меч закаляя,
Спать на соломе, бдеть до зари;
Тысячи воинств, стен и затворов;
С горстью россиян всё побеждать?
Быть везде первым в мужестве строгом,
Шутками зависть, злобу штыком,
Рок низлагать молитвой и Богом,
Скиптры давая, зваться рабом,
Доблестей быв страдалец единых,
Жить для царей, себя изнурять?
Нет теперь мужа в свете столь славна:
Полно петь песню военну, снигирь!
Бранна музыка днесь не забавна,
Слышен отвсюду томный вой лир;
Львиного сердца, крыльев орлиных
Нет уже с нами! – что воевать?*

(1800 г.)

Я расскажу ещё об одном событии в жизни Гавриила Романовича. В 1815 году в Царскосельском лицее проходил очередной экзамен лицеистов. Гавриила Державина пригласили на этот экзамен. Он сидел за столом, вяло слушая ответы учеников. Вдруг перед ним появился кудрявый мальчик (юный Александр Сергеевич Пушкин) и начал читать «Воспоминания о Царском селе». Это торжественные державинские стихи, в них чувствуется величие победы над Наполеоном. Гавриил Романович проснулся, стал слушать, поднялся и протянул руку над головой Пушкина, собираясь обнять, но мальчик убежал, и его не могли найти. Вернувшись домой, Державин написал: «*Лицей, экзамен, Пушкин*». Он навсегда запомнил этот

Гавриил Державин

день. Позже в разговоре с одним из знакомых, поэт сказал: «Скоро появится второй Державин. Это Пушкин. Он перещеголял всех царскосельских поэтов». Так одна великая рука протянулась к другой великой руке нашего любимого поэта.

У Державина есть стихотворение «На смерть князя Мещерского». Поэт много писал и задумывался над тем, почему человек живёт так недолго и что следует за этим. «На смерть князя Мещерского» – торжественное стихотворение, которое врезаюсь в душу, остаётся в памяти навсегда. Вот его начало:

*Глагол времён! металла звон!
Твой страшный глас меня смущает,
Зовёт меня, зовёт твой стон,
Зовёт – и к гробу приближает.
Едва увидел я сей свет,
Уже зубами смерть скрежещет,
Как молнией, косою блещет
И дни мои, как злак, сечёт...
И ещё из этого стихотворения:
Скользим мы бездны на краю,
В которую стремглав свалимся;
Приемлем с жизнью смерть свою,
На то, чтоб умереть, родимся.
Без жалости все смерть разит:
И звезды ею сокрушатся,
И солнца ею потушатся,
И всем мирам она грозит...*

Потом Тютчев повторит строку «Скользим мы бездны на краю...»

Князь Мещерский был гостеприимным человеком:

Игорь Золотуский

*Утехи, радость и любовь
Где купно с здравием блистали,
У всех там цепенеет кровь
И дух мятётся от печали.
Где стол был яств, там гроб стоит...
И Державин переходит к себе:
Но так и мужество пройдёт
И вместе к славе с ним стремленье;
Богатств стяжание минет,
И в сердце всех страстей волнение
Прейдёт, прейдёт в чреду свою.
Подите счастья прочь возможны,
Вы все переменны здесь и ложны:
Я в дверях вечности стою...*

Эти строки сбылись. Гавриил Державин действительно стоит в дверях вечности – далеко от стоящих от него и кажется, забывших его.

Я напомним два последних четверостишья, написанные Державиным за два дня до смерти. Он скончался в июле в имении Званка на берегу Волхова в 1816 году. Когда Гавриил Романович заболел и лежал на диване, перед ним висела аллегорическая картина «Река времён или эмблематическое изображение всемирной истории». Поэт задумал написать оду «Тленность». Он вновь пришёл к мысли: всё – проходяще (кроме Бога). Гавриил Романович утверждал: «*Кто льстит Богу – тот не подлец*».

Последние два четверостишья были написаны Державиным мелом на аспидной грифельной доске.

*Река времён в своём стремленьи
Уносит все дела людей*

Гавриил Державин

*И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остаётся
Чрез звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрётся
И общей не уйдёт судьбы.*

Это начало большого стихотворения, его Гавриил Романович не успел дописать. Поэт скончался в имении Званка в 73 года. Гроб Державина поместили в лодку, она поплыла по Волхову к Хутынскому монастырю, ставшему его последним пристанищем.

Судьба могилы Державина переменчива. Его прах, вместе с прахом его второй жены, перенесли в Новгородский Кремль, рядом с Софийским собором и похоронили там в 1959 году. В 1993 году останки Гавриила Державина вновь перенесли в восстановленный Спасо-Преображенский собор Хутынского монастыря, где он и похоронен окончательно.

Когда заходишь в Новгородский Кремль, невольно останавливаешься перед памятником «Тысячелетие России» работы скульптора Микешина. На монументе изображены великие полководцы, императоры, учёные и поэты. Среди девяти литераторов в этой огромной композиции своё место занимает Гавриил Державин. Поклонимся его памяти и постараемся вернуться и перечитать его, чтобы почувствовать, откуда пошла русская поэзия, литература, а с ней и мы, воспитанные ею.

ИВАН ГОНЧАРОВ

Последнее время имя Ивана Александровича Гончарова не стоит рядом с именем Толстого, Гоголя и Пушкина, но без Гончарова невозможно представить развитие русской литературы. Он тоже великий писатель, и вполне достоин места среди таких знаменитых собратьев.

Иван Александрович Гончаров родился в Симбирске в 1812 году. Это знаменательный год, год победы над Наполеоном. Тогда Гончаров был мальчиком, но событие осталось в памяти. Это были годы торжества России и её признания со стороны европейских держав великой страной. Именно Россия сумела повернуть Наполеона с его дороги победоносной, и он, как мы знаем, бежал из окружённой пожарами Москвы по старой Смоленской дороге.

Отец Гончарова – зажиточный купец, он не раз избирался городским главой в Симбирске. На главной улице города стоял огромный дом, сейчас там – музей Гончарова. Самое странное, я учился в Симбирске (Ульяновске) в гимназии,

возглавляемой одно время братом Гончарова Николаем, и где учился известный всем Ульянов-Ленин.

Этот дом и эта улица наложили отпечаток на облик Симбирска. И когда я туда приехал, примерно в 1947 году, меня поразило больше всего: город, где всякие переулки, закоулки, памятники носили имя Ленина, но главная улица Симбирска называлась с давних времён улицей Гончарова. Так она и осталась до сих пор.

Повторяю, отец его относился к зажиточным купцам, распорядился свечным заводом, семья не испытывала нужды. И в этом просторном доме располагалась не только семья Гончаровых, спустя время присоединился бывший моряк, надворный советник Трегубов. Он стал крёстным отцом Гончарова и преподавал первые домашние уроки Ивану Александровичу. Замечательный человек высокой нравственности, образованности и начитанности. Отец Гончарова умер, когда Ивану было 7 лет (в других источниках – 8). Он мальчиком остался без отца, и Трегубов заменил родителя.

Мать Гончарова – гораздо моложе мужа, была второй женой его отца, она вела хозяйство, а приглашённый ею Трегубов, занимавший часть дома, внёс вклад не только в учение Гончарова, но и в жизнь семьи. Две семьи существовали под одной крышей шумного дома, за домом – огромный двор и амбары, – Гончаров описывал это. За двором начинался спуск к Волге. Я недаром упомянул Волгу: представить Гончарова без Волги нельзя.

После уроков, которые преподавал Трегубов, Иван отправился учиться. Недалеко от Симбирска

Иван Гончаров

находилось село, где священник Троицкий держал пансион, где Иван Александрович проучился два года. Он блестяще овладел немецким и французскими языками, что помогло ему на службе переводчиком в департаменте внешней торговли.

Конечно, мать думала: сын пойдёт по пути отца и купеческого рода Гончаровых, и отдала его в Московское коммерческое училище.

В коммерческом училище Гончаров пробыл несколько лет, но, не закончив его, ушёл: его не интересовали торговля, деньги и расчёты, которые должен знать в совершенстве богатый купец.

Он отдал документы в университет на словесное отделение.

Словесное отделение можно назвать филологическим факультетом, как сейчас говорят. Но для поступления в университет мало сдать экзамен, Гончаров должен был освободиться от купеческого звания. Он был уволен из купеческого звания, что позволяло ему быть студентом университета.

Одновременно с Гончаровым в Московском университете учились Лермонтов, Герцен, Белинский и другие знаменитые люди.

Гончарову, будучи студентом университета, повезло. Однажды в университет приехал Александр Сергеевич Пушкин – познакомиться со студентами, он спорил с преподавателем истории. Гончаров впоследствии написал: «Как будто солнце озарило всю аудиторию». Пушкин был для него солнцем, солнцем поэзии.

Эту классическую наследственность Гончаров получил от великой русской литературы. Читая

Державина, Гоголя и Пушкина, он ещё сильнее убеждался: литературные занятия – это его дело. Но начинал он очень скромно. Он подружился с семейством Майковых, мы знаем: из этой семьи вышел поэт Аполлон Майков.

Гончаров, окончив университет, преподавал будущему поэту русскую словесность. Но, окончив университет, он приехал в Симбирск, на родину, и здесь губернатор Симбирской губернии Загряжский упросил его стать секретарём губернатора. Гончаров согласился.

Около года и 11 месяцев он занимал должность секретаря губернатора.

Симбирск расположен в центре Волжского бассейна. В центре, соединяющем европейскую часть России и степи, переходящие в холмы. И уже потом открывается Сибирь. В городе жило много культурных людей, культура не была островком, ничтожным занятием нескольких лиц.

Гончаров, работая секретарём, конечно, был не удовлетворён работой, но, с другой стороны, он многому научился. Прослужив крупным провинциальным чиновником при губернаторе, он обладал знанием всех хозяйственных социальных событий, происходивших вокруг. В его руках были отчёты, бумаги, наконец, он встречался с людьми совершенно разных классов, из разных слоёв населения. Это обогатило его знанием русской провинции, и он им, конечно, воспользовался.

После исправной службы при губернаторе – Гончаров был спокойным и работоспособным молодым человеком – он отправился в Петербург,

чтобы наконец предаться любимым занятиям литературой.

Конечно, в детстве Гончаров много читал. И Трегубов, его крёстный, давал мальчику эти книги из своей обширной домашней библиотеки.

Гончаров входил в литературу в 1840-е годы, точнее, в конце 1830-х годов, уже будучи окружённым такими именами, как Пушкин и Гоголь. Он вступал в семью, где требовалось или быть образцовым писателем, или оставить это занятие.

И Гончаров погрузился в работу с молодых лет. Майковы издавали домашний журнал «Альманах». В годы дружбы с Майковым он печатал повести и стихи в «Альманахе».

Да, он начинал с поэзии и одно из стихотворений использовал позже, создавая образ героя «Обыкновенной истории» Александра Адуева.

«Обыкновенную историю» напечатали в журнале «Современник», в третьем и четвёртом номерах, в 1847 году. Конечно, журнал этот пользовался популярностью, и сразу после публикации все узнали: в русской литературе появился новый талант.

Собственно говоря, что значит «Обыкновенная история», почему она называется обыкновенной?

Юный Александр Адуев, приезжает из родового поместья покорить Петербург, завоевать его и стать известным. Сначала он исписывает груды бумаги, пишет эти самые стихи – Гончаров потом их высмеивает в романе. Он приезжает в Петербург и становится почти сожителем дяди, Адуева-старшего. И роман располагается на двух

полюсах. Адуев младший – романтик, идеализирующий себя и своё дело. Адуев-старший – предприниматель, деловой человек – владеет предприятиями, часто появляется в высшем свете и занимает высокое социальное положение. Он трезво смотрит на занятия племянника, подшучивая над ним.

«Обыкновенная история» поставлена в XX веке в театре «Современник». Два актёра прекрасно исполнили роли: Табаков – молодого Адуева, а дядю, рассудительного и трезвого – Михаил Казаков. Они сумели блестяще разыграть роман Гончарова: постановка держалась очень долго на сцене.

Так что же Адуев? Он терпит фиаско: его литературные опыты бездарны, он даже смешон в глазах дяди и знакомых. Но представьте: этот молодой человек обладает ещё одним талантом, талантом приспособления к той действительности, в которой он оказался. Роман создавался в 1840-е годы, когда романтизм 20–30-х годов, представленный даже именами Пушкина и Гоголя (я не говорю уже и о других писателях), романтизм этический, эстетический и философский сходил медленно на нет.

Романтика к концу 1840-х годов уже была не в моде. Торжествовал на её месте реализм и даже больше – материализм. Как известно, такие фигуры, как Герцен и Белинский, представляют эпоху обновления русской жизни в сфере перехода из романтизма в реализм. И, конечно, Гончаров испытывал это влияние. Он – прекрасный наблюдатель, зоркий художник, не опускающий ни одной детали, помогающей понять время. И эти

два героя «Обыкновенной истории» предстают с двух точек зрения: ушедшего – романтизма и начинающего торжествовать – материализма. Материализма ещё бескровного, я имею в виду отношение к жизни, к делу, как тогда говорили.

Судьба Адуева-младшего ломается под влиянием новой эпохи, и он находит в себе талант соответствовать не романтическому времени, а времени дела, карьеры, приобретения денег, званий и наград. В конце концов, он женится на богатой невесте, получает 300 тысяч приданного, хорошее положение на службе. Он превращается в процветающего чиновника.

Что же касается его дяди, то с ним происходит другое. Он тоже переживает свою драму, драму бесчеловечия трезвого взгляда на жизнь и самого дела, которым он занят. Занимаясь этим делом всецело, он оставляет в одиночестве любимую жену. И она страдает не только от одиночества, а от того, что её муж погружён в интриги, в деньги, в связи, как человек света, занимающийся делом.

В конце концов, она заболевает, и занимающийся такое высокое положение в обществе Адуев-старший, бросает своё дело, забирает жену и уезжает за границу её лечить. Сердце берёт верх над расчётом. Если в Адуеве младшем расчёт берёт над сердцем, то здесь происходит обратное. На этом сюжете строится роман Гончарова «Обыкновенная история».

Тот, кто читал роман Гончарова, даже, может быть, слышал о нём, знает: Гончаров все три романа, о которых я расскажу, называл с буквы «О» – «Обыкновенная история», «Обломов», «Обрыв». Чем это объясняется? Думаю, не писа-

тельской хитростью Гончарова, желающим завоевать необыкновенным таким совпадением читателей, нет. Миросознание Гончарова своеобразно – он писал: мечтой его была умеренность.

Что такое умеренность? Умеренность Гончарова – не то, что писал Грибоедов в «Горе от ума», где Молчалин – именно отрицательный, как говорят, герой, хотя он совсем не такой на самом деле. Просто в виду своего низкого положения, придерживается такого миросозерцания «умеренности и аккуратности».

В природе Гончарова было тяготение к мирному существованию не только самого себя, но и общества России, и даже человечества. Вспышки революционной катастрофы, производившие разлом в человеке, в человеческом обществе были от него далеки. И вот буква «О», похожая на солнце как бы символизирует желание Гончарова, спокойного, умеренного движения истории и развития человека. Этим Гончаров внёс в русскую литературу дух спокойствия, поэтому в его книгах отсутствует юмор. Юмор – это очень хорошо, нет насмешки над людьми, над героями, нет желания изменить жизнь кардинально. Буква «О» – это круг, круг всегда замыкается, в нём заключена вся судьба людей и даже звёзд.

В 1852 году уже после успеха «Обыкновенной истории», о которой Белинский написал: это страшный удар по романтизму, – Гончаров вдруг пускается в кругосветное путешествие. Люди, дружившие с ним, даже поверить не могли, что он примет предложение вице-адмирала Путятина стать его секретарём на корабле-фрегате «Паллада», отправляющегося из Петербурга и

Иван Гончаров

обогнувшего Европу, Африку и Азию, Индию. Имела цель эта идея дойти до Японии. Япония тогда была закрытой страной, иностранцев туда не пускали, боялись шпионов, но, в конце концов, Путятину удалось заключить с ними такой желаемый для России торговый договор.

Но до этого ещё было далеко, нужно пройти огромный путь от Петербурга до Японии. Друзья Гончарова даже подшучивали над ним: «Господин Лень отправляется в плавание».

Отнюдь не был Иван Александрович ленив, он был спокоен, умерен, и поэтому возникла такая насмешка, но добрая, конечно. И вот он, работая секретарём у Путятина, сделал записи о странах.

Во время остановки в Англии Гончаров наблюдал, какая разница между ещё патриархальным укладом России и стремительно нарастающим новым капитализмом в Англии. Он видел, стоя в английском порту, как парусникам взламывали нутро, и вместо парусов должна была послужить машина. Погружали на судно машину и трубы, это Гончаров заметил, и это не восхитило его. Он видел: люди становятся придатком к машине.

Затем – долгое-долгое путешествие, подарившее возможность ему сравнивать, и Россию, и Англию, такие две разные страны не просто с экзотикой Африки и Востока, но и с образом жизни этих народов, которые он потом опишет в книге «Фрегат «Паллада». Она вышла после этого путешествия и имела большой успех, на неё откликнулись отнюдь не умеренные критики: Добролюбов и Писарев хвалят книгу. Добролюбов написал: «Гончаров показал знание русского человека, очень глубокое». Писарев признал эту

книгу близкой к классической. Но, уже находясь в плавании, Гончаров набросал страницы нового романа, который поставит Гончарова в ряд лучших писателей мира.

Я имею в виду роман «Обломов». Роман был опубликован в 1860 году. Но до этого фрегат дошёл до берегов Японии и остановился у острова Хоккайдо. Русских не хотели пускать на берег, но, в конце концов, Путятин добился того, что его приняли, и договор с Японией был заключён. Дальше путь корабля был до Сахалина и там фрегат «Паллада» оставили, где он свои дни и окончил.

Гончаров уже по командировке возвращался в Петербург на лошадях, через Сибирь, Урал, европейскую часть страны. Это путешествие по Восточной Сибири описано им в очерке. А самое главное, Гончаров во время поездки встретился с декабристами, всё ещё живущими там, уже не каторжными, а просто ссыльными. Он встретился и познакомился с Трубецким, который, как мы знаем по истории, был избран декабристами диктатором восстания, но на площадь не явился. Он встретился с Волконским, с Фонвизиним и другими декабристами. Но самое интересное: он увидел – эти люди не революционеры. Оказывается, Трубецкой – религиозный человек, и он отрицал идеи таких декабристов, как Пестель, о свержении царя и царской фамилии, он был верующий человек. Именно поэтому он не пришёл на площадь. Эта встреча с декабристами, светлыми людьми, совсем не производившими впечатления озлобленных от режима, бывших каторжников, а оказались людьми религиоз-

ными, дала Гончарову представление о предшествующей эпохе. Это, безусловно, нашло воплощение в его романах.

Так вот, «Обломов», появился в 1860 году. Однажды я был на чешском курорте Мариенбад – это замечательный городок, тихий, красивый, весь утопающий в зелени, в деревьях, там парки очень красивые.

И мы снимали фильм о Гончарове для канала «Культура», снимали тот дом, где Гончаров писал «Обломова». Так что я видел эту гостиницу, где Гончаров останавливался и очень быстро закончил этот роман.

Ну, по выходу романа в свет, конечно, критика и литераторы-современники (уже тогда Лев Толстой был знаменитым писателем, а не просто военным офицером) отнеслись к роману следующим образом. Кстати, надо добавить: в 1848 году, через год после «Обыкновенной истории», Гончаров опубликовал отрывок из нового романа, озаглавив его «Сон Обломова». О детстве Обломова, об Обломове-мальчике, жившем с родителями, которого любили, ласкали – так был воспитан Обломов.

И вот что сказали современники. Это, между прочим, сложная история, я имею в виду отношения Гончарова и Тургенева. Потому что потом Гончаров будет утверждать: Тургенев списал у него некоторые сцены в романах «Дворянское гнездо» и «Накануне». Списал с отрывка, который Гончаров ему читал как начало будущего романа «Обрыв». Был товарищеский суд из писателей, признавший Гончарова неправым, это было очень больно.

Но вот что говорил Тургенев: «Пока останется хоть один русский, до тех пор будут помнить “Обломова”». Действительно, мы его помним, нас учили в школе, конечно, но мы читали Обломова по многу раз.

«Обломов» был экранизирован и Обломова играл Олег Табаков.

Толстой и Тургенев уже тогда входили в круг «Современника». Есть замечательная фотография, на ней – лучшие авторы журнала: Гончаров, Островский, Толстой, Тургенев, Дружинин и автор романа «Антон Горемыка» Григорович. Замечательная фотография, они ещё все вместе, они объединены любовью к наследию Пушкина, ведь журнал «Современник» начал издавать Пушкин. Толстой написал: «Я в восторге от «Обломова», капитальнейшая вещь».

Теперь мы переходим к человеку другого направления, к Добролюбову. Он назвал этот роман «знамением времени», но порицал Обломова за гнусную привычку получать удовлетворение желаний не от собственных усилий, а от других. Добролюбов стал автором статьи «Что такое обломовщина», с его лёгкой руки слово «обломовщина» вошло в быт, и его использовали всегда, когда надо было сказать о человеке ленивом, о каком-то барине, который бездельничает и живёт за счёт крестьян.

А потом даже самого Гончарова коснулось это слово, его стали тоже причислять к людям типа Обломова, и обломовщина шла за ним по пятам. Конечно, это не соответствует действительности, Гончаров был очень трудолюбив, он много работал. Он работал переводчиком в

Департаменте внешней торговли, он был секретарём адмирала Путятина и секретарём губернатора Симбирской губернии, он, наконец, работал цензором, и довольно долгие годы, а работа цензора очень трудная, приходилось много читать и вникать в представленную книгу.

Гончаров, если бы он был Обломовым в том понимании, какое присуждал Илье Ильичу Добролюбов, не написал бы этих романов, мы бы не знали его. Аполлон Григорьев говорил об «Обломове»: «Полный мир, влекущий, преодолимо в свой круг». Заметим, здесь присутствует слово «круг» – окружность, спокойствие мирного, постепенного развития людей и общества. Это, я повторяю, чтоб Гончаров стал понятнее.

«Обломов» был встречен такими людьми, как Толстой, писавший: он перечитывал по несколько раз «Обломова», восхищаясь Гончаровым. Но, к сожалению, когда материализм деловой, материализм денег, бескровный материализм переходит уже в материализм, ведущий к крови.

И поэтому люди, утверждавшие эту идеологию протеста и расправы над царём, возглавляющим режим, слово «обломовщина» повторяли часто как символ крепостного права. В частности, Ульянов-Ленин, учившийся в Симбирской гимназии, был таким человеком, и много-много раз употреблял это слово. Потом, уже после него, это слово повторялось каждый раз, когда речь шла о Гончарове.

Но давайте посмотрим, кто же такой Обломов, вспомним его детство. Обломова любили и родители, и дворовые, и просто крестьяне, этого

мальчика хорошенького, доброго, милого, и поэтому любовь к людям передалась и взрослому Обломову.

Мне могут сказать: ну, хорошо, кого он любил и что он для них делал? Мы узнаём дальше в романе: эта любовь, казалось бы, всеобщая, обращённая на всех людей, наконец стала сюжетом романа с героиней – с Ольгой Ильинской. Обломов встал с дивана и увлёкся этой женщиной, и она благоволила к нему, видя в нём талантливого, умного человека. Надеюсь, что Илья Ильич, наконец, займётся делом и благодаря способностям станет заметным человеком в обществе. Она была честолюбивой, эта женщина, музыкально и литературно образованна, но её влекло к Обломову предчувствие: он станет большим человеком, от которого зависят многие дела в стране.

Но мы знаем по роману: этого не случилось, и мечта об умеренности, которую имел Гончаров сам, вела Обломова по другому пути.

Естественно, они расстаются, Обломов не оправдывает честолюбивых, отчасти, я бы сказал, даже меркантильных надежд этой красивой молодой женщины. И роман входит уже в такое спокойное русло, уже в другом месте Петербурга, не там, где раньше жил Обломов со слугой Захаром. Кстати сказать, этот роман был тоже экранизирован, и Захара играл знаменитый актёр Попов.

Вы скажете, неужели Обломов один в этом романе? Нет, у него есть друг детства Штольц, немец. Они вместе учились, были друзьями, и Штольц занимает в сердце Ольги Ильинской место, которое должен был занять Илья Ильич.

Потому что он твёрдый, практичный, трезвый, деловой человек и честолюбивый тоже. Женщина отдаёт чувства именно этому человеку. Но, знаете, немецкая аккуратность, исполнительность, способность работать – это всё в Штольце есть, но по части сердца недостаёт чего-то.

Штольц любил Обломова. Когда Обломов переехал с петербургской квартиры на Васильевский остров и поселился в домике вдовы Пшеницыной, он жалел: Илья Ильич не стал тем человеком, которого он видел.

Но, с другой стороны, Штольц не может отрицать: в Обломове, как он говорит, есть золотое сердце. Это слово надо запомнить для того, чтобы понять, что такое Обломов. Золотое сердце – это немало. Когда сердце любящее, оно золотое, конечно.

И вот это, казалось бы, угасание Обломова на Васильевском острове среди невысоких домиков, где живут обыкновенные мещане. Угасание, казалось бы, в семье вдовы Пшеницыной.

Но в Илье Ильиче сработал чисто мужской инстинкт, ему понравились сначала её обнажённые руки: она много работала и на кухне, и всюду, а потом и сама эта женщина. Эта женщина родила сына от Обломова, на него он перенёс всё обаяние любящего сердца. Он лелеял этого мальчика, надеялся на него, сделал для него всё, чтоб он стал полноценным человеком.

Казалось бы, разве можно сравнить размах того же Штольца, вступающего в деловые отношения с бизнесменами, и сам он такой человек, и круг его общения велик. Он всё время за границей, сотрудничает с многочисленными компани-

ями. Разве можно сравнить это обширное поле, к которому он прикладывает свой немецкий характер, с тем, что Обломов заботится об одном незаметном мальчике, живущим на Васильевском острове, и его мама вдова Пшеницына – простая женщина мещанка, но тоже с любящим сердцем?

Казалось бы, сравнить нельзя эти две сферы деятельности Штольца и Ильи Ильича Обломова, но любовь сильнее, обширнее и ценнее всякой деятельности. И поэтому Гончаров показал русского человека, воспитанного, в барских условиях, где не надо ничего делать, и показал нам, читателям: главное в русском человеке, в его характере не деловитость Штольца, не его рационализм, а эта бесконечность любви.

Поэтому, конечно, согласиться с господином Добролюбовым я не могу, как и с другими его статьями. Это был человек талантливый, сын священника, молодой представитель протестного направления. Как потом напишет Некрасов: «Ты жил, ты нас учил свободе, ты нас учил, как умирать». Для него смерть за правое дело уже закон и почти вызывает восторг.

Обломов действительно тихо в этой любви и спокойствии угасает, и даже Гончаров позволяет себе сказать: он как бы уже лёг в гроб. Казалось бы, это иносказательное отрицательное отношение, нет, любовь, и золотое сердце Обломова берут верх над всем, и сердцем самого романиста. Я считаю: это великая книга, исполненная любовью и способная дать даже современному человеку многое – развить его чувства, жизнь его сердца.

Создавая «Обломова», Гончаров готовился к новому роману, он писал его уже 20 лет. Вот так,

как он писал «Обломова», быстро, не получалось. Гончаров вступал уже в новую эпоху, эпоху императора Александра II, когда начались террористические акты в России, появилась молодёжь, мечтающая о кардинальном изменении русского уклада. Не только царского режима, как сейчас говорят, но уклада.

Ещё Грибоедов говорил про декабристов: сто прапорщиков хотят изменить уклад России, а уклад – это то, что складывалось веками, это традиция, это постепенность. И, конечно, посягновение на уклад русской жизни – преступление. Гончаров дожил до тех лет, когда террористы взорвали бомбу и убили царя-освободителя. И в романе «Обрыв», появившемся в 1869 году, не надо смотреть на разницу: «Обломов» в 1860, а этот – в 69-м.

Повторяю, роман писался 20 лет, параллельно с «Обломовым». Гончаров, конечно, как человек прежней эпохи, эпохи Пушкина, не смог принять революционные настроения молодёжи, попытку пролить кровь якобы ради священного дела. И когда он работал цензором, то пропускал очень многие книги Достоевского, Тургенева, Толстого, но он становился суровым, когда речь шла о рвении провести жалкие плоды несостоятельных доктрин материализма. Поэтому, конечно, работа цензором, кроме тяжкого труда на благо литературы, приносила ему врагов в среде так называемой прогрессивной интеллигенции. Но Гончаров остался верен себе, и в «Обрыве» он показал тип человека, принадлежащего к этому новому направлению материализма.

Этого героя зовут Марк Волохов, он находится в ссылке в Симбирске, действие романа проис-

ходит на окраине Симбирска. Но почему такое название – «Обрыв», причём тут обрыв? Во-первых, имение главной героини романа Татьяны Марковны – бабушки, как её называют в романе. Бабушка олицетворяет собой Россию, живущую постепенным ходом истории. Это поместье находится под тем спуском к Волге, который начинается на главной площади Симбирска. Я хорошо знаю это место, много раз бродил там, учась в школе, находившейся неподалёку. Она называлась Первая средняя школа, бывшая гимназия. И когда зацветала липа, оттуда шёл волнующий, счастливый запах липы.

Вы знаете, это прекрасный запах, он шёл отсюда, где было имение Татьяны Марковны. Вот как бы замкнутая жизнь имения, в которую вмешивается Марк Волохов. Кто такой Марк Волохов? Бывший студент, сосланный за убеждения в Симбирск – неплохая ссылка. Но он, даже находясь здесь, занимается скрытой пропагандой атеистических революционных книг, которые он даёт читать знакомым.

И вскоре завязывается роман между Волоховым и племянницей бабушки Верой. Вера – любимый образ Гончарова. У бабушки две племянницы – Марфинька и Вера. Марфинька – добрая, мягкая, хорошенькая круглая девушка. Любящая цветы, любящая стихи про любовь, она мечтает об одном – выйти замуж, стать матерью, хозяйкой дома и действительно, она выходит замуж за ровесника, и они счастливы.

Что же качается Веры, это фигура метущаяся, это женщина нового времени. Мы знаем: некоторые из женщин этой эпохи становились, к сожалению, террористками.

Кто руководил «Народной волей», организовавшей убийство царя-освободителя? Софья Перовская. Вот такие были женщины, ездившие в Швейцарию и там на революционных курсах (уже существовал «Коммунистический манифест») они всё это читали, изучали. И эти метущиеся, беспокойные натуры, в конце концов, или кого-то убивали, или в кого-то стреляли и пошли по пути, который женщине, казалось бы, несвойственен. Вера, конечно, далека от этих мечтаний и направлений русской жизни, она ищет высший смысл жизни: зачем человек живёт, для чего? И ей, конечно, нужен не просто муж, отец её детей, а человек, разделяющий её искания, её мечтания о новой красивой жизни. Красивой не с точки зрения богатств, а с точки зрения любви.

Марк Волохов – грубый, он козыряет свободой в каждом действии. Например, ворует яблоки в саду у бабушки. Это мелочь, конечно, но всюду присутствует одно чувство – гордыня, чувство превосходства знания, идей, к которым пришли народовольцы. Но этот молодой ещё мужчина сближается с Верой, потому что Вера доверяет силе его характера, и кажется: это сильный человек, он поможет ей встать на путь, который она ищет.

Но, к сожалению, эта история кончается печально. И тут обрыв присутствует как примета романа, это обрыв уже к Волге.

От имени Татьяны Марковны, бабушки, обрыв к Волге. На дне этого обрыва стоит беседка, странное место – под этой беседкой похоронен самоубийца.

И в этой беседке происходит, говоря бытовым языком, падение Веры. Марк Волохов получает от Веры желаемое. А она совсем не этого хотела, и, конечно, драма перерастает в трагедию.

Марк Волохов устраняется, а Вера остаётся одна. Конечно, в центре романа стоит бабушка, которую читатели «Обрыва», да и некоторые критики, называли бабушкой России. Ну, у России тысячелетняя история, естественно, она не молода. Спокойствие, умеренность и трудолюбие... в этом смысле имение её процветает.

И когда происходит эта несчастная история с Верой, бабушка, изображаемая с самых светлых сторон, вспоминает вдруг: и в её жизни был такой случай. Когда-то, увлѣкшись каким-то человеком, она оказалась в положении Веры. И для того, чтобы отмолить грех, они с Верой идут в часовню молиться.

Кстати говоря, когда мы снимали фильм о Гончарове, мы были в этом месте. Но там не было часовни, и нам пришлось иллюзию часовни воссоздать на экране и сказать о том, как Вера и бабушка пришли туда, чтобы Христос их простил.

Какой Христос для женщин, идущих в революцию? Понимаете, Гончаров был человек русский, верующий, православный. Он не кичился этим, не пропадал в церкви, но он верил в Бога.

Почему «обрыв»? Потому что после этого случая с Волоховым бабушке кажется: разрушается её поместье, скудеют её поля, она видит разруху на том месте, где твёрдо стояли дома, где цвели цветы и деревья. Вот этот образ разрухи, это тоже обрыв России в эпоху сведения счётов и крови. Гончарова, как когда-то Тургенева за

Базарова порицали за то, что он лжёт о молодёжи и не понимает её.

Так и Гончарова стали порицать: он показал Волохова отнюдь не идеальным человеком, которого идеализировала Вера.

В конце романа появляется на горизонте некто Тушин, владелец лесных заводов, живущий в провинции, далеко за Волгой. И намечается новое сближение Веры и Тушина, но этого не происходит, потому что Вера не может до конца оправиться от происшествия, от разочарования, от отчаяния. Это тоже вписывается в понятие «обрыва».

Потом Гончаров оставил работу цензора и вышел в отставку в чине действительного статского советника, штатского генерала. Гончаров 30 лет прожил в Петербурге на Моховой улице, в доме номер три.

Мы, конечно, снимали этот дом, но войти туда не смогли.

Здесь Гончаров занимал несколько комнат, рядом с ним в этом доме жил его слуга, прибалтиец с семьёй – женой и тремя детьми. И вот когда Гончаров вышел в отставку и остался один, у него была любимая собачка Миш-миш, она его утешала.

Постепенно, не сразу, пришла к нему любовь к чужим детям, и он стал о них заботиться. На небольшие деньги, потому что у Гончарова осталась только его «заработная плата», как сейчас говорят, а тогда «жалованием» называли, но деньги он не жалел, чтобы дети выросли, учились и пошли дальше. И это трогательно. Я сразу вспомнил Обломова и его любовь к мальчику.

Гончаров был сам таким, и эти дети и их наследники благодарны писателю, хранили его вещи, оставшиеся у них, и семья эта продолжала существовать и продлеваться.

Гончаров, конечно, после «Обрыва» уже не писал романов, но он много писал критических статей и публицистики: «Воспоминание о Белинском», статью о «Горе от ума» «Миллион терзаний». Он написал большую работу «Лучше поздно, чем никогда». Замечательное название.

Что это была за работа? Это книга, где он рассказывал, как он писал романы и что он имел в виду: и в «Обыкновенной истории», и в «Обломове», и в «Обрыве». И, чтобы понять Гончарова, надо посмотреть её и почитать. Он продолжал заниматься литературной работой, но однажды, гуляя, простудился. Это случилось в сентябре 1891 года, уже было холодно. Кстати, в это время этакому Марку Волохову, то бишь Владимиру Ульянову, был уже 21 год, а его брат был повешен за покушение на Александра III!

Нужно добавить, что на «Обрыв» обрушился Салтыков-Щедрин, наш сатирик и смутьян. Кстати, тоже бывший генерал, потому что служил верой и правдой и был вице-губернатором в нескольких губерниях. Итак, Иван Александрович простудился и заболел воспалением лёгких.

Перед смертью, за два дня до кончины, его посетил знаменитый адвокат Кони – имя известное в русской истории. Этот человек был близок с Гончаровым и застал его в постели. Гончаров к этому времени из-за кровоизлияния потерял один глаз. Кони пришёл к нему, одинокому, увидел его и сказал: *«Ну, Иван Александрович, вы*

Иван Гончаров

поправитесь, всё ещё будет». На что Гончаров твёрдо ответил: *«Я скоро умру, я через 2 дня умру»*. И действительно, через 2 дня он скончался.

Я помню: наш фильм о Гончарове кончался этой смертью, потому что Гончаров ещё сказал: «Кони, я надеюсь, что Христос меня простил». Вот это замечательные слова, знаменательные точные слова, последние его слова. И заканчивая фильм, я сказал: *«А простит ли он нас?»*

Этот вопрос я могу повторить и сейчас. Гончаров похоронен на Никольском кладбище Александро-Невской лавры. А в 1956 году его прах был перенесён на Литераторские мостки на Волковском кладбище.

Что ещё я могу сказать? Могу только признаться: я очень люблю этого писателя, восхищаюсь его языком, его знанием подводных течений в человеке, наконец, его добрым сердцем, которое во всех его романах главенствует. Великий писатель и замечательный человек!

НИКОЛАЙ ЛЕСКОВ

Сегодня речь пойдёт о необыкновенном писателе. Конечно, все гении русской литературы необыкновенны, но Николай Семёнович Лесков среди них занимает особое место. Лев Николаевич Толстой назвал его «гением излишка». Излишество Толстому не по духу, поскольку он – «гений равновесия» – спокойного парения слова и смысла.

Лесков не признает уставов классической формы. Можно сказать: он безумствует в языке, жанрах, стиле и образах героев. Быть «гением излишка» вина не только его таланта, но и особенность русского писателя. Николай Семёнович как никто умел широко показать Русь. У него нет крупных вещей, кроме трех романов, не самых удачных в плане охвата событий и не претендующих на эпичность, как у Толстого. Тем не менее Лесков входит в русский мир со своими романами, рассказами, сказами и притчами.

В отличие от других писателей, Николай Лесков работал не только за столом, но и служил

на благо России. Он окончил всего два класса Орловской гимназии и после этого начал служить. Николай Семёнович служил в Орловской уголовной палате, в которой до этого служил его отец – замечательный юрист Семён Дмитриевич Лесков.

Потом Лесков перебирается в Киев и работает при генерал-губернаторе Киевского округа. Затем при крупнейшем английском коммерсанте – Шкотте, становится управляющим его экономическими делами. Николай Семёнович занимается переселением крестьян из Пензенской губернии в Самарскую. Идея Шкотта и Лескова состояла в том, чтобы обогатить лучшие земли рабочими руками. В Киеве затея Шкотта не удалась поскольку мужики не хотели переезжать и к переселению относились отрицательно.

Вернувшись в Киев, Николай Семёнович занимается вербовкой рекрутов. Во время крепостного права слово «рекрут» внушало крестьянам ужас, поскольку из семьи забирали самого работающего члена и насильно отправляли в солдаты. В то время в русской армии существовал закон: солдат должен служить 25 лет. Так продолжалось до реформы 1861 года, которая принадлежит сыну Николая I Александру II. Лесков родился в 1831 году в период междуцарствия. Когда грянула реформа, ему было 30 лет, и он обладал немалым опытом работы в судебной сфере, наборе рекрутов и Министерстве просвещения. Лесков будто все время «разбрасывается».

Писать Николай Семёнович начинает как публицист. Я не знаю писателя, обладающего таким количеством публицистики. Лесков писал

о коневодческом деле, о положении малых народов в России (большая работа, посвящённая положению евреев в России), о русском духовенстве (в книге «Мелочи архиерейской жизни» он с чувством одобрения и иронии описал жизнь русских архиереев). Представьте себе человека, «разбросанного» до такой степени... а ведь искусство и литература требуют сосредоточения на одном месте и предмете.

Николай Семёнович Лесков родился в селе Горохово Кромского уезда Орловской губернии. Вскоре семья переехала в Орёл, где отец купил дом на третьей Дворянской улице – сейчас там находится музей Лескова. Я был в селе Горохово и в музее Лескова в Орле.

Прожить в Орле семье писателя не удалось. Отец «вошёл» большие долги и вынужден был вернуться в провинцию. Недалеко от села Горохово он купил хутор Панин. Хутор стоял на реке Гастомля – это был небольшой двухэтажный домик, в котором прошло детство писателя.

В 1991 году мы с телевизионной группой снимали фильм о Николае Лескове. Хутора Панин уже не было: остались лишь высокие ветлы, под ними текла речка Гастомля. В её чистой воде были видны камни и песок. Речка обмелела, но всё ещё жива, а воздух на берегу свежий и волнующий. Стоя возле реки и старых вётел, на том месте, где находился дом Лесковых, чувствуешь Родину, плотно вошедшую в язык автора: медвяный запах, идущий с цветочных полей, и тихое журчание речки Гастомли, в которой отражалось солнце.

В селе Горохово мы попали в дом директрисы местной школы. Одна из комнат в её доме отведе-

на Николаю Лескову. В ней находятся фотографии и даже некоторые личные вещи писателя. Это маленький уголок любви к писателю, который родился и вырос здесь.

В Орле находится музей Николая Лескова. Я видел диван, на котором он скончался, встретился с замечательной женщиной – директором этого музея (к сожалению, её уже нет в живых).

Следуя по пути Лескова, я всё время попадал в какие-то счастливые для души места. Видимо, дух его остался и распространяется всюду, где бывал писатель: в Орле, Горохове и Кромах.

Первая художественная работа Лескова называлась несколько необычно – «Овцебык». В рассказе с первой строки чувствуется лесковский язык, а называется он так, потому что главный герой напоминает сочетание овцы и быка (имеется в виду его голова). Герой рассказа ищет правду и не находит её. В финале от безысходности он кончает с собой. Герой жил в монастырях среди монахов – он искал правду везде, но так и не нашёл. Рассказ «Овцебык» напечатан в журнале «Отечественные записки», редактором которого был Николай Алексеевич Некрасов.

В Петербурге в 1862 году по воле судьбы с Лесковым произошли несчастья. Я имею в виду пожары, охватившие часть города, где находились рынки (Апраксино и другие). Возгорание было таким сильным, что даже царь приезжал помочь пожарным.

В то время Николай Семёнович работал в газете «Северная пчела». Её основал Фадей Булгарин, имя которого известно по ироничным строкам

Пушкина. В 1862 году Булгарин находился в своём имении в Прибалтике.

Лесков напечатал в «Северной пчеле» статью о поджогах в Петербурге. В городе распространялся слух: к пожару причастны студенты. До этого появилась жестокая прокламация под названием «Молодая Россия», предвосхищавшая дела русских революционеров.

В статье Николай Семёнович писал: «Если это сделали студенты, пусть полиция в этом разберётся, но если это сделал кто-то другой, то необходимо его найти». По-моему, трезвое рассуждение, но так называемая «передавая общественность» ...

К тому времени Россия прошла через реформу и свободы, которые ей были дарованы. Успела образоваться либеральная интеллигенция с радикальными взглядами на самодержавие, порядки в России и реформу, освободившую миллионы крестьян от крепостной зависимости. Статью Лескова либеральная интеллигенция восприняла как донос на бедных студентов, которых нужно разыскать, арестовать и наказать. Этого в статье не было, но она сыграла роковую роль в судьбе писателя. От него отвернулись многие. Знаменитый критик Дмитрий Иванович Писарев сказал: «Вряд ли сейчас в России найдётся человек, который подаст руку господину Стебницкому» (Стебницкий – это псевдоним, которым Лесков пользовался долгие годы).

Таким образом, Николай Лесков оказался в числе не просто неугодных, а презируемых передовой общественностью авторов. С тех пор его работы попадали под недобрые лучи взглядов либеральной интеллигенции.

В 1864 году (через два года после пожара) в «Библиотеке для чтения» Лесков печатает свой первый роман «Некуда» – роман о нигилистах. Слово «нигилист» ввёл в обиход Иван Тургенев в романе «Отцы и дети». В отличие от Тургенева, нигилисты Лескова – заблудшие молодые люди, среди них есть настоящие террористы – жестокие люди, способные пролить кровь ради идеи. В романе описывается, как они пытаются создать коммуну и выступают, вооружившись, против правления императора Александра. В произведении автор показал уголовную природу революции, её иждивенчество и атеизм, а также мировые претензии, ведущие счёт жертв на миллионы. Один из героев романа говорит: «Залить кровью Россию. Пять миллионов вырезать, зато пятьдесят будут счастливы». Кажется, будто эти слова предвосхищают события, которые через полвека произойдут в России.

В романе «Некуда» представлены разные люди: доктор Розанов похож на Лескова. Он хочет мирного развития, спокойствия без социальных катастроф. Но есть люди, желающие насилия. Герой по фамилии Красин (то есть красный) – один из них. Любопытно: при Ленине был большевик с такой же фамилией. Николай Семёнович в романе, будто предсказал появление этого человека.

В романе «Некуда» некоторые герои вызывают сочувствие. Студент Помада искренне верит: им удастся изменить Россию. В конце романа он погибает. Его особенно жаль, поскольку он чище и искреннее других. Николай Лесков пишет не пасквиль на молодёжь, а повествует о заблуждениях и несчастьях молодых людей.

Роман «Некуда» восприняли как поклёп на молодёжь и жестокою злою сатиру на тех, кто хочет принести пользу России, изменить её облик.

Лесков не признавал определённого жанра и канонов классической литературы. Лесков – олицетворение России.

Конечно, в России не всё закончено, совершенно, спокойно и установлено на века, мы это понимаем. Сегодня роман «Некуда» воспринимается как предупреждение, которое автор сделал гораздо раньше Достоевского (роман «Бесы»).

Николай Лесков был знаком с Достоевским и печатался в его журнале «Эпоха». Именно там Николай Семёнович опубликовал известную повесть «Леди Макбет Мценского уезда» (Мценский уезд находится в Орловской губернии, откуда родом Лесков). В повести рассказывается жестокая история о том, как красавица жена убивает мужа ради любовника. Потом она попадает на каторгу, где убивает соперницу, поскольку любовник изменяет ей. Все описанные события происходят на барже во время перевозки заключённых в Сибирь. «Леди Макбет Мценского уезда» – мрачная вещь. По словам Николая Семёновича, после написания повести он долго не мог создать что-то новое – так он был оглушён и поражён собственным сочинением.

В советское время Шостакович написал оперу по мотивам «Леди Макбет Мценского уезда» под названием «Катерина Измайлова». Сталин посетил представление. На следующий день по его приказу в газете «Правда» появилась статья «Сумбур вместо музыки». Вот такая печальная

история этой повести. К жестоким и кровавым событиям в подобной форме Лесков больше не возвращался. Однако повесть стала одной из самых известных широкому читателю.

В 1867 году Николай Лесков начинает писать второй роман. Сначала он назывался «Чающие движения воды», но позже автор озаглавил его иначе – «Соборяне» – самый великий роман, созданный Лесковым.

Как странно складывается судьба литературных произведений! Роман «Соборяне» печатался в газете «Русский вестник» вместе с «Бесами» Достоевского. Если «Бесы» представлены в 11 и 12 номерах 1872 года, то «Соборяне» – в 4 и 7. Знаменательное совпадение. Если Достоевский в «Бесах» исследует глубины греха и падения человека, то Лесков уходит в глубины добра, затаённого в сердце.

В «Бесах» изображены не заблудшие нигилисты, а инициаторы поджогов, убийств и самоубийств. Тёмная шайка ни во что не верящих людей считает: с помощью террора можно изменить русский уклад и русскую жизнь. Они – отвратительные существа, которые всё время философствуют, пытаясь доказать справедливость кровавых дел.

В «Соборянах» Лескова герои романа – священники и монахи, служащие в соборе Старгорода. Свет идёт не только от икон, песнопений и молитв, раздающихся в этом соборе. Свет исходит от людей. Главный герой романа – Савелий Туберозов, иерей собора. У героя характерная фамилия: тубероза – декоративное растение. У Савелия Туберозова есть жена, с которой они

живут душа в душу. Единственное огорчение – отсутствие детей. Автор назвал жену героя в честь избранницы Александра Сергеевича Пушкина – Натальи Николаевны. Лесков настолько возвышенно описывает образ пары, что хочется стать похожими на них.

Туберозов одинок: он борется с архиереями и владыками, которым не нравится его открытость и примирение со староверами. От героя требуют, чтобы он изгнал или переучил их. Однако Туберозов понимает: насилие в форме словесного увещания не изменит то, что складывалось веками. Староверчество появилось ещё при царе Алексее Михайловиче.

Чтобы повлиять на Туберозова, его арестовывают: запирают в квартире, и он не может выйти. Повлиять на героя невозможно.

В романе важное место уделено дневникам Туберозова. Николай Лесков называет их «нататки» (записки). В них герой рассказывает о жизни и сомнениях, в том числе о сомнениях в себе. Туберозову кажется: он недостойный христианин, ему не хватает согласия с теми, кто думает иначе.

В романе есть ещё один священник. Он – простой человек, который любит своих детей и семью. От него исходит свет, как от Туберозова.

Третий герой романа – дьякон Ахилла – повсюду спотыкается о ложь, несправедливость и обман. Пользуясь могучей силой, Ахилла предпринимает действия и обуздывает молодых людей (жителей Старгорода), группу нигилистов. Среди них – учителя, врачи и другие люди, которые верят в естествознание и теорию эволюции

Дарвина. Бог для них – пустой звук. Они даже готовы изучать кости мёртвых христианин, чтобы понять, из чего они состоят. Лесков с долей иронии пишет о священниках Старгорода. Это снижает пафос. Николай Семёнович умеет смягчать пафос возвышения доброй улыбкой. К нигилистам, которых в городе становится всё больше, он тоже относится с юмором: они изображены в романе карикатурно и не могут противостать свету, исходящему от старых соборян.

«Соборяне» – великий роман. Когда в одном номере журнала читаешь гнетущих «Бесов» Достоевского и возвышающих «Соборян», понимаешь свойства великой русской литературы: она не может лететь на одном крыле – ей необходимо второе.

Я помню своё возмущение по поводу фильма польского режиссёра Анджея Вайды, снятого по «Бесам» Достоевского. В нём сквозила мысль: вся безжалостность, жестокость и насилие – не свойства отдельных молодых людей, а черта русского народа. С этим я не согласен и могу только пожалеть режиссёра.

В 1868 и 1869 гг. выходят два тома повестей, рассказов и очерков Стебницкого (Лескова). Салтыков-Щедрин – наш апостол сатиры в изображении уродств русской жизни написал уничтожающую статью об этом двухтомнике. Более того, он заявил: Лесков как писатель подписал себе смертный приговор, после этого его читать не будут и как писатель он кончился.

Салтыков-Щедрин к концу жизни написал следующее: *«Зачем я взялся за сатиру? Кому она принесет пользу? Кто это будет читать?»*. Перед

смертью больной и еле сидящий за столом, он пишет роман «Пошехонская старина». Это произведение возвращает Салтыкова-Щедрина на дорогу великой русской литературы – литературы милосердия.

Некрасов в поэме «Кому на Руси жить хорошо?» в конце пишет, что «над Россией пролетел ангел милосердия». Ангел пролетел и над стихами поэта, творчество которого до этого было предано обличению и протесту.

По мнению Николая Лескова, литература должна: *«Воодушевить угнетённого человека – значит спасти его. А это значит более выиграть самое кровопролитное дело. Это стоит того, чтобы родиться, жить, глядя «смысла поругания» и умереть с отрадою, имея впереди себя праведника, который умер за люди, оживив, изветшавшую лицемерную мораль бодрым примером своего высокого человеколюбия».*

Этих слов достаточно, чтобы понять центральную задачу творчества Лескова. Чтобы воодушевить русского человека, необходимо поднять его и показать: на Руси живут разные люди. Николай Семёнович далёк от идеализации народа, от впадения в пиетизм по отношению к его прекрасным качествам. В рассказе «Бесстыдник» события происходят после Крымской войны, в которой Россия потерпела поражение. По сюжету в компании встречаются двое: один – израненный и воевавший в Севастополе, а другой – ведавший провиантом и сидевший в тылу. Последний поедает огромное количество сёмги, играет в карты и не обращает внимание на возмущение героя Севастополя. Вдруг он встаёт и говорит:

«Мы – русские, как кошки: куда нас не брось – везде мордой в грязь не ударимся, а прямо на лопатки встанем. Где, что уместно – так себя и покажем: умирать – так умирать, а красть – так красть. Вас поставили к тому, чтобы сражаться и вы это исполнили в лучшем виде: вы сражались и умирали героями и на всю Европу отличились. А мы были при таком деле, где можно было красть. Мы тоже отличились и так крали, что тоже далеко известно. А если бы вышло, например, такое повеление, чтобы всех нас переставить одного на место другого: нас, например в траншеи, а вас к поставкам, то мы бы вору сражались и умирали, а вы бы крали».

Видите, какая многосторонняя природа русского человека, запечатлена здесь. В конце рассказа герой Севастополя говорит: *«А ведь он прав».*

Николай Лесков далёк от благодушного песнопения в адрес народа.

В известном рассказе «Железная воля» речь идёт о крестьянах. Однажды к ним в село приезжает немец, управляющий, от владельца помещением. Он устанавливает немецкие порядки: вводит расписание и дисциплину. Более того, немец собирается построить механическую фабрику, необходимости в которой нет. Крестьяне не подчиняются новому управляющему. Заканчивается рассказ смешно: немец на обеде у дьякона объедается блинами и умирает. Кажется, будто его специально накормили таким количеством блинов.

По мнению Лескова, русский народ далёк от того, чтобы заниматься шагистикой (как при Павле Первом), а также демонстрировать покорность и верность немецким законам. Русский человек немецким законам подчиняться не хочет.

Однако те, кто пришёл к нам в 1917 году, были именно от немцев.

В 1870 году Николай Семёнович печатает роман «На ножах» – вещь откровенно беспощадную по отношению к нигилистам. Они становятся бандитами и негодьями, думающими только о деньгах и захвате власти. Ради этого они убивают, режут и, в конце концов, погибают.

Роман «На ножах» отличается от романа «Некуда». В нём Лесков беспощаден по отношению к террористам. Главный герой романа Горданов отвратителен и напоминает героев «Бесов».

Но не отступает и тихая лесковская тяга к светлому, святому и добру в русском человеке. Он пишет замечательный рассказ «Запечатленный ангел» и повесть «Очарованный странник». Эти вещи широко известны.

В 1876 году в журнале Достоевского «Гражданин» Николай Лесков печатает повесть «На краю света» о православных миссионерах в отдалённых местах Сибири. Герои должны обратиться в христианство обитающих там язычников. Повествование ведётся от имени архиерея, который едет Сибирь. Он пытается обратить язычников с помощью проповеди и разговора с ними: объясняет, кто такой Христос и что такое христианство. Во время метели архиерей попадает в беду и чуть не замерзает, но его спасает местный житель-язычник. Может показаться: повесть посвящена этому событию. Однако в ней есть ещё один замечательный герой – старый христианин Кириаки, которого архиерей берёт с собой для просвещения язычников. В повести Кириаки

рассказывает несколько историй, смысл их сводится к следующему: когда человек призывает Христа или хочет, чтобы он пришёл, то ощущает, как в «запазушке» появляется тепло. Это тепло и есть Христос. Ни проповеди, ни заповеди, а тепло, которое греет человека, – есть христианство. Замечательный образ! Я не знаю, почему, но в недавно вышедшей книге Майи Кучерской «Лесков» в серии «ЖЗЛ» о Кириаке не сказано ни одного слова. Именно он стоит в центре повести «На краю света».

Николай Семёнович пишет и печатает такие рассказы, как «Однодум», «Инженеры бессеребряники», «Несмертельный Голован».

Несмертельный Голован – бывший крепостной, выкупивший себя, маму, сестру и возлюбленную собственным трудом. С возлюбленной Павлушей он живёт, как девственник, поскольку она замужем. Мужу ничего говорить нельзя – он преступник и где-то пропадает. Кажется: Голован может уже по закону жениться на возлюбленной, но он этого не делает. Голован – человек совершенный. К Орлу подбирается чума или язва. Люди болеют и умирают. Один пастушок из кустов видит, как Голован поднимает штанину, а там язвенный нарыв. Голован берёт косу и срезает икру вместе с нарывом, спасая таким образом не только себя, но и город. Вот почему Голована стали называть Несмертельным. Все в городе вспоминают эту историю с чумой. Вокруг Голована нет человека, которому он не помог или не заступился.

Рассказ «Однодум» посвящён простому русскому крестьянину. Его мама печёт пироги и торгует

на рынке, а ему дают сумку с корреспонденцией, велят ходить на почту и относить письма за много вёрст. Крестьянин покорно выполняет работу. Его спрашивают: «Может, ты хочешь получить какой-нибудь чин?», – но ему ничего не нужно. Однодум знает только одну книгу – Библию и читает её дома и в дороге.

Лесков близок к русской духовной жизни. Как человек религиозный и верующий, он прекрасно знал быт русской церкви. На этой почве произошёл конфликт с Достоевским. В «Братьях Карамазовых» Фёдор Михайлович описывает монастырь, старца Зосиму и монастырские нравы. Лесков написал статью, выразив мнение: Достоевский плохо знает церковный быт.

Статья так возмутила Достоевского, что он, в свою очередь, написал: Лесков ходит с книжечкой и записывает народные слова.

Николай Лесков близок к русской церкви, но не фанатичен. Он верует подобно Кириаку.

В городке, где жил Однодум, умер квартальный, крестьянина поставили на его место. Однодуму советуют шить мундир, но он отказывается и по-прежнему ходит в старом тряпье, в котором носил почту. Потом умирает городничий, и Однодума ставят на его место. Вскоре в город приезжает Ланской, генерал-губернатор Костромской губернии (будущий министр иностранных дел). Он – брат генерала Ланского, муж Натальи Николаевны после смерти Пушкина. Приезд Ланского вызвал в городе переполох почти такой же, как в «Ревизоре». Все начали красить заборы, но городничий сказал: ничего делать не нужно и потребовал всё оставить как

есть. Однодума просят одеть форму, но он отвечает: денег нет (он получает 10 рублей в год, потому что отказывается от поборов и взяток). Городничего уговорили надеть чужую форму, и он в белых лосинах сел на только что окрашенный шлагбаум. Вскоре приезжает генерал-губернатор Ланской и встречает человека, которого в чиновничьем мире наблюдать не приходилось: городничий читает Библию, верит в неё, поступает по заветам, и ему ничего не нужно. Ланской и Однодум знакомятся. Генерал-губернатор называет его чудачком, приглашает к себе и уезжает. Вскоре в город доставляют Владимирский крест на имя городничего. Однодум получил дворянство. Скромно награждается русский праведник на Руси в рассказе Лескова.

Повесть Николая Лескова «Сказ о Тульском косом левше и стальной блохе», наверное, знают все. Она напечатана в газете «Русь» в 1881 году. Александр Первый после победы над Наполеоном решил «прогуляться» по странам Европы, взяв с собой атамана Платова. Они приезжают в Англию, им показывают различные механические диковины. Александру подают пустой поднос, и только через мелкоском (так микроскоп называет Лесков) императору удаётся разглядеть стальную блоху, которую потом кладут в бриллиантовую постельку. Когда блоху заводили маленьким ключиком, она начинала танцевать. Император поразился, но Платов возразил: наши мастера могут сделать не хуже.

Игрушку Александр увозит в Россию. Она становится собственностью Николая Первого, когда он приходит к власти. Однажды, посмотрев на блоху, император спросил: «Ну, что, у нас не най-

дутся мастера, которые сделают что-нибудь подобное?» Вскоре мастеров находят в Туле – оружейной столице России. Блоху привозят на оружейный завод. Группа мастеров забирает её и запирается в избе. Проходит время и приближается срок сдачи готовой работы императору.

В этой книге о Лескове, о которой я упомянул, атаман Платов изображён ничтожным солдафоном, который не выхлопотал Левше документа. На самом деле, Платов – настоящий русский человек, уверенный – наши побьют англичан.

Наступает срок сдачи работы. Мастера покидают избу и показывают императору подкованную блоху. В честь этого события Николай Первый посылает в Англию самого искусного мастера Левшу. Там ему показывают преимущества английской техники. Левша внимательно всё осматривает и замечает: англичане чистят ружья кирпичом, отчего стволы засоряются. Он запоминает это и в конце повести, умирая говорит: «Передайте государю, чтобы у нас не чистили ружья кирпичом». Мы потерпели поражение в Крымской войне, потому что у наших противников (Англии, Франции и Турции) были нарезные ружья, поэтому пуля летела быстрее и точнее. А мы воевали с одноствольными гладкими ружьями. Именно это имел в виду Левша, когда просил передать императору просьбу.

В Англии мастеру предлагают разные блага, в том числе женитьбу на англичанке. Здесь проявляются достойный характер этого человека, на первый взгляд, кажущегося комичным. Левша говорит: он должен вернуться в Россию, поскольку там у него остались пожилые родители. В

ответ на вопрос: «А что вам англичанки не нравятся?», – мастер начинает подробно разбирать их наряды. По словам Левши, у наших крестьянок в одежде всё гораздо проще. «Нет, я поеду домой». – решительно заявляет мастер.

Левшу сажают на корабль вместе с английским шкипером, который спаивает его по дороге. Они начинают соревноваться, кто больше выпьет и физически крепкий шкипер, конечно, побеждает. Бедный Левша возвращается в Россию разбитым от пьянства. Его не могут устроить ни в одну больницу, поскольку у мастера нет документов. Его отвозят в Обуховскую больницу, в которую принимают мёртвых. В конце концов Левша поскользывается и, разбив голову о камни, умирает. Вот так заканчивается жизнь этого чудесного русского таланта, обладающего неподдельным юмором.

«Левша» прославил Лескова также, как «Тупейный художник» и «Часовой на часах».

История рассказа «Часовой на часах» проста и по-своему безутешна. Стоит простой часовой у дворца на набережной Невы в будке. В это время кто-то пытается перейти реку по льду, но падает и начинает тонуть. Человек кричит, прося о помощи, но часовой не имеет права оставить пост. Солдат мучается и долго не может заставить себя прийти на помощь, но всё-таки спасает человека. Часовой спускается вниз, погружается в невскую воду, протягивает утопающему ружье и вытаскивает беднягу на сушу. В это время мимо проезжает караульный офицер. Он сажает к себе в сани спасённого человека, отвозит его к приставу и заявляет: это он его спас. Офицер полу-

чает медаль за спасение утопающего, а часовой – двести ударов розгами, но остаётся жив. Покидая пост, он знал: за это по военному уставу последует жесточайшее наказание – не только арест, а каторга и даже расстрел. Вот на что пошёл солдат ради спасения человека, но этим воспользовался какой-то проходимец. Так часто бывает в жизни. Вот простой русский человек, каков он есть.

Николай Лесков был женат на Ольге Васильевне Смирновой. В 1855 году она родила дочь Веру. К сожалению, девочка оказалась психически нездоровой, и Николай Семёнович вынужден был отдать её в сумасшедший дом. Дочь пережила Лескова. Писателя не стало в 1895 году. Ленину тогда было 25 лет. Вот в какое время умер Николай Лесков.

В Киеве Лесков встретил Евдокию Степановну Бубнову. Евдокия стала его гражданской женой и родила ему сына Андрея. Впоследствии молодой человек поступил в кадеты.

В конце жизни Николая Лескова произошло важное событие. В марте 1881 года взрыв на Екатерининском канале убил царя-освободителя. Нигилисты-террористы всё время находили себе новых соратников. В итоге образовалось общество «Народная воля», куда входили рабочие и Софья Перовская, дочь бывшего генерал-губернатора Петербурга. Она возглавляла подготовку покушения. При Лескове было две попытки убить императора Александра, но эта стала последней. Николай Семёнович гулял с сыном (они жили на Фурштатской улице возле Таврического сада). Услышав взрыв, они взяли извозчика и поехали к месту событий. Там всё было окружено войсками,

но поскольку сын писателя был в военной форме, их пропустили. Лесков увидел кровавые следы произошедшего на Екатерининском канале. Сначала бомбу бросил Рысаков и повредил карету царя. Александр мог уехать – при нём был казачий разъезд, а за каретой в саних – полиция, но он остался. Царь вышел посмотреть, что произошло и, когда подошёл к месту взрыва, сказал:

– *Слава Богу, кажется, обошлось.*

– *Нет, не обошлось,* – возразил Гриневицкий, студент технологического института.

Он бросил бомбу прямо под ноги царю.

Это был конец. Александру оторвало ноги, он истекал кровью. Царя увезли во дворец, где он скончался через час.

Вот до чего дошли нигилисты, террористы или «бесы», как их называл Достоевский. Лесков предвидел эти события, поэтому раньше всех об этом написал. Николай Семёнович догадывался: нигилисты принесут горе России – они убьют не одного царя, а саму Россию.

Когда они покинули место покушения, редактор одного издания попросил Лескова написать о своих впечатлениях. Писатель на это ответил: «Я не могу, я не буду. В этом хаосе ничего нельзя сделать». Николай Семёнович был очень подавлен. Он – единственный русский писатель, который стал свидетелем этого преступления.

Николай Лесков многообразен: он «разбросан» в книгах, статьях, очерках и докладах о произведениях новых писателей. Лесков раскинут, подобно России – от Балтики до Камчатки. Столько в нём русского, замечательного и горького.

Когда я впервые посетил Волковское кладбище зимой в Петербурге, то захотел навестить могилы русских писателей. Однако выяснилось: в 1936 году Тургенева, Гончарова, Салтыкова-Щедрина и Лескова перенесли на Литераторские мостки. Тогда, зимой в снегу я увидел лишь верхнюю часть камня с надписью «Николай Семёнович Лесков». Сейчас, конечно, могила писателя ухожена, но останки наших великих писателей разбросаны по Литераторским мосткам так, что один находится за сто метров от другого. Например, Салтыков-Щедрин просил похоронить его возле Тургенева, и на Волковском кладбище они были рядом. Кстати, Лесков был на прощании с Тургеневым.

Потом взяли и всё разделили. Беда нового времени не наносит ущерб Николаю Семёновичу Лескову, который освятил литературу XIX века лучом добра, святости, любви к России и русскому человеку, особенно к праведнику, чей образ он лелеял в душе. Лесков говорил: «Благоухает роза – благоухает и ландыш». Все эти праведники: Однотум, Несмертельный, Голованов, Кириак и другие, словно ландыши среди других героев великой русской литературы. Поэтому, бывая в местах, связанных с жизнью Николая Лескова, я всегда ощущал его присутствие и почти невидимое влияние на меня. И в моей жизни отразился его прекрасный луч.

ИВАН БУНИН

В январе 1996 года российский телевизионный канал отправил нашу съёмочную группу в командировку в Париж. Мы поехали в столицу Франции, потому что там ещё оставались люди, знавшие замечательного писателя и лауреата Нобелевской премии – Ивана Алексеевича Бунина.

Фильм, который мы собирались снимать, входил в программу «Лауреаты Нобелевской премии». Как известно, Бунин – первый русский писатель, удостоенный этой награды. Случилось это в 1933 году. За Нобелевскую премию развернулась настоящая борьба. Соперничали Куприн и Мережковский (он даже приходил к Бунину и предлагал поделить премию пополам).

В 1933 году король Швеции вручил Ивану Бунину Нобелевскую премию.

В Париже оставались люди, знавшие Бунина при жизни, и мы хотели с ними встретиться.

Первой позвонили княжне Зинаиде Алексеевне Шаховской. Она жила и в Париже, и в столице Бельгии. Княжна была близкой знако-

мой Бунина. Шаховской позвонила наша режиссёр Ольга Васильевна Кознова. В ответ на звонок Зинаида Алексеевна сказала: ей девяносто лет и сниматься она больше не будет. Тогда Ольга Васильевна передала трубку мне. Не знаю, что повлияло на исход разговора, но Зинаида Алексеевна согласилась, выдвинув условие: мы будем снимать её через марлю (княжна хотела выглядеть в кадре моложе).

И вот, направляясь в Париж, я в самолёте думал об Иване Бунине: вспоминал, что я о нём знаю и за что люблю. Меня с юности очаровывал его неповторимый русский язык. Позже я читал его замечательную книгу «Освобождение Толстого». Иван Алексеевич один из первых сумел проникнуть в тайну ухода Толстого из дома и загадку его мучений по поводу смысла жизни. Духовно Лев Николаевич никогда не жил спокойно. Его беспокойная внутренняя жизнь была замечена Буниным и во многом извлечена из дневников писателя. Когда я читал Бунина, то понял: дневниковые записи Толстого, которые он вёл с юности и до старости, могут составить его собрание сочинений не в качестве приложения, а как одно из составляющих оставленного нам Толстым наследия. Без прочтения этой книги невозможно до конца понять душу Льва Николаевича и причину его ухода.

Затем я читал недописанную Иваном Алексеевичем книгу о Чехове. Бунин много раз встречался с Антоном Павловичем и писал о нём с любовью. Согласно легенде, Бунин сватался к сестре Чехова Марии Павловне, но его предложение отклонили, поскольку оно было сделано

тринадцатого числа. Иван Алексеевич с теплотой и вниманием рассказывает о характере Чехова, его разговорах и настроениях. К сожалению, эту книгу Бунин не успел дописать.

Квартира Бунина находилась на третьем этаже в доме на улице Оффенбаха (Париж) в районе Пасси (там жила талантливая художественная интеллигенция). В одно прекрасное утро Иван Алексеевич поднялся с постели и заявил жене Вере Николаевне: *«Я умираю»*. В этот день его не стало. Так была не закончена книга о Чехове.

Конечно, в Париже почти не осталось тех, кто в 1920-е годы привнёс в эту страну и город великую русскую культуру и неповторимый русский язык. В год нашего приезда русский язык уже не звучал на улицах Парижа, поскольку его носителей не осталось.

Жизнь Зинаиды Алексеевны Шаховской была разнообразна и богата впечатлениями. Долгие годы она была главным редактором «Русской мысли». Кроме того, Зинаида Алексеевна присутствовала на Нюрнбергском процессе в качестве корреспондента. Шаховская писала романы под мужским псевдонимом. Зинаида Алексеевна жила также в Советском союзе (её муж-дипломат был сотрудником посольства Бельгии в Москве).

Иван Алексеевич очень нежно относился к этой женщине, несмотря на большую разницу в возрасте. Когда Бунину было шестьдесят, ей – двадцать семь (год, когда Бунин получил Нобелевскую премию). Иван Алексеевич писал: *«Когда не вижу Шаховскую, хожу сам не свой – тоскую»*. Зинаида Алексеевна была независима и привлекательна, а Бунин любил красивых женщин.

И вот мы в квартире Зинаиды Алексеевны Шаховской на улице Фарадея в Париже. Небольшая, засыпанная книгами квартира. Книги повсюду: на полках, на столах и на полу. Сразу видно: иммигрант во Франции живёт небогато. Книги -единственное богатство, которое за прошедшие годы удалось скопить хозяйке. Среди изданий нашлись и подаренные Буниным.

Мы вошли в дом, и я сел напротив Зинаиды Алексеевны. На стене висел автопортрет её мужа. Начался разговор. Княжна рассказала о стеснительности Бунина. Существует мнение: Иван Алексеевич близко людей не подпускал, был гордецом и высокомерно общался с окружающими. Зинаида Алексеевна опровергла эти слухи: Бунин мог привязываться, мог быть добрым, отзывчивым, несмотря на вспышки темперамента (иногда его настигал гнев). Шаховская знала Ивана Алексеевича ещё в относительно молодые годы. Бунин родился в 1870 году, и к моменту эмиграции ему было около пятидесяти лет.

Иван Бунин происходил из родовитой дворянской семьи, среди его предков и родных – поэтесса Анна Бунина, Бунин – отец Жуковского и другие известные люди. Иными словами, семья Буниных – старинная, дворянская. Отец писателя, Алексей Николаевич Бунин, был замечательным человеком. Позже Бунин опишет его в книге «Жизнь Арсеньева». В молодости Алексей Николаевич под Севастополем воевал с союзниками, желающими отнять у Российской империи Крым. Как известно, в этой войне участвовал и Лев Николаевич Толстой. Когда Иван Алексеевич

Иван Бунин

познакомился с Толстым и назвал свою фамилию, писатель вспомнил его отца.

После войны Алексей Николаевич Бунин стал степным помещиком. Место, где проходило детство Бунина и находились имения его отца, расположено в центре России. Историк литературы Вадим Кожинов удачно подметил: на небольшом узком пространстве русской земли родилось множество великих русских писателей. Действительно, если очертить вокруг Воронеж, Орёл и Тулу, то можно найти родовые гнёзда Толстого, Лескова, Бунина, Тютчева, Леонида Андреева, Тургенева, Пришвина, Дмитрия Писарева (великого русского критика). Земля средней России богата талантами и гениями.

Окружение воспитало в Бунине любовь к литературе, музыке и всем искусствам. К сожалению, Иван Алексеевич не закончил гимназию и стеснялся этого. Зинаида Алексеевна говорила Бунину – стесняться нечего: он – лауреат Пушкинской премии, вручённой Академией наук, почётный член Российской академии по разряду словесности и, наконец, просто великий писатель. Многие из тех, кто закончил несколько учебных заведений (включая университеты и гимназии), не стали тем, кем стал он. Однако аргументы Шаховской не убеждали Ивана Алексеевича, он всё равно переживал из-за своей якобы малой образованности. Тем не менее, Бунин принадлежал к числу самых образованных и умных людей России своего времени.

Зинаида Алексеевна рассказала об одном смешном эпизоде из жизни писателя. Когда Иван

Алексеевич получил Нобелевскую премию, он пригласил её в Венецию. На это Шаховская прямо ответила: *«Конечно, прекрасно прогуляться в Венеции с лауреатом Нобелевской премии, но лучше поехать туда с молодым человеком»*. Разница в годах объясняла эти слова. Бунин не обиделся, и дружба продолжалась.

Затем Шаховская рассказала, как Иван Алексеевич вёл себя после получения Нобелевской премии, содержащей крупное материальное вознаграждение. Получив деньги, Бунин не стал наращивать капитал и пользоваться высоким званием, чтобы печататься. По словам Зинаиды Алексеевны, он поступил чисто по-русски: как только услышал о присуждении награды, тут же взял чистый лист бумаги и начал писать фамилии коллег, писателей-эмигрантов, живущих в нужде. Большую часть Нобелевской премии Бунин раздал им. А вообще Иван Алексеевич был человеком широкой натуры: ездил на такси и обедал в ресторанах.

В разговоре с Зинаидой Алексеевной речь зашла о Бунине-писателе и о его последней книге «Тёмные аллеи». Она отличается от традиционной русской классической литературы, где всегда соблюдалось целомудрие в описании интимных любовных отношений. Бунин переступил черту, но не дошёл до крайности, извращения и пошлости. Ивану Алексеевичу удалось откровенно описать встречи, любовь и расставания. Возможно, это был последний всплеск его художественного таланта и памяти, вдохновляемый прошедшей жизнью, которую он с грустью и восхищением вспоминал. Конечно, в книге присутствуют разо-

чарования, измены, обман, но в центре – любовь, нежность и рыцарское отношение к женщине.

В рассказе «Руся», входящем в цикл «Тёмные аллеи», описывается любовь молодого репетитора, приехавшего в одну из усадеб, к дочери хозяйки. Между учителем и ученицей завязывается чистая, нежная и незабываемая любовь. В конце рассказа бывший репетитор, ныне пожилой человек, едет на юг в поезде и проезжает мимо станции, где находилась усадьба. Герой вспоминает прошлое и тоскует, жена намекает ему: он, возможно, скучает по босоногой возлюбленной. Он отвечает ей латинским афоризмом: *«возлюбленная нами, как никакая другая возлюблена не будет»*. Жена спрашивает его о значении фразы, а герой отвечает: ей знать не надо. Последние слова рассказа придают основную тональность новеллы – не забвения, а воскресшей памяти: богатой, щедрой и любвеобильной.

Зинаиде Алексеевне «Тёмные аллеи» сначала не понравились, поскольку присущее западному беллетристу, неприлично для русского писателя, наследника русской классики. В конце концов, она примирилась с этой книгой и стала думать иначе. *«Наверное, это уже возраст, да?»*, – спросила она меня.

Наша беседа проходила в дружеской обстановке, несмотря на огромную разницу в возрасте и различие культур. Когда мы отправились к Зинаиде Алексеевне, жена Владимира Максимова напомнила: *«Имей в виду, ты едешь к элите русской эмиграции. Будь на высоте»*. Не знаю, выдержал я этот экзамен или нет. Скорее всего, да, поскольку расставались мы очень тепло.

Зинаида Алексеевна рассказала: Бунин очень боялся смерти. В рассказе «Огонь пожирающий» Бунин описывает кремацию рано умершей молодой женщины. Рассказ написан с содроганием, болью и страхом в душе. «Огонь пожирающий» передаёт страх Бунина – жизнелюбивого и влюблённого во всё, что жизнь дарит человеку.

Когда они встречались в последний раз, Шаховскую сопровождал брат, священник из Сан-Франциско. Иван Алексеевич болел, и они увиделись в больнице. Бунин стеснялся старости, но дожил до восьмидесяти трёх лет.

В конце нашей встречи Зинаида Алексеевна подарила мне две свои книги. Хочу процитировать, что она написала: *«Дорогому Игорю Петровичу к Новому 1977 году. Париж 14.12.1996. Как хорошо было встретить собрата из России, так прекрасно знающего о чем мы говорили. На память о встречах в Париже с добрым чувством Зинаида Шаховская»*. Книга хранится у меня на полке, как драгоценный подарок.

Я вынужден сделать небольшое отступление и рассказать о том, что оставил нам Бунин. Иван Алексеевич рано начал писать. Он написал много стихов. Владимир Набоков говорил: поэзия Бунина – вершина русской поэзии. К сожалению, стихи Бунина также не совершенны, как стихи Набокова. Позже Владимир Набоков стал относиться к Бунину критически, как к наследнику русской классики, которую он считал оппонентом. К Набокову Иван Алексеевич относился по-дружески, однажды пригласил его в ресторан: посидеть, выпить рюмку водки и поговорить по-русски за жизнь и о душе. Но Набоков – дру-

гой, разговоры по душам ему были неинтересны. Позже Бунин сказал: *«Набоков – чудовище, которое пришло с пистолетом и всех нас перестреляет»*. Иван Алексеевич имел в виду позицию Набокова по отношению к традициям русской классики, которую представлял Бунин.

Иван Алексеевич рано начал писать, первая любовь отразилась в «Жизни Арсеньева» и в повести «Лица». На самом деле, женщину звали Варвара Пащенко, но в рассказе Бунин дал ей имя Гликерия (Лица). Бунин испытывал сильную привязанность. Влюблённые прожили вместе несколько лет. Иван Алексеевич познакомился с Варварой в Орле в редакции одной из газет, где они работали. Позже они переехали в Малороссию в Полтаву. Вскоре Пащенко покинула Бунина. В последнем письме к Ивану Алексеевичу Варвара благородно пишет о том, что *«любовь кончилась, а единство в мыслях разошлось. Что же осталось? Зачем оставаться вместе?»* Кроме того, отец Пащенко был против её брака с Буниным, поскольку не видел за ним большого будущего. Варвара вышла замуж за богатого друга Бунина, некоего Бибикова. Однажды произошёл трагический для Пащенко случай. Когда они с мужем гостили у Бунина и Веры Николаевны Муромцевой (его жены), Ивану Алексеевичу присудили звание почётного академика Русской академии. Курьер принёс сообщение об этом высоком звании. Представляю, как сжалось сердце Варвары, когда она вспомнила наставления отца. К сожалению, Пащенко рано скончалась (1916 г.). Я убеждён: Варвара Пащенко – самая любимая женщина Бунина.

Ивана Бунина относят к русской классике не как поэта, а как прозаика. Писатель – наследник дворянского рода, долгое время проживал в деревне. Родился Иван Алексеевич в Воронеже. Семья переехала в имение отца в Орловской губернии, позже в другое имение... В сущности, детство и юность Бунина прошли среди крестьян, поэтому ранние его вещи посвящены русской деревне. Отдельного внимания заслуживает повесть «Деревня», опубликованная в 1910 году. Повесть создана рукой мастера – окрепшей рукой сильного и талантливое прозаика. В «Деревне» жизнь русского крестьянства изображена с отчаянием и в тёмных тонах. У многих повесть вызвала возмущение и протест. Когда я, готовясь к этой лекции, читал повесть «Деревня», то почувствовал, как будто тёмная пелена накрывает меня. В повести изображена уничтоженная крестьянская Русь: несчастные нищие, больные люди, не умеющие пахать и сеять. Однако повесть написана умелой рукой, и всё, что окружает её – основные события, связанные с падением русского крестьянства (я имею в виду природу деревни). Изобразительностью, достигшей предела, Бунина зачастую укоряли. Ивана Алексеевича упрекали: он якобы брезгует сюжетом и душами людей ради изобразительности.

Появление повести «Деревня» приветствовал Максим Горький. Он не любил русское крестьянство и считал его рассадником мелкобуржуазной стихии. Позже Горький поддерживал большевиков. Поэтому он хвалил повесть «Деревня», но был одинок в своём мнении. Горький появился в жизни Бунина, когда перестал быть босяком. На

самом деле, он никогда им не был. Максим Горький – сын владельца пароходной компании на Волге. Разбогатев благодаря ранним вещам, он обзавёлся издательством «Знание», где печатался Бунин.

Я зачитаю отзыв обозревателя «Одесских новостей» и его будет достаточно, чтобы понять отношение современников к повести «Деревня»: *«Вырастает во всю свою огромную величину картина народной жизни, на которой преобладают густые черные тени. Что-то щемящее, почти безнадежное исходит от этого мрачного полотна. Что-то глубоко пессимистическое, почти отрицательное сквозит в каждом густом мазке, которым это полотно набросано».*

Антон Чехов иначе относился к русскому крестьянству, о чём свидетельствует его замечательная повесть «В овраге». Когда я думаю о «Деревне», то вспоминаю повесть Чехова «Мужики». В ней жизнь русского крестьянства изображена также, как в повести Бунина. Прочитав повесть «Мужики», Лев Николаевич Толстой сказал: *«Чехов не знает русского мужика. Неужели 120 миллионов мужиков в России такие, какими они изображены здесь? Куда бы мы делись и кем были, если бы все выглядело так? Мы бы провалились и провалилась бы Россия».* Этот отзыв косвенно отражается в повести Бунина «Деревня». Позже он написал ещё одну – «Суходол», более лояльную в отношении к крестьянской жизни и природе (я имею в виду природу души крестьянства).

В 1912–13 гг. Бунин живёт на Капри и часто встречается с Максимом Горьким: играет с ним в шахматы и разговаривает. Иван Алексеевич

находится в дружеских отношениях с Горьким, который поощряет определённую интонацию по отношению к русской деревне, прозвучавшую в повести Бунина. Он приветствует и короткие рассказы Ивана Алексеевича, пропитанные отчаянием и безнадёжностью. В них вновь предстают болезни, смерть (в том числе детей) и разорение. Это, правда, тяжело читать. Подобные темы нельзя объяснить нелюбовью Бунина к русскому народу. Они объясняются, скорее, временем создания рассказов. Тогда вопрос о крестьянстве дискутировался в русском обществе. Муссировалась идея о порождении и распространении крестьянством в России мелкобуржуазной стихии. Позже прогремела позорная для России русско-японская война... Настроения в обществе, эпохе и времени существенно влияли на творчество Бунина.

Живя в Одессе, Иван Алексеевич познакомился с гречанкой Цапни и неожиданно для ближнего круга на ней женился. У них родился сын Константин, но, к сожалению, этот замечательный мальчик рано умер, а брак быстро распался. В отношениях с женщинами Бунин не был счастлив. Если с Варварой Пащенко связывало сильное чувство, то со временем оно деформировалось. Когда Иван Алексеевич получил Нобелевскую премию, писатель сошёлся с поэтессой Галиной Кузнецовой. Она жила в их доме на юге Франции в Грассе. Иными словами, его окружали Вера Николаевна Муромцева и эта молодая женщина. Для стареющего Бунина и его жены ситуация стала настоящей трагедией и несчастьем.

Снимая фильм, мы оказались в Переделкино на даче у Олега Михайлова – замечательного человека и прекрасного знатока русской эмиграции. У него была картотека с описанием эпистолярного наследия эмигрантов, с которыми он переписывался, например, Шмелева и Зайцева. Олег Михайлов читал нам письма Зайцева, написанные в ответ на его письма. Зайцев пишет: знал об истории с Галиной Кузнецовой. По его словам, это грустно, но, возможно, сказалась холодность Веры Николаевны. Трудно сказать, так ли всё обстояло на самом деле. Трудно говорить о его личной жизни. Это несчастье семьи Бунина. Тем не менее, он взял Галину Кузнецову с собой в Стокгольм. Она присутствовала на торжествах вручения Нобелевской премии вместе с женой Бунина.

В 1927 году Иван Алексеевич написал «Господин из Сан-Франциско», рассказ об американском миллионере, путешествующем по миру с дочерью и женой, наслаждающемся благами богатства. Однажды он оказывается на Капри и останавливается там, как турист (самый острый момент повести). В «Господине из Сан-Франциско» Бунин безжалостно описывает чуждую ему жизнь буржуазии. Как русский человек, дворянин, наследник русской жизни и русской литературы, Иван Алексеевич не мог вынести чрезмерностей западной цивилизации. Поэтому «Господин из Сан-Франциско» написан сатирически безжалостно. В центре повести – корабль «Атлантида», плывущий по морю, горя огнями, а за его бортом волнуется океан, способный поглотить в любую минуту мнимое богатство.

Миллионер на борту пользуется рестораном и погружается во всеобщее веселье. В ресторане танцует пара молодых влюблённых. Бунин насмешливо замечает: пара нанята специально для выражения наигранной любви и танцует на всех пароходах, курсирующих между Америкой и Европой. Всюду роскошь, богатство и наслаждения самыми обыкновенными благами жизни: вкусной пищей, хорошим вином, картами и отдыхом на палубе парохода. Когда семья миллионера прибывает на Капри и останавливается в роскошной гостинице, миллионер задыхается, сползает с кресла и умирает. Со смертью главы семьи резко меняется ход рассказа. К семье резко меняется отношение слуг, директора отеля и окружающих. Труп миллионера кладут в гроб и опускают на дно парохода «Атлантида», который совершает круиз обратно: плывёт мимо Неаполя и попадает в Гибралтарский пролив. Бунин со свойственной ему фантастической силой и талантом описывает, как пароход проходит через узкий Гибралтарский пролив, а на берегу на скале сидит дьявол и смотрит на роскошь – ничтожную жизнь, которую люди, стараясь украсить, только зря теряют. Рассказ выглядит полуфантастическим. Море, сидящий напротив Гибралтара дьявол – всё говорит о конечности земного и человеческой жизни, неизвестно куда рвущейся через блага цивилизации. Отталкивающе в рассказе описан механизм, работающий в подвалах корабля, в который потные кочегары бросают уголь. Рассказ, конечно, блестящий. Его даже пытались экранизировать в Америке после того, как Бунин получил Нобелевскую премию.

Самая значительная вещь Ивана Алексеевича, написанная в эмиграции в 1937 году и послужившая доводом к присуждению ему премии, стала повесть «Жизнь Арсеньева. Бунин обращается к детству, юности и проблемам, возникающим в душе юноши по мере его взросления. Можно сказать, это толстовские мировые проблемы: проблемы жизни, бессмертия, смысла жизни, цели и, конечно, Бога. Всё это постепенно нарастает в душе мальчика, а со временем – юноши. К счастью, героя окружают любимые отец и мать. Бунин проявляет чувства, в которых отказал ему Зайцев в письме к Олегу Михайлову в апреле 1959 года: *«Олегу Николаевичу Михайлову, моему хорошему другу. Настаивая на связи Бунина с Толстым, вы правы. Связь есть, конечно, даже в самом складе описания, но есть и огромная разница, о которой вы не упоминаете – духовный мир: совесть, человеколюбие, сочувствие обездоленным, сострадание, чувство греха и ответственности перед Богом. Этого у Бунина почти нет, а у Толстого в душе занимало громадное место. Потому Толстого и раздражали «бунинские дождики».*

Под «бунинскими дождиками» подразумеваются описания природы, которые, по мнению Льва Николаевича, у Бунина чрезмерны и занимают много места в его произведениях. Но какие это были картины природы!

Говорят, Иван Алексеевич, рождённый в близких Тургеневу местах, – его наследник. Это правда. Все мы чьи-то наследники... Иван Бунин другой писатель, нежели Тургенев. Иван Сергеевич больше лирический писатель, в произведениях которого изобразительность не довлеет.

Тургенев пишет красиво, точно, ясно, прекрасным русским языком. Так же как Иван Бунин, он ощущает дыхание природы. Все человеческие чувства: зрение, слух и обоняние так сильно развиты Буниным, есть и у Тургенева, но приглушены лиризмом и не выходят на первое место.

Бунинская изобразительность – не декорации в театре с мёртвыми деревьями и стенами. Иван Алексеевич обладал редким духовным обонянием. Он ощущал всякое движение в природе: запахи цветов, голоса птиц и шелест листьев. Это не изобразительность, а страстная любовь к жизни, которую даёт Бог и созданная им природа. Влюблённость в жизнь и страстное отношение к любому её проявлению – одна из самых сильных сторон Бунина. Это заражает, вдохновляет, одушевляет и даёт часы и минуты жизни тем, кто прикасается к творчеству писателя.

Вопреки отзывам Зайцева, в «Жизни Арсеньева» прекрасно описаны отношения отца и сына. Отец – человек широкий, сильный, крупный. Он бывает в гневе и раздражительным, но, вместе с тем, ему свойственна нежность, прежде всего, по отношению к собственным детям. У Ивана Алексеевича сестра и два брата. Старший брат Юлий пошёл в социалисты, отца, стародворянского человека, поведение сына не раздражало. Даже наоборот, когда Юлия арестовали и отправили в ссылку в родную деревню, отец встретил сына и радовался его приезду. С другой стороны, мать – абсолютное воплощение любви, чуткости и понимания сына по мере его взросления. Все это – счастливое детство Бунина (хотя он пишет иначе). Он пишет о душевных терзани-

ях, сомнениях и противоречивых чувствах и мыслях о жизни: с одной стороны, приветствующих её, а с другой стороны, наблюдающих её быстротечность. Как прожить на кратком отрезке времени, который отвёл нам Господь? Ответить трудно. Даже Толстой не мог ответить на вопрос до конца. Он говорил: понимает происходящее с ним и с другими людьми во всём мире, но не знает, как это выразить и назвать.

«Жизнь Арсеньева» посвящена духовной жизни самого Бунина. Он не скрывал: это очень дорогая для него автобиографическая книга. Не случайно современники-эмигранты, в среде которых он жил долгие годы, приняли книгу с восторгом. «Жизнь Арсеньева» послужила серьёзным доводом для выдвижения Бунина на Нобелевскую премию. Эта книга останется в истории русской литературы, как многое другое, написанное Иваном Алексеевичем.

Мы не можем отказаться от того, что нам предшествовало: научило, воспитало и дало возможность говорить на хорошем русском языке.

Всё это заслуга русской классики и Ивана Алексеевича Бунина. Поэтому я отношусь к нему с любовью. Разве можно иначе относиться к большому таланту и яркому оставленному нам наследию? Что будет, если мы отвергнем богатство русской классики, которое торжествует в произведениях Бунина? Как мы ответим на вопросы, которые Иван Алексеевич задаёт в «Жизни Арсеньева»? Не знаю. Я – человек старой закалки и привык к наследию великой русской литературы, которое на Бунине не заканчивается. После его кончины (1953 г.) появились авто-

Игорь Золотусский

ры, писавшие по-русски замечательно. Я имею в виду деревенскую прозу, но речь не о ней. Наследница Бунина, она сохранила крестьянский язык, всегда питавший русская литература – не какие-то экзотические слова, а саму русскую речь: чистую, ясную, как зеркало природы её жизни.

ИВАН ШМЕЛЁВ

Иван Сергеевич Шмелёв... Я до некоторого времени не знал этого писателя, и встреча с ним произошла внезапно и неожиданно, и таким странным образом. Мы с другом решили приехать в Третьяковскую галерею, в инженерный отдел, на выставку местных талантливых художников. Мы приехали на машине, остановились на углу Лаврушинского и Большого Толмачёвского переулка. Едва мы вышли из машины, как передо мной вырос невысокий памятник Шмелёву. На постаменте выгравированы инициалы.

Мне долгое время казалось: великая русская литература в эмиграции, в русском зарубежье заканчивалась именем Ивана Алексеевича Бунина. И вот сейчас фигура Шмелёва выдвинулась вслед за Буниным как фигура первой величины.

Памятник поставлен в Замоскворечье неслучайно: Шмелёв – уроженец Кадашевской слободы Замоскворечья. Замоскворечье – его родина, его детство, юность и составляющая мощь его после-

дующих книг, знание Замоскворечья и особенно Москвы-реки. Москва-река для нас сейчас – просто вода, которая протекает между берегов, набережных. В те времена, когда Шмелёв был мальчиком, река питала город. В ней была и рыба замечательная, а в весенние дни, когда начинался ледоход, там рубили лёд, чтобы затем прятать его в погребах, где хранились летом продукты, – всё это наблюдал Шмелев, будучи мальчиком.

У него есть замечательная книга – «Лето Господне», написана она в 1930–1940-х годах. Это воспоминания семилетнего мальчика о детстве, об отце, о людях, окружающих его, о Москве, о России.

Детство Шмелёва протекало в купеческой семье, он был купеческого звания, как его дед и отец. Дед Шмелёва, кстати, строил первый Крымский мост. Этот деревянный мост всегда, как говорили знающие люди, пах сосной, лесом, глубиной России. Затем, в 1873 году, поставили известный нам железный Крымский мост.

Но дед Шмелёва на этом предприятии прогорел только потому, что он отказался брать взятку от чиновников, ведавших строительством этого моста. Они были его кураторами – всю работу выполняли люди деда Шмелёва. Он отказался от взятки, и, конечно, понёс значительные потери в деньгах, после его смерти остался каменный дом и всего три тысячи рублей.

Но отец Шмелёва – Сергей Иванович Шмелёв – замечательный русский человек, самоотверженно преданный труду. У него была плотничья артель, на него работали примерно 300 работни-

ков. Он был подрядчиком, принимал заказы, а работники их выполняли.

Заказы, в основном, были связаны с плотницким делом, с деревом, причём, люди, служившие у него, даже строили подходы к храму Христа Спасителя, и в самом храме выполняли плотницкие работы. Одним словом, это было широкое поле труда, с детства вошедшее в сознание Шмелёва как основное свойство русского человека. Конечно, он наблюдал и неудачи в судьбах этих людей: бывали случаи, когда работники запивали, но потом с новой силой возвращались к труду, а самое главное – это были люди глубокой искренней православной веры.

Действие «Лета Господня» – одной из главных вещей Шмелёва – протекает во время царствования Александра Николаевича, так называли царя Александра II. Это 70-е годы XIX века. Шмелёв родился в 1873 году, и к несчастью, его замечательный отец, которому посвящено много страниц в этой книге, разбился, упав с лошади. Лошадь поскользнулась, он упал и ударился головой о камень... Шмелёву было 7 лет, когда отец ушёл. То есть, это произошло, очевидно, в 1880 году, за год до убийства царя Александра II – царя-освободителя.

Шмелёв охватывает в книге этот исторический отрезок жизни России, причём, когда читаешь её, то поражаешься подробностям, сохранённым его уже взрослым сознанием, о том, что чувствовал ребёнок в то время, какая была жизнь. В каждой комнате их дома были певчие птицы – соловьи, канарейки, дрозды. Отец очень любил пение птиц, и мальчик привык к соловьиной

трели. Он привык: когда дом готовился к великому посту, снимали занавески, мыли полы, и в доме создавался постный уют: и ели постно, и жили скромно, и молились все, кто там жил.

Искренняя вера в Бога была привита мальчику и отцом, и неким Горкиным, который служил у отца и был тоже по плотницкому делу. Замечательный человек, добрый и прощавший мальчику его шалости, его непонимание того, что надо делать.

Шмелёва с детства окружали замечательные русские люди. Это не был рай земной, но рай в том смысле, что все эти люди жили трудом и молитвой, которая всякий раз была разная. Наступало Рождество – приходили другие молитвы, приходил другой облик дома, на столе – другая пища. Потом была Масленица, потом наступала Пасха – и вот торжество, красота этого праздника очаровывали маленького Шмелёва и очаровывают до сих пор нас, когда мы это читаем.

Мы вчитываемся в книгу и думаем: «Боже мой, какая же на Руси была жизнь, полная, достаточная и совестливая». Привыкнуть к этому нам, людям XXI века, трудно, но когда вникаешь в смысл, то проникаешься, прежде всего, любовью к автору, и, конечно, к России, воссозданной им. Вот Москва-река – этот образ России, живущей, питающей людей. Как Волга питает всю Россию, так и Москва-река питает Москву и центральную Россию. И вот за Москву-реку держится всё в этой книге так ярко и проникновенно, что хочется вернуться в это время.

Шмелёв теряет отца, остаётся с матерью, совершенно другой, по сравнению с отцом, более

жестокой, суровой, не прощающей ему ошибок, мальчишества и раннего непослушания. От матери он даже изведal розги. Но она, тем не менее, окончила институт благородных девиц, была грамотной женщиной, прекрасно знала русский язык, русскую литературу и, безусловно, мать повлияла на будущего писателя.

Сначала Шмелёв поступает в гимназию, затем оканчивает юридический факультет Московского Императорского университета. После он некоторое время служит в армии, а потом становится чиновником казённой палаты. И проживает по этому случаю восемь лет в городе Владимире. Сейчас на доме, где жил служивый Шмелёв, – мемориальная доска.

Кстати, встреча с памятником Шмелёву развивалась исторически: в то время стоял просто памятник, а теперь это сквер. В 2014 году в центре Замоскворечья открыт сквер имени Шмелёва...

Начинается Февральская революция, и Шмелёв её приветствует, даже едет в Сибирь встречать освобождённых политкаторжан. Всё это делается на религиозной основе, на сострадании к человеку, нуждающемуся в защите и помощи.

В 1911 году Шмелёв печатает знаменитую повесть «Человек из ресторана». Она экранизирована в немом кино режиссёром Протазановым, и главную роль, слугу – официанта одного из богатых ресторанов Москвы – исполнял Михаил Чехов, племянник Антона Павловича Чехова.

Помню, мой отец с восторгом рассказывал об этом фильме: он видел его давным-давно. Повесть

«Человек из ресторана» стоит рядом с другой повестью раннего Шмелёва – «Гражданин Уклейкин».

Такое ироническое название посвящено несчастному человеку-сапожнику, нелюбимому в семье и не любимому людьми, потому что он всё время хочет выразить себя не только в шитье сапог. Он выходит на улицу, смело говорит, что думает о тех, кто правит в Москве.

Полицейские его останавливают, он пытается вырваться на свободу, хочет независимости, внутренней свободы. И тут 17 октября 1905 года выходит знаменитый манифест Николая II, который разрешает свободу выборов депутатов Государственной думы. И этот маленький человек, пьющий, бедный, как говорил Шмелёв, заплёванный, идёт на собрания, голосует за депутатов. Ему кажется: он участвует в большом общественном деле, может быть, решающем судьбы России. Это оказывается не так, его выбрасывает из среды людей, рвущихся к власти, и он погибает.

Что касается «Человека из ресторана», то его фамилия Скороходов. Он не молод, женат, у него есть сын и дочь. Правда, живёт в квартире рядом с подлецом, доносящим на его семью, на его сына Николая, примыкающего к социалистам. К той части протестной молодёжи, уже доминирующей среди просвещённой части студенчества или гимназистов. Сын Скороходова был гимназистом. Эта трагедия вмешивается в такую спокойную, казалось бы, жизнь маленького человека.

И кто он такой? Официант, по существу – слуга. Ему могут крикнуть, что хотят, назвать его,

как угодно, могут бросить деньги, а могут посмеяться над ним, потому что он всего лишь слуга. Слуга, чья обязанность – приносить заказанные блюда посетителям ресторана и делать это исправно, быстро и искусно. Он делает это, он прекрасно видит, как живёт ожиревшая часть Москвы, мошенники, нечестные купцы, дельцы, как говорят, гребущие деньги лопатой. И вот на эти деньги они приезжают гулять в дорогой ресторан, заказывают, что хотят: едят икру и всё, что есть на русском столе, стол ломится. Атмосферу ложной аристократической жизни меньшинства богатых людей Москвы видит этот человек. Он, конечно, в душе страдает, что должен обслуживать этих людей, часто грубых и позволяющих себе обращаться с ним, как со слугой.

Судьба маленького человека: сын уходит в социалисты, дочь становится любовницей негодяя, у неё должен появиться ребёнок. Жена умирает от разрыва сердца: не выдерживает жизни в квартире с подонками, которые ходят в полицейское управление доносить на своего соседа. У этого человека появляется одна мечта, самая счастливая – построить где-нибудь домик себе и детям и жить там, заглядывая в садик и огородик. И однажды, поздно ночью, обслуживая богатых посетителей, он обнаруживает: по всей комнате, или в зале, или по отдельному номеру, рассыпаны деньги. Гости разбрасывали деньги и забывали о них, это оказалась очень большая сумма, на которую он мог бы построить домик. Но это русский человек, совестливый, он на следующий день приносит деньги и просит этих людей, даже

забывших уже всё, что они делали и как они эти деньги бросали, взять их.

Повесть «Человек из ресторана» сделала Шмелёва известным писателем. Она была издана во всех странах Европы 11 раз, то есть это был блестящий дебют Шмелёва, наследующего традиции великой русской литературы. Современники видели в герое повести и станционного смотрителя Пушкина, и бедных людей Достоевского, и, конечно, Акакия Акакиевича Башмачкина из повести Гоголя «Шинель». Шмелёв шёл по литературному пути, наследуя богатство, оставленное нам XIX веком. Об этом говорит в статье его язык. Язык Шмелёва неповторим, это не только язык Замоскворечья, не только рабочих людей, его воспитавших... Это язык всей России.

Живя во Владимире, а это центр России, где удивительная русская речь, Шмелёв этот язык слышал. Всё это было им усвоено.

Потом происходят события революции 1917 года, и Шмелёв с женой, очень красивой женщиной, уезжает в Крым, в то время занятый германскими войсками. Там он скрывается от красной заразы, воцарившейся в столице.

1918 год: немцы и врангелевцы, воевавшие там, покидают полуостров.

В Крым приходят красные. И вот здесь Шмелёв, сначала живший на квартире, потом купивший себе небольшой участок с домом, испытывает на себе все ужасы эпохи красного террора.

В 1923 году, когда Шмелёв уже покинул Россию, а уехал он в 1922 году, кстати сказать, по просьбе Бунина, писавшего ему письма. Он звал его, обещал помощь и крышу над головой.

И действительно Иван Алексеевич очень помог Шмелёву: он, во-первых, собрал среди русских эмигрантов значительную сумму денег, на которую писатель жил в первые годы эмиграции. Наконец, Шмелёв поселился в Грассе на юге Франции на вилле, где Бунин жил летом. И вот здесь Шмелёв пишет трагическую и великую книгу «Солнце мёртвых».

Да, Крым – это Солнце. Солнце светит всем, освещает виноградники, освещает детей, животных, помогает всем обитателям полуострова. Под знойными лучами растёт и виноград, и яблоки, и инжир, и миндаль – всё, чем только богата крымская земля – и это дарит Солнце. Но в повести Шмелёва Солнце светит в тускнеющие глаза умирающих людей, в Крыму бесчинствует красный террор.

Не без ужаса ты читаешь эту книгу. Вот отзыв лауреата Нобелевской премии Солженицына: «Это такая правда, что художеством и не назовёшь. В русской литературе первое по времени настоящее свидетельство о бывшей весне».

А вот мнение знаменитого русского философа Ильина, тоже эмигранта, с которым Шмелёвы, находясь в эмиграции, дружили семьями, они любили друг друга. Ильин много писал о Шмелёве, сравнивая его с Буниным: «Бунин знает тьму, но не верит в свет». Представьте себе ужасные условия разорённого, опустошённого Крыма, где умирают дети от голода, умирают животные... У Ильина в доме был павлин. Умирает павлин, умирают курочки. Приходят красные и производят обыски, отбирают всё ценное у людей, а потом расстреливают их без суда и следствия. Шмелёв

живёт в Алуште на горе и видит, как по дороге на Ялту движутся автомобили, в них едут красные комиссары, или, как называли их местные люди, – коммунисты.

Кто эти люди? Когда читаешь повесть, читаешь о насилии, осуществляемом ими в массовом виде в своей стране, ты думаешь, откуда же взялась в русском народе эта нечисть, это отребье, и понимаешь: это не русский народ, а его подполье. Подполье людей, живших в злобе, ненависти и зависти к тем, кто трудился и зарабатывал деньги трудом. Это распоясавшиеся матросы, красноармейцы с сытыми лицами, объедающиеся остатками еды, хранящимися в закромах Крыма, и убивающие людей. Думаешь: «Господи, откуда же они взялись?»

В Алушту, в Крым к Шмелёву приезжает его сын Сергей, служивший в Добровольческой армии, то есть в Белой армии. Затем он уезжает в Феодосию. Участвуя в Первой мировой войне, он заболел чахоткой. И здесь его арестовывают, сажают в подвал, где он три месяца проводит без еды и воды, без суда и следствия, его расстреливают в числе тысяч других безвинных людей. Примерно 120 тысяч человек погибли от этого красного террора.

А возглавлял этот террор в Феодосии некий Бела Кун, так называемый венгерский революционер или коммунист, приехавший делать коммунизм в России. Какое ему было дело до России, и какое было дело ему до русского человека, когда он истреблял его?

После революции 1917 года в ЧК, в правительство, к руководству государством пришли люди,

нелюбящие Россию, которые без суда и следствия творили насилие. Взять того же Ленина. Кто такой Ленин? Смесь шведского с еврейским и калмыкским. А кто такой Каменев, кто такой Зиновьев, Дзержинский? Кто такой Урицкий, председатель Петроградского ВЧК? Это всё не русские люди, люди пришлые. А Троцкий, командующий Красной армией? Эти люди решили вовлечь Россию в мировую революцию и для этого отбирали у крестьян хлеб, расстреливали их с самолётов, из танков, когда они противились этому. Разве могли русские люди это делать, те русские люди, которых любил и описывал Шмелёв?

«Солнце мёртвых» состоит примерно из 32 новел, и каждая из них страшнее дантовского ада, настолько безумна, кровава эта жизнь, жестока по отношению к земле, деревьям, цветам, животным и даже к маленьким детям, умирающим на наших глазах от голода. Люди стараются продать последнее, чтобы фунт хлеба заработать, но его быстро проедают.

Кстати, Шмелёва в эти жуткие дни выручила повесть «Человек из ресторана». Он зашёл в один из ещё существующих в Алуште ресторанов и попросил продать хлеб. Но ему сказали: «Хлеба нет». Он пошёл к двери, неожиданно за ним выбежал человек, остановил его и спросил: «Это вы написали «Человек из ресторана»?» – «Да, это я». – «Для вас есть хлеб, мы вам дадим». Он появляется среди несчастных обречённых людей, будь то татары или русские, населявшие Крым, способным помочь соседям. Шмелёв видит свет в людях. Он к тому времени уже глубоко религиоз-

ный человек, чему способствовала его жена, преданный православию, безмерно верующий в Господа.

И недаром Чуковский написал: «Талант Шмелёва – это талант любви». Любовь воздвигается из руин, и хоть как-то, чуть-чуть освещает безмерное безумство ошалевшей красной братвы. Это не люди труда, а бандиты, грабители и бездельники, привыкшие жить за чужой счёт. Они даже Ялту переименовали в город Красноармейск.

«Солнце мёртвых» потрясло многих великих писателей – современников Шмелёва. Книга стала событием в мировой литературе. Пять лауреатов Нобелевской премии стали поклонниками Шмелёва: Киплинг, норвежский писатель Кнут Гамсун, Томас Манн, шведская писательница Сельма Лагерлёф.

Особую привязанность к Шмелёву, к его творчеству испытывал Томас Манн. Он писал письма Шмелёву и был среди тех, кто выдвинул писателя на Нобелевскую премию. Это происходило в 1931–1932 годах, мы знаем: нобелевские лауреаты имеют право на выдвижение. Томас Манн приезжает к нему в гости в Париж.

Ему пишет Сельма Лагерлёф: «Восхищаюсь вашим талантом художника». Герхарт Гауптман так оценивает его: «Новый русский писатель присоединяется к ряду крупнейших писателей прошлого». Ромен Роллан, Киплинг, Кнут Гамсун – все они как бы принимают Шмелёва в великую семью больших талантов.

Можно много говорить о «Солнце мёртвых». Томас Манн был прав, когда предупреждал:

«Прочтите, если у вас хватит смелости». Когда я прочитал эту повесть, долго не мог прийти в себя. Да, я читал прекрасную книгу Бунина «Окаянные дни». Жестоко написанная книга о беспощадности красного режима отступает перед лицом великой трагической эпопеи Шмелёва.

Во Франции Шмелёв пишет добавление к «Лету Господнему», оно называется «Богомолье». 1930–1940-е годы. «Богомолье» – рассказ о том, как семилетний мальчик Шмелёв с отцом едут в Троице-Сергиеву Лавру, чтобы поклониться мощам преподобного Сергия Радонежского.

Сергий Радонежский – один из объединителей Руси, правая рука Дмитрия Донского, помогавший ему во время Куликовской битвы, а два знаменитых монаха укрепили, по его благословению, войско князя Дмитрия. Итак, отец с сыном едут на богомолье, и опять-таки под мирным, спокойным, щадящим, ласкающим солнцем. Не тем, которое убивает в Крыму, «Солнце мёртвых», оно недаром называется так, а вот таким ласковым летним солнцем.

Они отправляются в Троице-Сергиеву Лавру в телеге, иногда идут пешком. И вот всё, что встречается в дороге, наконец, сам приход в Лавру, встреча с мощами Сергия Радонежского – разлившаяся, как весенняя река, любовь Шмелёва к России, любовь к вере русской, тогда ещё живой и существовавшей.

Мы знаем: отбросы, отребье, надевшее красные звёзды и убивавшее сотни тысяч невинных людей, не верили ни в какого Бога. К тому време-

ни, в том числе наша интеллигенция постаралась, чтобы обезболить русский народ, а этому помогла, конечно, война. Поражение в Японской войне, поражение в Первой мировой войне, падение царя, убийство патриарха большевиками. Всё это так опустило когда-то высоко звенящую и поднимающуюся до самого неба...

Семилетний мальчик часто видит, как его душа поднимается высоко в небо, это и есть чистая и прекрасная вера, сохранявшая души людей и позволяющая им жить, позволяющая им делать всё друг для друга...

Шмелёв постоянно работает. У него выходит роман «Няня из Москвы», где он описывает простую русскую женщину. Её зовут Дарья Степановна Сеницына. Это няня из Москвы, прекрасно помнящая старую русскую речь, описанную в романе «Няня из Москвы», которую очень хвалил Ильин.

Над головой Шмелёва пролетело тёмное облако. Это произошло во время оккупации немцами Парижа. Была создана газета «Парижский вестник», прогерманская газета, предложившая Шмелёву печататься там. Шмелёв согласился. Но что он печатал? В 1947 году он рассказывает в письме в парижскую газету русских эмигрантов «Русская мысль»: «Я решил печататься, говорить то, что я говорил всегда, о России, о её величии, о её материальном и духовном богатстве. Немцы, и не одни они, исказили подлинный лик России, писали, что Россия историческое недоразумение. Ни истории, ни культуры, одна великая степь и в ней дикари. Немцам показывали этих дикарей, возя русских пленных и пригнанных, стоящих на камионах, по Берлину, одев в отрепья: «Смотрите

дикарей! Мы несём им культуру!» Это было. Было и многое другое, куда страшней. О сем дошло и до русского Парижа. Оставить без ответа эту ложь? Мне как бы открывался случай, в меру моих сил, хотя бы в узах, скрутивших слово, образно опровергнуть гнусную клевету. Я полагал, что мои рассказы о родном могут содействовать этой цели. И я не ошибся».

Благодарное французское правительство присвоило Шмелёву звание Почётного парижанина. Такое облако сгустилось над именем Шмелёва, особенно в советском литературоведении, когда советские специалисты по зарубежной литературе писали: «Шмелёв – коллаборационист. Коллаборационист – изменник родины», – никогда не был им Иван Сергеевич. Конечно, это затруднило его жизнь, сделало её особенно тяжёлой после смерти любимой жены, она скончалась в 1936 году.

Шмелёв остался один. Конечно, у него были друзья: Бунин не оставлял своего попечения. Правда, один раз оговорился: Шмелёв, дескать, приветствует немцев, пришедших в Россию. Да у Шмелёва сердце болело, чтоб эти большевики, коммунисты, красные террористы ушли из России, они её опоганили, обезлюдиили! У него была боль за расстрелянного сына, но она покрывалась тем светом, который жил в его душе.

Представьте себе: в 1918 году в Алуште среди этого несчастья, которое терпит народ и он сам, так же, как все, Шмелёв пишет прекрасную повесть «Неупиваемая чаша».

Неупиваемая чаша – это евангельский символ страдания, переживания, болезненного сострада-

ния. Герой повести – гениальный русский художник, сын маляра и простой женщины Илья Шаронов. И он расписывает церкви, пишет портреты, создаёт красоту в том месте, где живёт. Красивый и талантливый человек, он до этой одухотворённой красоты поднимает всех земляков.

Повесть заканчивается тем, что барин женится на прекрасной женщине Анастасии. Илья пишет её портрет, он влюблён в неё, она влюбляется в него. Любовью всепоглощающей, светлой, в которой нет близости, самой высокой, Божественной.

К сожалению, женщина умирает во время родов, и вскоре умирает и Илья Шаронов. Но в этой повести не солнце мёртвых, а солнце живых проникает в творчество Шмелёва в несчастные дни для России и для него тоже. Как он мог в этом мире, где за кусок хлеба могут убить, отобрать без пощады последнее... как он мог написать такую светлую, возвышенную красивую вещь – «Неупиваемая чаша»?

Это говорит о том, что всё-таки наследие нашей великой литературы – это не наследие протеста, обличения и критики, а прежде всего, наследие милосердия. А без света, который был в Шмелёве, нет великой литературы. Мы не можем всё время находиться в человеческом подполье, где тяжело, страшно, где терзают комплексы, где не любят людей. В этом подполье находиться душно.

В книгах Шмелёва есть не только свет, но и воздух. Воздух России, которую он любил, знал и которую сумел воссоздать неповторимым неистребимым русским словом.

Иван Шмелёв

В мае 2000 года прах Шмелёва, покоящийся на парижском кладбище Сен-Женевьев-де-Буа, и прах его жены перенесены в Москву, в Донской монастырь. И останки Шмелёва похоронены рядом с останками замечательного русского человека, его отца Сергея Ивановича Шмелёва. Они и сейчас там лежат. А неподалёку – Деникин, тоже вернувшийся в Россию своим прахом.

В начале 2000-х, когда началось третье тысячелетие, в Россию вернулись многие люди, которых мы не знали, не читали и не могли поэтому любить. Они защищали Россию, верили в неё и были её золотым запасом.

Шмелёв вернулся на родину, и это главное, он этого хотел, он это завещал, и это завещание было исполнено.

Сейчас я поклоняюсь имени этого человека, могу долго рассказывать о его книгах, о неповторимости его языка, его любви, разлитой во всех его книгах, даже когда речь идёт о гибели, насилии, смерти невинных людей. Шмелёв велик, и в моём сознании имя его присоединилось к списку великой русской литературы, сохранившей своё лицо даже в XX веке.

КОРНЕЙ ЧУКОВСКИЙ

Корней Иванович Чуковский кажется забытым писателем. В детстве мы смеялись и радовались, читая его сказки, а взрослея, не забывали их. Думаю, также будет и с нынешними детьми, поскольку творчество Чуковского ободряет и веселит. Сказки Корнея Ивановича прекрасны для детского сознания, не заму́тнённого штампами и поучениями учителей. Дети открыто смотрят на мир. Недаром у Чуковского есть книга «От двух до пяти», посвящённая детскому мироощущению. Книга издана по меньшей мере двадцать раз. Её до сих пор читают и перечитывают, так как герои – дети. В книгу вошли неожиданные слова и обороты, встречающиеся в речи детей.

Дети от двух лет до пяти – творцы, создающие собственный мир и язык. Корнею Чуковскому удалось запечатлеть это и рассказать. В создании книги автору помогали читатели. Они присылали письма с высказываниями детей. Книга «От двух до пяти» легко читается: детские фразы взрослым кажутся комичными. В детской речи

преобладает созвучная Корнею Ивановичу радость от жизни и любви родителей.

По словам Чуковского, дети категорически не принимают печальный финал и не хотят знать о смерти. Одна девочка говорит: *«Вот бабушка умрёт, а потом из неё вырастут ещё маленькие»*. Кажется, для ребёнка он сам и его близкие бессмертны: Чуковский убеждает в этом читателя.

Расскажу коротко о том, как сложился жизненный путь писателя. Корней Иванович Чуковский родился в 1882 году. Его матерью была простая крестьянка из Полтавской губернии Екатерина Осиповна Корнейчукова (от фамилии возник псевдоним). Она работала в Петербурге, где её встретил Иммануил Соломонович Левинсон, студент. Сначала у них появилась дочка Мария, затем родился сын, его сначала звали Колей. Когда он вырос, то взял себе отчество Васильевич (по имени батюшки, который его крестил).

По словам очевидцев, родители Чуковского любили друг друга, несмотря на уход отца из семьи. В действительности, их сложно назвать семьёй – Корней Чуковский считался внебрачным сыном крестьянской девицы Корнейчуковой из Полтавской губернии. Факт внебрачного рождения существенно омрачил жизнь Чуковского. Он не смог забыть обиду, даже повзрослев.

Его дочь Лидия Корнеевна Чуковская писала: однажды к ним в гости приехал дед (отец Чуковского). Она описывает его внешность: пожилой, хорошо одетый человек со стриженной бородкой. Корней Иванович встретил его на станции, и с кучером они доехали до дома. Дед привёз чемодан с подарками для внуков. В это

Корней Чуковский

время на первом этаже дачи готовили обед в честь бабушки. Однако Корней Иванович прошёл мимо первого этажа. Какое-то время он оставался с отцом наедине. Затем, спустившись вниз, Чуковский проводил его до калитки и подал чемодан. До какой степени его не оставляла детская обида.

Корнея Чуковского постигла беда – умерла его дочь Мурочка. Ей посвящено стихотворение «Чудо-дерево». Это дерево находится в Переделкино в музее имени Чуковского в доме писателя. На территории музея стоит Чудо-дерево, на него гости вешают детскую обувь. В этом году дерево неожиданно зацвело, как бы напоминая: писатель жив. Цветущее дерево я сравниваю с его жизнью.

Корней Чуковский учился в гимназии. В пятом классе его исключили за дурное влияние на одноклассников. Чуковский переживал, но потом внутренняя сила взяла верх. В шестнадцать лет, решив стать самостоятельным, он покинул дом. В восемнадцать лет Чуковский уже писал статьи, стихи и печатался. Короче говоря, стал тем Корнеем Чуковским, которого я знал, когда ему было 79 лет.

Корней Иванович был чрезвычайно активен и любопытен. Любое событие, человек или книга вызывали у него неподдельный интерес.

В 1905 на Броненосце «Потёмкин» произошло возмущение матросов, названное восстанием. На самом деле, матросов возмутило гнилое мясо, которым их кормили. По-своему выразив протест, они отказались подчиняться офицерам. Корней Иванович попал на корабль (он стоял на

рейде) и побывал среди восставших матросов. Это первый человеческий подвиг Чуковского.

Наконец настал момент, когда «Одесские новости» отправили Чуковского корреспондентом в Лондон. Вне гимназии Корней Иванович изучал английский по самоучителю и освоил иностранный язык. Позже, будучи взрослым человеком, Чуковский перевёл «Тома Соьера», «Робинзона Крузо» и другие детские книги.

18-летний Чуковский отправляется в Лондон, и газета ждёт от него корреспонденций о заседании парламента. Корней Иванович быстро бросил порученное ему задание и стал ходить по музеям и знакомиться с достопримечательностями не только Лондона, но и Англии.

В 21 год Корней Иванович женился. Результатом брака стали четверо детей, затем пять внуков, позже пять правнуков и так далее. В воспоминаниях Чуковский пишет: если бы у него не было детей, он не смог бы о них писать.

Корней Чуковский приезжает в Петербург (где он родился) и начинает сотрудничать с петербургскими изданиями. Самое интересное – Чуковский выступает в роли литературного критика. Поскольку я тоже когда-то занимался критикой, мне особенно близок этот жанр.

В 1961 году в Доме творчества в Переделкино проходил семинар молодых критиков. Нас собрали со всего Советского союза: из Дальнего Востока, Сибири, Ленинграда и так далее. К нам часто приходил Корней Иванович и веселил, рассказывая, какие хлёсткие статьи писал, будучи молодым. Я прочту вам названия некоторых из них. Чуковский писал свободно, легко и бес-

страшно. Его литературно-критическая жизнь совпадает с Серебряным веком. У нас принято писать об этом времени в превосходной форме, как о восходе литературы, искусства и всех жанров в целом. Безусловно, Серебряный век преподнёс много талантов, которые достигли высокого уровня в форме произведений, но далеко отстали от содержания, составлявшего смысл русской классики.

Живя в Петербурге, Корней Чуковский печатался в газетах и журналах и обо всех героях Серебряного века писал не апологетично. Вот некоторые названия его статей: «Апофеоз случайности», «Идейная порнография», «О хихикающих», «Волки и овцы», «Весёлое кладбище», «Жжёная резинка», «Современные ювеналы», «Юмор обречённых», «Устрицы и океан».

От пера Чуковского досталось очень многим, в частности, Максиму Горькому. Для нас Горький – истукан в мраморе, до которого даже дотронуться современные критики не могут. Корней Иванович написал о нём в статье «Максим Горький» 1910 года. В год после русско-японской войны, когда император Николай II издал Манифест о свободе, появилась Дума... В то время писать можно было что угодно. На волне свободы Чуковский и возрос: *«Написав однажды «Песнь о соколе», он равномерно и симметрично, как по линейке разделил все мироздание на ужей и соколов...»*.

Все мы помним «Песнь о соколе». В моем детстве её воспевали в учебниках по литературе. *«Будто жизнь, – пишет Чуковский, – это большая прихордасходная книга, где слева дебет, справа кредит»*.

Дано: уж и сокол.

Требуется доказать, что сокол лучше ужа.

У Горького нет ни одного героя, который бы не философствовал. Каждый чуть появится на его страницах, так и начинает высказывать свою философию. Каждый говорит афоризмами. Никто не живёт самостоятельно, а только для афоризмов. Горький узок, как никто в русской литературе».

Сейчас эти слова могут показаться несправедливыми, но речь идёт о Горьком 1910 года. Как человек, читавший Максима Горького, могу сказать: черты, увиденные Корнеем Чуковским, назвавшем его дидактическим, декоративным писателем, сохранились в Горьком до конца. Его последними вещами стали «Карамора» и огромное количество статей, в частности, «Если враг не сдаётся – его уничтожают», напечатанная в «Известиях» в 1930 году.

Оказывается, вначале статья называлась ещё страшнее «Если враг не сдаётся – его истребляют». Заголовок более хищный. Действительно, в статьях и последних сочинениях Максим Горький становится таким, каким его в ранние годы увидел Корней Чуковский: любовь к афоризмам и чёткое разделение мира на добро и зло. Так, 28-летний Корней Иванович предсказал будущее творчество Горького.

Ещё одна статья о Максиме Горьком с почти комичным названием «Пфуль» – это немецкий полководец, изображённый в романе Толстого «Война и мир». Он теоретик и стратег войны, но его домыслы никогда не реализуются в жизни. Чуковский пишет о повести Горького «Городок Окуров», жители городка – люди-уроды, в небе

над городом нет птиц: *«Стало быть уездный Окуров есть наилучший образчик России. Эти жалкие дикари членовредители -типичные наши соотечественники. Только лощёные галки скачут с забора на забор. Галки, вороны, воробьи и снова галки, вороны, воробьи и снова вороны...Но позвольте, куда девалась та прекрасная птичка, которая всем нам, помнится, очень нравилась? Куда же девался этот восхитительный буревестник?»*

Мы помним «Песнь о Буревестнике», как символ революции и героизма: *«О, смелый сокол! Неужто Горький, который прежде куда не глянет, везде, бывало, видит целые стаи буревестников и соколов, теперь нигде ни на одном окуровском заборе, ни на одной каланче не нашёл самого завалищего соколёнка? По Горькому выходит будто душа –какая-то коробочка. Раскрой её, а там лежит идея. В каждой коробочке своя. И вот Горький ходит про между людей и раскрывает то одну коробочку, то другую. Из каждой достаёт её идею, показывает публике, а коробочку выбрасывает прочь.*

– Господин, – говорят ему, – вы что-то обронили.

– Нет, это пустяки, просто пустая коробка.

А пустая коробка и есть душа.

Позже Корней Иванович будет отзываться о Горьком иначе. В воспоминаниях он писал: в критике вёл себя по-хулигански (в хорошем смысле). Чуковский был свободен и по-своему развязен, но авторитетному писателю и исследователю литературы следует стать серьёзнее. Последующие работы о Горьком Корней Иванович писал не в мажорном, а в реалистическом, спокойном духе.

На семинаре Корней Иванович рассказывал нам, как бичевал роман «Ключи счастья»

Анастасии Вербицкой и Лилию Чарскую, книгами которой дети зачитывались. Одна корреспондентка даже написала: больше всего любит Пушкина и Чарскую. Книги писательницы издавались большими тиражами – 500 тыс. экземпляров (невиданно для того времени). Чуковский писал о Чарской: *«В её книгах такой ураган, что всякий попавший туда, тотчас же падает в обморок. У неё даже четырёхлетние дети никак не могут без обморока. В трёх её книгах десять обмороков. По три обморока на каждую книгу – такова её обычная норма. В повести «Люда Власовская» героиня только однажды теряет сознание. Её душат и режут, а ей хоть бы что. Такая толстая книга и всего один обморок. Так что же это, обожаемая Лидия Алексеевна? Как же случилось, что вы превратились в машину? Долго ли вам придётся уныло и однообразно из года в год фабриковать по готовым моделям всё те же ужасы, истерики, катастрофы и обмороки?»*

Справедливости ради, следует сказать: во время Гражданской войны прежде богатая писательница Чарская бедствовала, а Чуковский ей помогал. Он обратился в американский фонд помощи, и ей выделили паёк. Этот поступок характеризует Корнея Чуковского как заботливого и внимательного человека, жалостливого, способного на сострадание.

Вот так свободно Корней Чуковский гулял по полю литературы начала XX века.

Чтение для современного человека, особенно занимающегося литературой, а тем более, критикой – не бесполезно. Сейчас критика бескровна. В её венах течёт не кровь, а лимфа. Всем всё нра-

вится, и все всё хвалят. Вокруг каждого лауреата премии образуются кружки, обслуживающие его: пишут о нём, для него и его родственников.

Главный враг Чуковского – пошлость в литературе и искусстве. С копьём Дон-Кихота он врезался в неё, предотвращая появление новой пошлости. Прочитав Корнея Чуковского, современный критик после хвалебно-апологетических статей должен положить перо (или закрыть компьютер) и подумать: какой это жанр? Критика – родная сестра литературы, а язык критика – язык литературы, а не газетных информационных и похвалы.

Я радуюсь, когда читаю раннего Чуковского. Понимаю, почему он часто смеялся, рассказывая об этом нам, молодым критикам. Он восхитительно смеялся и много цитировал.

У Корнея Ивановича есть статья «Нат Пинкертон и современная литература». Нат Пинкертон – герой английского писателя Джона Рассела Корнуэлла. Пинкертон – сыщик, но, в отличие от Шерлока Холмса Конан Дойля, действует кулаком, добивается казни виновных и воплощает образ героя массовой литературы и кинематографа (многие произведения о Нате Пинкертоне появлялись в кино). Чуковский пишет о киноленте: *«Кого-нибудь бьют или кто-нибудь хлопнулся оземь и больно ушибся или вышла какая-нибудь путаница, неразбериха, галиматья – вот источники кинематографического смеха. Должно быть смеяться этим смехом теперь, есть страшная потребность. «Проделки сумасшедших» (название фильма) – считается комической картиной. В ней сумасшедшие едят мыло, сталкивают в воду женщину и выпивают кварту бензину. Может*

быть это и смешно на Сандвичевых островах (Гавайские острова), но для нас без кольца в носу немного странен такой комизм».

Далее Корней Иванович пишет об общественном мнении, которое создаётся подобными сочинениями. *«Открываю газету и читаю: «Презервативы» (это названия статей), «Спермин», «Дамы и девицы могут приобрести красивую грудь», «Тугоухим», «Спутник успеха», «Нет больше алкоголиков», «Я был лысым», «Кривые и уродливые носы могут быть исправляемы у себя на дому». Я вижу, что надежды нет, ибо тот фон – та основа, на которой творится теперь наша общественная жизнь».*

Прочитайте по радио или на телевидении, и люди скажут: подобное происходит и сегодня.

Ни одно знаменитое имя из числа писателей Серебряного века Чуковский не обошёл стороной. В его статьях достаётся всем, даже замечательному писателю Василию Розанову. Корней Чуковский справедливо называет его апологетом пола. Розанов критиковал Христа за то, что он никогда не смеялся и не поднимал проблемы пола. Позже он разочаруется в этом мнении и в последней работе «Апология нашего времени» откажется от прежних суждений о Христе.

От Чуковского достаётся Розанову, Вербицкой, Саше Черному, Куприну, Сологубу... О Зинаиде Гиппиус Корней Иванович пишет: *«Вы первый и единственный в России величайший поэт нигилизма – гениальный певец пустоты. Такой опустошённой души мы, кажется, давно не знали. Вы воспеваете ничто. Вы каждым стихотворением говорите: «У меня в душе ничего».*

Достаётся и Власу Дорошевичу, знаменитому фельетонисту и писателю, пригласившего писателя после слов Чуковского о нём в свой знаменитый журнал: *«Дорошевич – создание нынешнего дня. Самый далёкий его предок Барон Бармбеус (псевдоним издателя «Библиотеки для чтения» Осипа Сенковского, который писал когда-то порнографические повести). Оно и понятно Дорошевич порождение современной толпы культурных дикарей, набежавших на общественную сцену...»*

Мне вспоминается история со МХАТом имени Горького сегодня: *«Дорошевич – представитель комфортабельной литературы. Мы хотим комфортабельно любить, комфортабельно страдать и даже умирать мы хотим комфортабельно. Даже религию и ту стремимся мы сделать удобною. Идея удобного Бога – характернейшая идея нашего времени».*

Корней Иванович в описании всё время выходит за пределы персонажа: *«Прежде культура, как недоступная богиня сходила с высоты. Теперь она грязная проститутка, дарящая свои поцелуи каждому».*

Думаю, нет смысла продолжать цитирование. И так ясно: Корней Чуковский как критик позволял себе многое. Однако не только это свойство отличает раннего Чуковского, но и умение видеть в русской жизни черты, которые будут развиваться и, к сожалению, возникнут в XXI веке.

Я говорил: Корней Иванович бывал у нас на семинаре молодых критиков. Тогда я жил в Хабаровске. Среди нас было много талантливых людей: Лев Аннинский, Олег Михайлов и другие. Тогда я написал статью «Рапира Гамлета».

Чуковский что-то услышал об этом и решил познакомиться. Я с детства любил его стихи и почитал его, но на семинаре пытался избежать встречи с Корнеем Ивановичем.

Однажды он меня застал. Когда я спал, он постучался ко мне и, позвав с собой, попросил захватить статью. Мы перешли дорогу, поднялись по лестнице, вошли в кабинет, а через него на веранду, выходящую на улицу Серафимовича. Стоял апрель, и на улице было тепло. Мы сели в кресло, Корней Иванович взял мою статью и начал читать. Прочитав полторы страницы, он сказал: *«Знаете, я бы хотел перевести её на английский язык».*

Моё сердце замерло и налилось теплом, поскольку Корней Чуковский отнёсся ко мне (в то время неизвестному журналисту) с вниманием и доброжелательностью. Чуковский хотел подарить мне свою книгу, но я попросил подарить её моим сыновьям. *«Какие волосы у ваших сыновей?»* – спросил он. Я ответил: у Серёжи – белые, а у Гриши – чёрные. Чуковский написал на книге: *«Серёже беленькому и Грише чёрненькому от снежно-белого деда Корнея».* Эта книга стала подарком, который трудно оценить. В конце нашей встречи Корней Иванович сказал: *«Бросайте всё и занимайтесь критикой. Это ваше дело».* В течение получаса он разглядел во мне человека, способного этим заниматься.

Спустя некоторое время я подумал: Корней Иванович забыл о нашей встрече. Когда я жил в Переделкино, то часто посещал музей Чуковского. Там работают замечательные люди. Они помогли мне с книгами Корнея Ивановича.

Я поднялся на второй этаж и вспомнил: вот диван, на котором он спал (Чуковского всю жизнь мучила бессонница), а перед ним стоит столик, на нём разложены разные книжки. Вдруг я замечаю книгу под названием «Отблизга» (по-болгарски близко), где болгарский корреспондент берёт у Чуковского интервью. Один из вопросов журналиста звучал так: кто из молодых людей, по мнению писателя, может унаследовать его критическое призвание. В ответ Чуковский среди прочих упомянул и моё имя.

Значит, не забыл. Для меня это было очень ценно. Если бы наша встреча не состоялась, моя жизнь сложилась иначе.

Сказки Чуковского – это принесённая в душу радость. Первая сказка – «Муха-Цокотуха». У Корнея Ивановича животные, звери и даже насекомые фактически превращаются в людей. Они также любят, страдают за своих детей и боятся хищников. Муха-Цокотуха устраивает именины. На празднике танцуют тараканы, букашки и при этом ведут себя, как люди. Они едины как одна большая семья (для детского сознания это важно).

Вдруг появляется злой паук, оплетающий Муху паутиной и начинающий грызть её сердце. От страха все букашки прячутся, но появляется комарик с сабелькой и убивает паука. Веселье возобновляется, а именины превращаются в свадьбу: Муха выходит замуж за спасителя. Вот такой счастливый конец. Сначала немного страшно, а потом вновь выглядывает солнце.

Этот приём прослеживается во всех сказках Чуковского. В сказке «Федорино горе» от героини убегает вся посуда, мебель и вещи в доме,

потому что она неряха. Федора бежит за домашней утварью и клянётся: будет её чистить и мыть. Посуда прощает её и возвращается. Всё заканчивается хорошо.

В замечательной сказке «Краденое солнце» присутствует любимый персонаж писателя – крокодил. Конечно, крокодил – страшное животное, но у Чуковского он злой, комичный, весёлый и добрый. В сказке «Краденое солнце» крокодил проглотил солнце, и всё погрузилось во тьму. Родители: бегемоты, носороги и другие звери в темноте ищут детей, которые, играя, разбежались кто куда. Тогда медведица обращается с просьбой к медведю, чтобы он усмирил крокодила и отдал солнце. Медведь приходит к нему и ругает негодника. Крокодил только усмехается и заявляет: он может даже луну проглотить. Тогда медведь звереет и начинает мутузить крокодила. В конце концов злодей выплёвывает солнце, и оно вновь восходит на небо.

Самый любимый герой детей, конечно, доктор Айболит. Ролан Быков снял замечательный фильм «Айболит-66», где сыграл Бармалея, а роль доктора исполнил Олег Ефремов.

К Айболиту обращаются звери за медицинской помощью. Доктор всем стремится помочь. Однажды призывы о помощи раздаются из Африки, и Айболит, неизвестным образом преодолевая расстояние из Петербурга, оказывается в этой далёкой стране. В Африке Доктор продолжает успешно лечить зверей. Вдруг появляется грозный фантастический тип с саблей в руках – Бармалей, который любит есть маленьких детей. Злодей начинает всех пугать, но Айболит зовёт

на помощь крокодила, съедающего Бармалея. Оказавшись в желудке, злодей страдает и клянётся: больше так не будет. Тогда крокодил выплёвывает Бармалея, он становится добрым и дарит детям подарки.

Вновь счастливый конец, так необходимый детской душе. Чуковский сделал огромное доброе дело, написав эти сказки.

У Корнея Ивановича есть ещё одна сказка о крокодиле. В ней он ходит по Петербургу, курит папиросу и говорит по-турецки. Все боятся крокодила и прячутся.

И тут появляется герой – мальчик Ваня Васильчиков. Он обещает изрубить крокодила на куски. Злодей понимает: будет плохо и умоляет мальчика сохранить ему жизнь, обещая измениться к лучшему. Ваня Васильчиков отпускает крокодила, на самолёте улетающего в Африку (сказки опубликованы в 1920-е годы, когда самолёты уже существовали).

Дома крокодил дарит зверям подарки, а крокодильчикам привозит ёлку. Звери радуются и пляшут, но крокодил рассказывает: видел в Петербурге зоологический сад, «где за решёткою звери сидят». Среди слушателей проносится возмущённый шум, а потом (неизвестно каким образом) звери идут в Петербург.

Увидев диких животных, люди в городе прячутся, но появляется Ваня Васильчиков и выпускает зверей из зоологического сада. Открывается Невский проспект, по которому гуляют носороги, бегемоты, тигры. Звери никого не трогают. Они тоже как будто жители города. Счастливое окончание сказки внушает

людям: страх уходит, а для его предотвращения есть Ваня Васильчиков.

Мир Чуковского, фантастически населённый животными, которые чувствуют, любят и боятся – замечателен. Корней Иванович создаёт мир, контрастный миру Зинаиды Гиппиус, где царствуют пустота и вера в ничто. Чуковский населяет свой мир животными и олицетворяет их. Это огромное достояние нашей литературы. Пусть её называют детской, но она необходима каждому.

Корней Чуковский взрослеет и знакомится со всеми знаменитыми людьми своего времени: с Блоком, Горьким, Леонидом Андреевым, Ильёй Репиным. Перед революцией Чуковский переезжает из Петербурга в Куоккала, посёлок на берегу Финского залива.

Здесь он дружит с Репиным, живущим неподалёку. Туда приходит Маяковский, Блок, замечательный художник Анненков и ещё много других знаменитостей. Корней Иванович не просто их принимает, а коллекционирует: даёт каждому гостю альбом «Чукоккала» (в названии соединены фамилия писателя и посёлок, где он живёт), в котором все расписываются, оставляют афоризмы, подписи, портреты и пародии. Альбом «Чукоккала» – замечательное собрание автографов известнейших людей России. Корней Иванович их собирал и в результате получил объёмную книгу. Альбом интересно читать, поскольку каждый из его героев проявляет себя неведомым для нас образом.

Самым любимым писателем XIX века для Корнея Чуковского стал Николай Алексеевич

Корней Чуковский

Некрасов. Его считали народным поэтом и борцом за свободу. Корней Иванович не просто написал о Некрасове десяток статей, а собрал его неизвестные стихи – именно в этом состоит главная заслуга Чуковского перед поэтом. Где только не находились рукописи: однажды знаменитый адвокат Кони подарил Корнею Ивановичу много неопубликованных рукописей Некрасова.

Будучи зрелым мужем и отцом четверых детей, Чуковский работал над стихами Некрасова в течение многих лет. В 1926 году выходит первое полное собрание сочинений поэта под редакцией Корнея Ивановича. Книга стала данью писателя русской классической литературе.

В конце жизни Корней Чуковский написал книгу «Мастерство Некрасова», где исследует художественные особенности стиля поэта. В 1962 году за эту книгу Чуковский получил Ленинскую премию. В том же году Оксфордский университет присвоил ему звание доктора по литературе. По этому поводу Корней Иванович посетил Оксфорд и получил мантию доктора наук. Для Чуковского это стало третьим посещением Англии. Ранее он был там с группой писателей. Мантия доктора наук висела у Корнея Ивановича в кабинете, и он показывал её всем гостям. Ещё Чуковский любил демонстрировать индейский подарок – корону из перьев. Обычно писатель в ней фотографировался.

На закате жизни Корней Чуковский продолжает работать. Он пишет пятнадцать томов – больше, чем у Гоголя. Это не значит: Николай Васильевич слабее Чуковского. Гоголь – наш рус-

ский гений, а мы в лучшем случае читали у него четырнадцать томов вместе с письмами. Нельзя сказать: Корней Иванович встал в один ряд с Гоголем. Чуковский занял место на такой высоте, на которой среди современников, живших в Переделкино: Катаева, Каверина, Пильняка, Пастернака (кстати, он жил в комнате, в которой мы сейчас записываем эту лекцию), он был им равным.

Думаю, Корней Иванович оставил нам это наследство, прежде всего, для того, чтобы мы научились читать. Чуковский был внимательнейшим читателем и строго следил за стилем каждого писателя. Если в языке появлялась оплошность, он не щадил даже Куприна. Читая книги, Корней Чуковский обращал внимание на их стиль и язык. Более того, он считал: от стиля и языка зависит размер таланта. Думаю, Чуковский был прав.

К счастью, сегодня существует музей Чуковского. Он находится поблизости от моих окон и, когда листва опадает с деревьев, виден его жёлтый дом. В музее бывают дети и взрослые. Корней Иванович писал для детей и любил с ними встречаться. Он устраивал костры на территории возле дома с участием знаменитых поэтов. Эти праздники продолжаются до сих пор. В музее Чуковского работают люди, заслуживающие всяческого уважения. Они любят Корнея Ивановича и делают всё, чтобы стать достойными его памяти.

Когда находишься так близко от дома писателя, невольно задумываешься о своём деле: о том, как ты пишешь, думаешь и мыслишь. Я не

читал статьи, которые сегодня цитировал, но в молодости писал именно так (но не под влиянием Чуковского). В моё время не было такой свободы и огромного количества изданий, в которых публиковался Чуковский и писал всё, что хотел.

Наше время было иным, но всё-таки в 1960-е годы в стране появилась замечательная плеяда критиков. Как правило, это были выпускники-филологи Московского университета: Кожин, Палиевский, Аннинский, Олег Михайлов и многие другие. Эта плеяда русской критики с блестящим пером и самостоятельным мышлением обогатила русскую литературу. Сегодня наследников у этих прекрасных людей и талантливейших критиков нет.

Для меня это печально, поскольку я знаю: среди молодёжи много талантливых людей. Необходимо развязать эту несвободу печати. Попробуй сегодня написать: лауреат трёх премий «Большая книга» – посредственный писатель, и тебя никто не напечатает. А этот лауреат ничто по сравнению с Горьким, которого Чуковский позволял себе чистить.

Сегодняшнее падение вкуса и могущество пошлости наблюдается в литературе, театре и кино. В статье «Нат Пинкертон и современная литература» Чуковский пишет о кино, но чем современные сериалы отличаются от фильмов, которые писатель наблюдал в начале века? Об этом критика тоже должна писать, поскольку она поддерживает чистоту вкуса.

Читатель сегодня фактически дезориентирован. Он идёт в театр, наблюдая как пошлость

Игорь Золотуский

танцует, пляшет и раздевается на глазах у зрителя. Это беда нашей культуры. Поэтому Чуковский с требовательностью, блеском и бесстрашием нам сейчас необходим. Я буду рад, если не только сказки Корнея Чуковского, но и его критика вернуться в нашу жизнь.

ЭРИХ МАРИЯ РЕМАРК

Поговорим о Ремарке. Возможно, вы спросите меня: «Почему именно он? Ремарк – прошлое, а мы живём в настоящем». Это заблуждение. Настоящая литература живёт долго и переживает нас. Это касается и Ремарка. Полное имя писателя – Эрих Мария Ремарк. Почему именно Мария? В католичестве принято давать несколько имён, поэтому Ремарк взял имя покойной матери, в память о ней став Эрих Мария.

Ремарк родился накануне XX века в 1898 году на северо-западе Германии в городе Оснобрюк. В дальнейшем город будет фигурировать под разными названиями в его романах. Семья Ремарка была благополучной: его отец-переплётчик основал переплётное дело.

Ремарк учился в школе, а потом в семинарии. Полученное образование дало возможность преподавать до занятия писательством. Многие герои Ремарка, вернувшись с фронта Первой империалистической войны, некоторое время работают учителями, поскольку не имеют другой профессии.

Мир узнал о Ремарке в 1929 году после выхода романа «На западном фронте без перемен». Этот роман не просто о событиях Первой империалистической войны. Герои Ремарка – солдаты, сидящие в окопах. В лучшем случае один из них может быть унтер-офицером, а другой лейтенантом, но это исключения.

Эпиграфом к роману «На западном фронте без перемен» стали слова: *«Эта книга не является ни обвинением, ни исповедью – это только попытка рассказать о поколении, которое погубила война. О тех, кто стал её жертвой, даже если спасся от снаряда».*

Отвечая на вопрос: «Почему именно Ремарк?», – я думаю о нашем времени, когда над миром и над Россией витают тёмные тучи, а страну окружают солдаты недружественных стран, готовые к боевым действиям. Я не говорю: грядёт новая война, но невозможно этого исключить. Даже те, кто ушёл из жизни, всё равно остаются с нами (я имею в виду старшее поколение фронтовиков). А мы, дети Второй мировой войны, не только помним, что такое война, а что такое война в душе каждого из нас. Недаром в России после победы в 1945 году ещё долгие годы говорили: *«Пусть будет так. Лишь бы не было войны».* Мы все жили с надеждой, что её больше не будет.

Мелкие военные конфликты продолжают и сейчас, но мировой войны нет уже 75 лет – это значительная цифра для истории, которая состояла из войн.

Первая Империалистическая война началась в 1915 году. В то время Ремарк был совсем молодым. В 1916 году его взяли в армию.

В окопы под снаряды попала молодёжь. К тому моменту изобрели газ иприт, поэтому солдатам раздавали маски (без маски можно задохнуться). Люди в окопах находились под постоянным давлением страха, безнадёжности и отчаяния. Поколение, вышедшее из-под снарядов Первой мировой войны, заражено отчаянием. Я затрону эту тему, когда стану обсуждать «Возвращение» – роман, вышедший после «На западном фронте без перемен».

«Возвращение» повествует о солдатах, вернувшихся с войны. Они не могут найти место в мирной жизни. Одновременно с Ремарком в Англии выходит «Смерть героя» Ричарда Олдингтона – роман, посвящённый поколению вернувшихся с войны, и «Прощай, оружие!» Хемингуэя. Позже этих писателей причислили к «потерянному поколению». Ремарк – самая яркая фигура в этом списке. Недаром читатели в России, получившие его роман, переведённый в 1929 году, пристрастились к нему, а когда вышла книга «Три товарища» – просто полюбили.

«Три товарища» – самый любимый роман Ремарка. Его издавали во всем мире, на разных языках тиражами в 1,5 миллиона экземпляров. Почему роман имел ошеломляющий успех? В то время Европа жила под впечатлением от «кровавой мясорубки войны» (как пишет Ремарк), цель её перестали понимать солдаты ещё в первые месяцы боёв. Вопрос: «Кто мы? Почему у нас есть враг? Почему он считается врагом? Почему мы должны его убивать, а он должен убивать нас?», – мучает всех героев Ремарка.

В одном из эпизодов романа «На западном фронте без перемен» герой Пауль Боймер, скры-

ваясь от артиллерийской бури, прячется в воронку из-под снаряда, куда спрыгивает вражеский солдат француз. Напряжение, непонимание и злоба по отношению к стреляющим толкает героя на убийство, лежащего в той же воронке солдата. Его предсмертные мучения описаны Ремарком беспощадно и с такой очевидностью, будто читатель в них участвует. Вражеский солдат умирает не сразу. Постепенно настроение и понимание того, что происходит на войне, ломает главного героя. Пауль подползает к умирающему и вынимает его бумажник. В нём он находит фотографию жены и ребёнка. Также герой читает бумагу о том, кто этот солдат. Оказывается, умирающий француз обычный печатник. По социальному положению они с Паулем равны – оба из простого народа. Всплеск непонимания и осуждения происходящего сначала заочного, а потом явного делает книгу Ремарка современной.

Опасность нависает над миром даже сегодня. Россия со всех сторон окружена американскими базами. В Германии стоят американские войска. Я был в Западной Германии и видел на каждом повороте стрелки с обозначением американской армии, а возле шоссе стояли ракеты с наброшенной на них сеткой. Ракеты «смотрели» в сторону России. Очевидно, они там стоят до сих пор.

Возможно, современный читатель не хочет думать о том, что происходит за пределами его семьи, дома, работы и страны. Но Бог обязывает к этому, поскольку, если разразится Третья мировая война, мир перестанет существовать. Что ждёт человечество в случае такого столкнове-

ния? Да, в Первой мировой войне не было атомной бомбы. Сейчас она есть у многих стран. О том, что ядерное оружие представляет угрозу всему миру, писали ещё в 60-е годы прошлого века. Даже, если в грядущей войне (которую я не вижу и не верю в неё, но ощущаю возможность её приближения), не будет применяться ядерное оружие, мир всё равно будет уничтожен. Мир на войне погибнет не только физически, а, прежде всего, душой (как пишет Ремарк).

Вот отрывок из романа «Три товарища». Главный герой – бывший фронтовик Роберт Локамп и его товарищи воплощают людей, воевавших в Первой мировой войне. В одном из эпизодов Роберт сидит рядом с кладбищем, расположенным возле его дома, и думает: *«Так просидел довольно долго. Вспомнил, какими мы были тогда, вернувшись с войны: молодые и лишённые веры, как шахтёры из обвалившейся шахты. Мы хотели было воевать против всего, что определило наше прошлое: против лжи и себялюбия, корысти и бессердечия. Мы ожесточились и не доверяли никому, кроме ближайшего товарища. Не верили ни во что, кроме таких никогда нас не обманывавших сил, как небо, табак, деревья, хлеб, земля. Но, что же из этого получилось? Всё рушилось, фальсифицировалось и забывалось. А тому, кто не умел забывать, оставалось только бессилие, отчаяние, безразличие и водка. Прошло время великих человеческих мужественных мечтаний. Торжествовали дельцы, продажность, нищета».*

Действие романа «Три товарища» происходит после войны. Роман опубликован в 1938 году, но в России вышел только в 1958. В приведённом

отрывке, Роберт Локамп упоминает своих товарищей.

Предисловие к роману «На западном фронте без перемен» написал Вячеслав Кондратьев, автор романа «Сашка». Ремарка он прочитал до войны, и это не поменяло его. Потом Кондратьев воевал под Ржевом, где была не мясорубка, а общая могила. 1 300 000 наших солдат полегли там. Разве можно забыть? Перечитав «На западном фронте без перемен» после войны, Вячеслав Кондратьев понял: этот роман и о нём тоже – он чувствовал также. Единственное, что отличало его жизнь от судьбы героя – мы сражались за свою страну, свой дом, родителей, жён и детей.

Война со стороны Советского Союза была справедливой, поскольку стала защитой – попыткой очистить свою землю от нечисти. Чувство товарищества, по словам Кондратьева, единственное, что согревало солдат на войне. Я не случайно останавливаюсь на этом понятии. Во времена моей молодости «товарищ» было самым распространённым обращением.

Товарищами именовали даже вождей того времени. Однако, в действительности, слово девальвировалось, став прикрытием отношений, которых между простыми людьми не существовало. Сегодня это понятие также утратило первоначальный смысл. Я не слышал, чтобы произносили слово «товарищи» или «товарищество». Существуют понятия: «дружба», «друзья», «приятели», но они не вбирают в себя могучей силы – соединения нескольких людей, спайки, способной удержать на земле, даже если в их жизнь ворвётся война или горе.

Достоинство Ремарка в том, что он воспел подлинное товарищество. Оно присутствует в романе «На западном фронте без перемен» и появляется в следующем романе «Возвращение». Насмотревшись на ужасы войны, Ремарк пишет о них без страха – беспощадно описывает зло войны: как человека разрывает на части, как он повисает на дереве или остаётся без конечностей. Однако автор с нежностью, верой и любовью показывает товарищество между теми, кто воевал. Фронтовики, вернувшись с войны, живут только этим, поскольку на Родине они окружены продажностью, спекуляцией и нищетой. Они объединяются в товарищеское братство, чтобы защитить себя и своё «я».

Возвращение с войны вызывает у фронтовиков отчаяние, поскольку власть имущие, толкнувшие ребят на войну, заставили их испытать всё, что только можно. Фронтовики не могут смириться с тем, что люди, которые заставили их взять в руки оружие, вновь процветают, находятся у власти и живут на широкую ногу.

В романе «Возвращение» показана сцена самоубийства нескольких фронтовиков. Один из них – лейтенант, заразившийся на войне дурной болезнью. В германской армии для удовлетворения естественных нужд существовали бордели, офицеры и солдаты устремлялись туда толпами. Им хотелось доверия, любви и нежности.

Главное, за что мы любим «Три товарища», – Ремарк описывает любовь целомудренно. Это упрёк современной литературе, освободившейся от канонов и запретов, изображающей любовь, как соитие животных. У Ремарка влечение всегда

побеждает нежность. Без неё бывшим фронтовикам не выжить.

Это происходит с Робертом Локампом в романе «Три товарища». Герой встречает девушку Патрицию (Пат) Хольман и его охватывает чувство, ранее не испытанное ни в борделях, ни со случайными женщинами. Роберт вернулся с войны с пустой душой и глушил эту пустоту алкоголем. У Ремарка герои пьют виски, коньяк и водку. В романе «Триумфальная арка» бывшие фронтовики чаще всего пьют кальвадос. Они стремились заполнить пустоту присутствием близкого человека, испытывая не обыкновенное влечение или желание владеть, а прежде всего, не пережитую ранее нежность. Ремарк в описании любви поднимается до подлинной высоты, поэтому его произведения обязательны для чтения и сегодня. Я убеждён: нежности хочет каждый человек.

В Роберте мучительно и болезненно пробуждается человеческое чувство, постепенно вытесняя пустоту и отчаяние, которые ранее заливались вином. Перед лекцией я перечитывал роман. Сначала я прочитал его, готовясь к лекции, а потом ещё один раз, и надо мной будто открылось светлое небо. Жизнь часто погружает в отчаяние и неверие в то, что она дарована человеку не зря. Герои Ремарка – хорошие люди, но они не верят, что жизнь – дар Бога. Один из них (тот, кто заразился на фронте) вскрывает вены и, держа руку в тёплой воде, погибает. Другой, блуждая по кладбищу, где похоронены солдаты Первой мировой войны, стреляет в себя, не выдержав напряжённых воспоминаний

о тех, кого он знал и кто теперь лежит в этой земле.

В предисловии к первому роману Ремарка Кондратьев пишет: тоже самое происходило и с участниками Великой Отечественной войны. Конечно, они вернулись с войны, отстояв свой дом, но товарищество, которое их согревало и держало в окопах, стало рассеиваться и исчезать. Люди, когда-то жившие им, становились одинокими.

Когда в нашей стране началась революция-перестройка, Вячеслав Кондратьев не мог смириться с надругательством над тем, чем он жил, и застрелился. Поэтому мы должны читать эти книги, учиться любить по ним, учиться выходить из кризисов, ломающих людей, лишаящих нас сил и внушающих неверие в жизнь. Нынешнее обще-социальное мышление заражено нигилизмом и скептицизмом. Я говорю не обо всех людях, а имею в виду значительную их часть, никогда не бывавшую на войне.

Действие романов Ремарка происходит в Европе в период, когда закончилась Первая мировая война, а история продолжилась. В романе «Возвращение» показано время, когда к власти готовится прийти Гитлер. В «Трёх товарищах» один из будущих штурмовиков ищет соратников не на основе любви, уважения и взаимовыручки, а на основе злобы и мести. Германия потерпела поражение в Первой мировой войне, и это привело к власти Гитлера.

Примерно тоже самое произошло с Россией, которая могла победить в войне 1915–1916 годов, но была предана союзниками и либеральным

обществом. В результате поражения солдаты массово дезертировали из армии и большевики пришли к власти. Поражение влечёт большее разочарование, отчаяние и готовность отдать силы тому, что кажется сильнее всего – стране.

Герои Ремарка в романе «Возвращение» встречают будущих штурмовиков. После поражения Германии, они, устроившие революцию, стреляют в возмущённых солдат-фронтовиков. Солдаты убивают солдат. Вот что такое революция: у нас русские убивали русских, а там немцы убивали немцев.

Конечно, Ремарк предвидел эти события. Он понимал: окончание романа не конец мировой истории и тех несчастий и бедствий, которые он описал вместе с пиететом товарищества. В конце концов, всё кончается, уничтожаясь нигилизмом.

Книги Ремарка, издававшиеся огромными тиражами, вызвали у Гитлера негодование и были сожжены на костре в центре Берлина возле Берлинского театра. Этот костёр не раз показывали в кадрах военной хроники. В огне оказался и роман «На западном фронте без перемен». Произведения Ремарка отрицают войну, а фашизм на неё настроен: солдаты должны верить в правоту бойни, которая вот-вот начнётся.

Накануне прихода Гитлера к власти приятель посоветовал Ремарку уехать. Писатель отправился в Швейцарию (тогда её граница была свободна), связав дальнейшую жизнь с эмиграцией. Недаром «Триумфальная арка» посвящена жизни эмиграции после Первой мировой войны, а дей-

ствие романа происходит в Париже накануне прихода Гитлера к власти.

Равич – герой «Триумфальной арки», врач-хирург, воевавший в Испании в Первой мировой войне. Он вынужден жить в Париже под вымышленными именами, не имея паспорта и разрешения. Трагедия военной эмиграции: поля, усеянные трупами, окоченевшие зелёные лица людей, отравленных ипритом – состоит в том, что они стараются отстоять честь и достоинство. Роман «Триумфальная арка» заканчивается тем, что Равича сажают в машину и везут во французский концлагерь, потому что Франция сдалась Гитлеру.

В 1937 году Ремарк уезжает из Швейцарии в США. Почти все романы автора были экранизированы, в том числе в Голливуде. За это время в жизни писателя произошло много событий. Одним из них стало увлечение знаменитой немецкой актрисой Марлен Дитрих. Несмотря на сильные чувства Ремарка, Дитрих отказалась выходить за него замуж. Она была свободной женщиной и не придавала значение брачным узам. Марлен Дитрих помогла писателю перебраться в Америку. В 1940 году Ремарк получил американское гражданство.

Когда Солженицын выехал из Советского Союза, то первой его остановкой стал Кельн, а потом – Цюрих. Через несколько месяцев Америка предоставила ему право на гражданство. Ремарк получил его гораздо позже.

Эрих Мария Ремарк – писатель чрезвычайно личный, в его книгах нам открывается душа писателя и широта его взгляда на окружающий мир.

Ремарк не бытописатель и не документалист, пересказывающий факты. Он – один из самых интересных интеллектуалов XX века. Все романы автора пронизаны отвлечёнными и краткими суждениями о жизни и о прекрасной любви (но вечна ли она?). У Ремарка чувство любви – не простое влечение к отдельному человеку, а чувство, уходящее в неизвестность, в далёкие миры, недоступные взгляду и сердцу героя.

От многих писателей Ремарка отличает ощущение всемирности происходящего, касающееся всех людей, вне зависимости от того воевали они или нет. Автор целомудрен не только в описании любви, но и в философских отступлениях. Его романы вызывают у читателя доверие. Конечно, мы читали Ремарка в переводах, но талантливые переводчики сохранили для нас дух и стиль его книг.

После окончания Второй мировой войны Ремарк возвращается в Швейцарию, покупает виллу и остаётся там навсегда. Правда, однажды (уже после войны) он один раз посещает Германию, город Оснабрюк, где по-прежнему живут его отец и сестра. Сейчас в этом доме музей Ремарка. Он возвращается в Швейцарию и женится на американской актрисе Полет Годар – очень красивой женщине, одной из бывших жён Чарли Чаплина. Последствия войны Ремарк ощущал также, как герои его книг. Бывали дни, когда писатель пил, у него случались депрессии, кроме того, он страдал от болезни Менъера. Ремарку удалось пережить последствия военного прошлого, поэтому, несмотря на описанные ужасы, романы его пропитаны душевной теплотой.

Эрих Мария Ремарк

Книги писателя стоит читать именно в нынешнее время, поскольку в недрах современной литературы можно встретить всё, что угодно: от насмешки до цинизма, но не душевную теплоту, в которой нуждается каждый. Ремарк дарит тепло, будучи жертвой войны и ненависти. В 1931 году писателя представили к Нобелевской премии. Шведская академия готова была отдать Ремарку награду, но Германия накануне пришествия Гитлера к власти, наполненная будущими штурмовиками, выступила против. Союз офицеров Германии заявил: Ремарк – предатель, опозоривший свой народ. Правительство поддержало заявление Союза, и писатель не получил Нобелевскую премию, хотя заслуживал её больше других. Дело не в премии: книги Ремарка – не забытое прошлое, ушедшее в глубину веков. Прошлое в том виде, в котором оно пережито героями и автором, возвращается к нам. Возвращается страх перед эпидемией или грядущей войной. Те, кто надеются на победу – трусы. Американцы воевать не умеют: у них есть только оружие, а духа нет. Даже немецкие солдаты в первые годы войны держались благодаря духу. Учителя и родители внушали им веру в Бога, добро, отечество и необходимость войны. Первое время солдаты верили, но вскоре и вера у них погибла.

Современному читателю следует опасаться вредного (в душевном смысле) влияния свободной культуры. Будет чудесно, если сегодня станут читать Ремарка.

Когда я читал «Три товарища» у меня не раз наворачивались слезы. В романе у трёх друзей

есть авторемонтная мастерская, где они работают. Но какая спайка между ними – нежнейшая связь и забота! В кругу друзей Пат, возлюбленная Роберта, становится своей. Во время войны Патриция голодала, отчего заболела чахоткой. Когда на море у девушки случается приступ кровотечения, друзья Роберта бросаются на помощь: находят врача и привозят его на машине.

Замечательный автомобиль по имени «Карл» они сконструировали своими руками из разных частей машин. «Карл» очень мощный, он как бы скрепляет их дружбу. Ночью на огромной скорости на машине врача везёт Отто Кестер, самый старший из друзей. Доктора доставляют в назначенное место, и Пат удаётся спасти. Однако врач настаивает, чтобы осенью она поехала в санаторий. И вот друзья везут девушку туда, и Роберт едет с ней. Они уже на пороге большой любви, в которой преобладает нежность.

Роберт остаётся с Пат в санатории. Сначала влюблённые спускаются в деревеньку (действие происходит в горах). У героя нет денег на дальнейшее лечение, но неожиданно он получает денежный перевод от Отто Кестера. Роберт понимает: друг продал «Карла», его детище, участвовавшее в гонках, обогнавшее спортсменов и мастеров. Кестер пошёл на этот шаг, чтобы помочь товарищу и его любимой. Но чахотка – страшная болезнь. В финале романа Патриция умирает.

Тоже самое происходит с героиней «Триумфальной арки» Маду. Эта женщина, эмигрантка, становится подругой Эрика. Маду погибает от выстрела любовника. Пуля пробивает

седьмой позвонок, и девушку разбивает паралич. Погибают и некоторые герои «Возвращения». Я уже не говорю о друзьях и товарищах романа «На западном фронте без перемен». Сколько их лежит в земле, в то время как товарищи возвращаются в Германию.

«Время жить и время умирать» – произведение Ремарка, которое я читаю с волнением. У нас оно тоже вышло с опозданием на несколько лет. Это роман о Второй мировой войне, действие которого происходит в СССР, когда немецкие войска пытаются поработить народ и страну.

Герой романа Гребер, простой унтер-офицер, прошедший через ужасы военного ада, получает отпуск. Меня поразило: немецкая армия уже катится на запад к границам, а ему дают отпуск на две недели. Гребер уезжает в Германию и направляется в родной город, но поезд неожиданно останавливается в поле. Герой удивляется, а потом понимает: вокзал разбомбили. Вскоре Гребер видит разрушенный налётами американской авиации город. Дом его родителей тоже разрушен. Гребер ищет их и не может найти ни среди живых, ни среди мёртвых. В Германии уже служат люди из карательной организации, которая убивает и загоняет в лагеря всех неугодных. В городе остаются лишь медеплавильный завод и швейная фабрика, но американцы продолжают бомбить.

Бедные люди забиваются в убежище, но оно проваливается. Многие гибнут. В этом кошмаре и хаосе Гребер встречает девушку Элизабет, с которой был знаком ещё в детстве. Начинается та же история, что и в «Трёх товарищах». На

героя обрушиваются любовь и нежность сроком в две недели. В конце романа Гребер возвращается на фронт, где он отступает.

Роман начинается с военных действий в СССР. Захватывают в плен нескольких русских крестьян, среди них – женщина и старик. Торжествующий нацист, командир подразделения Гребера, хочет их расстрелять (вина крестьян не доказана – они не партизаны). Людей убивают, и герой участвует в расстреле, причём, ему поручают убить русского старика. Гребер целится в него: сначала в подбородок, в грудь и наконец стреляет. Потом полуживых людей сваливают в могилу.

В конце романа начальник подразделения, куда возвращается Гребер, вновь хочет расстрелять захваченную группу русских людей, подозреваемых в связи с партизанами. Среди них – старик. Людей запирают в сарай и готовятся расстрелять, а Гребер, его охранявший, выпускает пленников на свободу, предварительно угостив старика и других мужчин сигаретами. Он не испытывает к людям ненависти. Какие они враги? Несчастные люди. Несчастный старик...

Убив нациста, Гребер выпускает людей на свободу. Когда они выбегают из сарая, герой замечает в руках старика винтовку. Он прицеливается в Гребера и убивает его.

Роман «На западном фронте без перемен» заканчивается в 1918 году, когда война уже истощилась, а по радио и в газетах объявляли: «На западном фронте без перемен». Под аккомпанемент этой официального сообщения и погибает главный герой. Он падает лицом вниз. Когда его

поднимают, видят выражение спокойствия и удовлетворения от того, что всё закончилось.

То же самое происходит в финале романа «Время жить и время умирать». Убитый герой падает лицом в траву и, когда находят тело, на лице написаны покой и удовлетворение от того, что мукам, которые он пережил, пришёл конец.

Вот так Ремарк пишет о несчастных людях. Читая роман «Время жить, время умирать», я вспоминал о роли Америки во Второй мировой войне. Она долго выжидала, прежде, чем выступить на стороне союзников в 1944 году. Америка спешила, поскольку опасалась: русская армия займёт Германию или двинется дальше. Сталину давали подобные советы: не останавливаться на германской границе. Америка боялась: русские первыми войдут в Берлин. Русские действительно вошли туда, потеряв 300 тысяч солдат.

Я думаю о наших писателях-фронтовиках, которых всегда уважал. Стоит выделить Виктора Астафьева, описавшего войну как солдат. Он был рядовым солдатом, не лейтенантом, не командиром взвода, не командовал, как Солженицын, противозвуковой артиллерией. В романах Астафьева сохранилось чувство, перенятое у Ремарка (в лучшем смысле слова) – отчаяние солдата и проклятье в адрес тех, кто послал умирать.

Речь идёт о Днепровской переправе, где русские были на нижнем берегу Днестра, а немецкая артиллерия и миномёты на верхнем берегу обстреливали плывущих на самодельных плотках солдат. В романе «Проклятые и убитые» Астафьев называет маршала Жукова «браконьером русско-

го народа». Вот, во что выливается отчаяние и боль за тех, головы которых клали без пощады. Солдатами устлан путь армии. Это надо читать, знать и помнить не для того, чтобы запугивать людей или отвлекать их от современных идеалов: хорошая жизнь, образование, деньги, дети, которые учатся за границей. Никогда русские дети не ездили за границу получать образование, поскольку наше образование лучшее в мире.

Думаю, мне удалось сказать всё, что я хотел. Любовь, освещающая роман «Три товарища», не доступна даже перу Льва Николаевича Толстого. Беру на себя смелость это утверждать, поскольку чувство, выстраданное в окопах, не забывается.

В герое происходит перелом: из бездушной машины, убивающей людей, он по-настоящему становится человеком. Мы не враги. Нет в мире стран, которые стали бы врагами нам, а мы – им. Думая об этом, соотношу свои давние мысли с сегодняшней жизнью. Поэтому для меня Эрих Мария Ремарк – писатель XXI века.

АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН

О Солженицыне сказано многое. Сказано много дурного. Я нахожусь в нелёгком положении как лауреат литературной премии имени Солженицына 2005 года. Кроме того, я действительно чту Александра Исаевича. Однако это не запрещает мне говорить то, что я о нём думаю. А моё мнение не во всем совпадает с его мыслями, настроениями и взглядами на историю.

В 1962 в одиннадцатом номере журнала «Новый мир» появилась никому не известная фамилия Солженицын и повесть «Один день Ивана Денисовича». Многие восприняли её как прорыв в лагерной прозе. В литературе старались часто о ней не упоминать, хотя о лагерях писали и раньше. С появлением этой повести над литературой будто прогремела гроза. Гроза, как известно, очищает воздух: становится легче дышать и думать.

Эта короткая повесть оказала огромное влияние на читателя, потрясённого описаниями советского лагеря, бесстрашием автора и его спо-

собностью поднимать закрытые темы. Больше всего людей взволновала не сама картина лагеря, а фигура героя – Ивана Денисовича Шухова, простого русского крестьянина и солдата, несправедливо заключённого за колючую проволоку. В образе Шухова воплотилось терпение русского народа, его жертвенность, достоинство, независимость и трудолюбие. Поэтому Иван Денисович – главный герой повести, а другие персонажи, интеллигенты, среди которых есть даже кинорежиссёр, второстепенны. Фигура героя изменила сложившееся представление о русском человеке, попавшем в невыносимые условия. Ивана Денисовича не сломили. Он с юмором относится к бедствиям.

Когда повесть только опубликовали, в прессе поднялся шум: печатали всё, что известно об Александре Солженицыне. Что касается повести, она стала сенсацией и печаталась не только в «Новом мире», но и в других изданиях.

Не могу умолчать о том, что Солженицын состоялся как писатель благодаря чувству слова, прекрасному перу, которое помогало ему реализовать идею.

Я считаю: несмотря на талант писателя и гражданское бесстрашие, Александр Исаевич с самого начала выступал как одиночка в литературном мире. У него не было оппонентов, которые могли с такой же силой и авторитетом возразить ему. Солженицын, вопреки славе и известности, оказался в одиночестве.

Это чувство стало первым актом его личной драмы. Одиночество происходило не от превосходства писателя над всеми, не от его огромного

таланта и безумной смелости – просто не нашлось фигуры, равной ему и способной смело ответить, поспорить, не согласиться, а если согласиться, то с оговорками и со знанием дела.

Одиночество преследовало Александра Исаевича до конца дней. Первый акт его личной драмы – разрыв со всем, что его окружало в литературе. Положение одиночки в этом «громе» и «очищении после грозы славы» отразилось на его судьбе.

Однажды, выступая перед физиками, после успеха повести «Один день Ивана Денисовича» Александр Солженицын произнёс: «Я делаю историю». Представляете состояние человека, который берёт на себя смелость сказать подобное? На самом деле, слова писателя вполне соответствовали действительности.

Александр Исаевич и его повесть действительно оказали влияние на историю, сознание людей и понимание происходящего в СССР. Безусловно, это влияние было лишь отчасти – один человек не может делать историю.

Позже Солженицын вновь повторил эти слова в автобиографической книге «Как бодался телёнок с дубом». Название повести выдает ироничное отношение писателя ко всему сверхвысокому, сверхзначительному и даже к собственному труду. Он обладает мужеством сказать о себе: «Бодался телёнок с дубом». Телёнок – Солженицын, а дуб – советское государство. Но один телёнок не может сокрушить дуб. Александр Исаевич это прекрасно понимал и поэтому дал столь ироничное название книге.

Первый акт драмы Солженицына посвящён его уверенности: истина жизни и истории при-

надлежит ему. Осознание принадлежности к истине тоже относится к драматической стороне существования писателя в русской истории и литературе.

Незадолго до ухода из жизни Александр Исаевич дал интервью документалисту Сергею Мирошниченко. В Троице-Лыкове писатель построил дом, в котором жил и работал. Именно там состоялся откровенный разговор между Солженицыным и кинооператором. Александр Исаевич был уже стар, но голос выдавал в нём человека сильного и понимающего свою значимость. В фильме писатель рассказывает: в его жизни были ошибки. Он во многом заблуждался: это касалось оценок событий истории и собственной жизни. Откровения Александра Исаевича заставили замолчать его критиков (у него их хватало, особенно в России). Интервью делает честь писателю, как великому человеку конца XX века.

Мы сняли фильм о Солженицыне для телеканала «Культура». Фильм погружает нас в атмосферу Переделкино. Почему, говоря об Александре Исаевиче, мы упоминаем Переделкино? Здесь налево через улицу имени Серафимовича находится Дом творчества писателей (в нём я прожил три месяца осенью 1973 года), а через дорогу от него – музей Корнея Ивановича Чуковского, в одной из комнат которого много времени провёл Солженицын. Комнату писателю предоставили родственники Чуковского. Маленькое помещение, выходившее окном во двор. Александр Исаевич редко показывался во дворе.

Писательская публика, знающая всё обо всех, в частности, друг о друге, понятия не имела: в двух шагах от неё живёт лауреат Нобелевской премии Александр Солженицын. Это ещё раз объясняет его человеческую природу, воспитанную в лагерях и шарашках, куда его запрятала власть. Лагерь и положение заключённого вырабатывают в человеке осторожность и чувство опасности, которую нужно предотвратить. Именно поэтому Александр Исаевич редко появлялся во дворе дома Чуковского.

Когда мы снимали фильм, я стоял возле этих окон и вспоминал, как посетил эту небольшую комнату, где стоял диванчик и стол, за которым работал писатель.

Дальше произошла история, благодаря которой мне пришлось косвенно познакомиться с Александром Исаевичем. Проживая в Переделкино в Доме творчества, я писал книгу о Гоголе. Получалось у меня плохо, потом всё пришлось выбросить, но это к делу отношения не имеет.

Зима. Я собрался в Москву и отправился на станцию «Переделкино». Когда подошла электричка, я вошёл в вагон и напротив себя увидел Александра Исаевича Солженицына. Я знал его по фотографиям в газетах и журналах. С этого момента мое внимание было приковано к нему. Я наблюдал за писателем: как он одет, как выглядит и как себя ведёт. Солженицын оказался в электричке среди большого количества людей и никакого смущения по этому поводу не испытывал: не пытался оглядеться или отстраниться от спутников. Он сидел спокойно. На нём была

тёмная куртка и тяжёлая зимняя шапка. Я думал: писатель заметит слезку, но этого не произошло.

Я не видел Александра Исаевича на платформе станции «Переделкино», потому что писатель выбрал окольный путь: вышел из дома Чуковского, пересёк участок, состоящий из хвойных деревьев, перешёл на другую улицу (улицу Горького) и прошёл к станции «Мичуринец», на которой всегда мало народу. Таким образом, у писателя не было шанса быть замеченным.

Я наблюдал за Солженицыным, когда мы подъезжали к Москве. Когда поезд приехал, люди начали выходить, и Александр Исаевич тоже поднялся с места. Он оказался высоким и крепким. Я заметил на нём рюкзак, выглядевший довольно странно: он не был чем-то наполнен. Лишь на самом его дне виднелось нечто «лёгко-тяжёлое».

Мы вышли на перрон, и Солженицын спокойно и, не оглядываясь, пошёл дальше. Впереди нас виднелся вход в метро и спуск вниз на площадь Киевского вокзала. Я наблюдал, куда он пойдёт. Когда мы подошли к лестнице на вокзал, писатель спустился вниз и исчез в вечерней тьме.

Потом в его книге я прочитал: в рюкзаке находились пленки, снятые с его рукописи. Александр Исаевич приехал в Москву для передачи фотоматериалов иностранным корреспондентам. Эти пленки они должны были переправить на Запад для печати.

Представьте себе лауреата Нобелевской премии, идущего на явку с неизвестными нашему комитету госбезопасности людьми. Он идёт

смело, несмотря на возможность быть замеченным и схваченным. Однако этого не происходит.

Вскоре, те, кто проглядели этот момент, явились на квартиру к Александру Исаевичу. На улице Горького (сейчас Тверская) в переулке, во дворе находилась квартира Натальи Дмитриевны Солженицыной, жены писателя. Именно туда отправилась охрана. Как у всякого человека, взятого «в разработку», у Александра Исаевича уже был готов мешок с сухарями. Так, писателя арестовали и отвезли в тюрьму Лефортово. Это описано в книге «Как бодался теленок с дубом».

Александр Исаевич оказался в тюрьме, которую называли «академией пыток». Несколько месяцев 1937 года в Лефортово провёл мой отец. Его там допрашивали и избивали.

Солженицына не пытали. Когда его сосед по камере (мелкий жулик) узнал: с ним сидит лауреат Нобелевской премии, то пришёл в ужас, поскольку его мелкие дела по сравнению с делом писателя, незначительны. Вскоре Александра Исаевича вызвали на допрос. Там с него сняли мерки и сшили костюм.

Писатель не знал, что ждёт его за воротами Лефортово. Солженицына посадили в машину, отвезли во Внуково и посадили в самолет ТУ-104. Вместе с ним в полёт отправились КГБшники (чекисты). Александр Исаевич не знал, что ожидать от полёта. Он думал: на большой высоте откроют дверь и его выбросят из самолёта. Однако всё обошлось, и посадку совершили в аэропорту города Кельна (Западная Германия). Солженицына встретил знаменитый немецкий писатель, лауреат Нобелевской премии Генрих

Бёлль. На некоторое время Солженицын стал его гостем. В Кельне Александр Исаевич пробыл недолго. Он любил работать в условиях полного безмолвия, тишины и отсутствия людей, поэтому его выбор пал на Цюрих. Солженицын прибыл туда по приглашению бургомистра и поселился в его доме.

Я был возле этого дома. Постояв у калитки, я вошёл во двор, представляющий собой сад или парк, посмотрел на окна второго этажа, где жил Солженицын. Есть фотография, на которой он выглядывает из этого окна. Никто меня не остановил и не преградил путь. Бургомистр жил в тихом университетском районе, где созданы все условия для работы. Однако этого Александру Исаевичу показалось мало. По совету бургомистра, писатель отправился в горы в окрестностях Цюриха, чтобы найти себе квартиру, в которой он сможет спокойно работать.

Мы были в этих горах. Наш телевизионный автобус довёз нас до назначенного места. Как ни странно, эта возвышенность называлась «Гора звезды». Здесь Александр Исаевич не в первый раз встретился с американским священником Шмемоном. Он был эмигрантом из России, преподавал в университете и служил в одной из церквей. Пастор Шмемон после себя оставил двухтомник воспоминаний о жизни, в котором немалое место занимает Александр Исаевич Солженицын.

Когда они познакомились в Америке, пастор был очарован писателем также, как весь Запад. По мнению иностранцев, Солженицын – человек, вырвавшийся из «империи зла» (так СССР

называл Рейган), талантливый писатель, не побоявшийся бросить вызов государству. Шмемон был очарован Солженицыным, и вскоре между ними произошёл откровенный разговор. Пастор понял исторические взгляды и намерения писателя. В беседе со Шмемоном речь шла о Ленине. Солженицын в это время писал главу, посвященную ему. Позже книга разрослась в многотомное сочинение под названием «Красное колесо», в нём рассказывалась история предреволюционных лет в России и февральской революции 1917 года. Как-то раз, гуляя со Шмемоном, Александр Исаевич сказал: *«Я растопчу и сломаю всё, что сделал Ленин»*. В этот момент пастору стало страшно. Он понял: образ Ленина Солженицын писал с себя. Для Шмемона это стало болезненным открытием, и его первое восторженное отношение к писателю сменилось страхом.

Историческое сходство между Лениным и Солженицыным, возможно, существует.

В Цюрихе я прогуливался по набережной реки Ламмет и обратил внимание на стоявший слева дом с мемориальной доской. Надпись на немецком языке. Швейцария поделена на несколько зон, в каждой из которых говорят на английском, итальянском, французском или немецком языках. Надпись на мемориальной доске гласила: в этом доме когда-то жил «фюрер русской революции» Владимир Ильич Ленин. Слово «фюрер» оказалось весьма современным и созвучным тому, что мы знаем об истории Ленина.

В Цюрихе мы находились на территории Запада. В одном месте над рекой на высокой горе мы сняли синхрон о Солженицыне.

Писателя приняли с восторгом: корреспонденты всех мировых агентств и журналов одолевали его. Книги Солженицына начали печатать. Писатель стал богат и знаменит, в США ему присвоили звание почётного гражданина Америки. Теперь Александр Исаевич мог выбрать там себе жильё.

На первом этапе отношение Запада к Солженицыну было очевидным. Вскоре наступил момент, когда писатель вместе с семьёй прибыл в Америку. В Вермонте Александр Исаевич снял дом. Писателя продолжили принимать: он выступал по телевидению и перед людьми, но при этом ещё успевал работать. Солженицын обладал редким пристрастием к работе: без неё для писателя мало что существовало. Александр Исаевич начал работать в архивах Гарвардского университета, где хранились документы, имеющие отношение к русской революции, например, стенограммы заседаний Государственной Думы. Всю собранную информацию писатель использовал для написания «Красного колеса».

Однако, прожив в Америке некоторое время, Солженицын взглянул на неё такими же глазами, какими в своё время посмотрел на покрытый колючей проволокой СССР. Выступая в Гарвардском университете, он нелицеприятно высказался об американской демократии. Эти слова оттолкнули американцев от писателя. Когда я в 1987 году был в Америке, то общался со многими людьми, в том числе с будущими работниками госдепа из университета Бостона. Они либо холодно разговаривали со мной о Солженицыне, либо вовсе отказывались гово-

рять. Так изменились отношения между писателем и страной.

Запад ждал от Солженицына славословия, противопоставления замечательной свободы тому, что происходит в России. Но этого не произошло. Так проявилось бесстрашие Александра Исаевича – его главное достоинство.

После пребывания в Цюрихе наша телевизионная группа отправилась в Монтре – город на берегу Женевского озера. Долгие годы в нём жил и работал Владимир Набоков. Писатель остановился в гостинице «Палас отель». Он не хотел иметь дом, поэтому снял целый этаж и жил в гостинице. Для этого Набоков был уже достаточно обеспечен.

Солженицын искренне и честно считал Набокова гениальным писателем и представил его имя на Нобелевскую премию. Как лауреат Нобелевской премии, он имел на это право. Владимир Набоков, иронично относившийся ко всем лауреатам знаменитой премии, был признателен Александру Исаевичу за совершённый поступок и в знак благодарности пригласил его с женой в гости.

Существует биография, написанная австралийским писателем Брайном Бойдом. В ней я прочитал слова, взятые автором из дневника Набокова: «6 октября 1974 года. Солженицын с женой».

Александр Исаевич с женой выехал из Цюриха по дороге, идущей по берегу Женевского озера и мимо «Палас отеля». Владимир Набоков для встречи гостей надел костюм и галстук, пригласил из Женевы сестру Веру Владимировну, чтобы

познакомить её с Солженицыным и заказал столик в ресторане.

По дороге от Цюриха в Монтре Александр Исаевич останавливался в каждом маленьком городке, просил Наталью Дмитриевну (свою жену) звонить по автомату в Цюрих её матери и спрашивать: не подтверждал ли Набоков приглашения. Находясь в свободной стране, Солженицын сохранял привычную осторожность. «Мало ли, что могло случиться...», – думал он. А Набокову не надо было подтверждать приглашение – он его уже ждал.

Наконец машина подъехала и остановилась у подъезда «Палас отеля». Казалось бы, нужно войти в гостиницу и, обратившись на ресепшн, спросить: где ожидает Владимир Набоков. Однако никто из машины не вышел. Наталья Дмитриевна объяснила это так: бургомистр – большой знаток нравов Швейцарии, сказал: неприлично выходить из машины первыми, поскольку приглашающий должен выйти к воротам. Произошли ещё события, о которых я не хочу говорить, но они привели к тому, что, постояв некоторое время у дверей, машина отъехала. Таким образом, встреча Набокова и Солженицына не состоялась.

Многие, писавшие об этой истории, называют её недоразумением. Можно называть её как угодно, но несостоявшаяся встреча двух разных, но в то же время русских писателей – пробел в истории нашей страны. В действительности, не встретились: воспитанный в свободе аристократ (Набоков принадлежал к аристократической семье) и человек, только что снявший телогрейку и вышедший

за колючую проволоку. Не состоялась встреча не просто двух людей, а двух культур – культуры свободы и культуры, выращенной за колючей проволокой.

Как Владимир Набоков отнёсся к тому, что Солженицын не зашел в отель и не представился? Был ли он возмущён или смущён? Нам неизвестно. Встреча столь необходимая русской культуре не состоялась, хотя Александр Исаевич заранее говорил, что вряд ли они найдут общий язык. По его мнению, Набоков устранился от изображения несчастий русского народа во времена советской власти.

На самом деле это неправда. У Владимира Набокова есть написанный в Америке роман «Бен Синистр» (на английском языке). В нем в точности изображено то, о чем Солженицын писал в «Архипелаге ГУЛАГ». «Бен Синистр» – великий роман, в котором описывается происходящее в России, но не с семьей автора. Роман не о том, как у семьи Набокова отобрали дом на Большой Морской и не о том, как он лишился наследства, которое ему завещал родной дядя. Здесь дрогнуло сердце русского человека, который не мог простить произошедшего в СССР.

Солженицын продолжал упрямо писать «Красное Колесо», в то время как в России происходили известные события: одна власть сменяла другую, а русские стали стрелять в русских (имею в виду танки, стрелявшие в Белый дом). Александр Исаевич не возвращался. В это время он дописывал роман.

Я уже рассказывал, как писатель работал с документами в американских архивах для напи-

сания книги. Когда в России произошла «перестройка», открылись свободные архивы и документы стали доступны каждому. Таким образом, то, что Солженицын считал своим открытием, стало никому не нужно.

Это был ещё один акт его драмы: часы Александра Исаевича показывали одно время, а часы в России – другое.

В 1994 году Александр Солженицын вернулся в Россию. Тогда уже было решено, кто будет наверху и станет определять назначение страны, её отношения с другим миром и наконец её судьбу.

В Америке Солженицын написал знаменитую статью «Как нам обустроить Россию». Статья была положительная и не отвечала чаяниям либеральных людей, которые уже приступили к разрушению просвещения, экономики и жизни людей в стране.

Я имел отношение к этой статье, поскольку у меня были друзья в «Комсомольской правде». Однажды они приехали ко мне (тогда я работал в «Литературной газете» и заведовал отделом русской литературы) и рассказали: ждут статью Солженицына «Как нам обустроить Россию». Узнав об этом, я написал письмо Александру Исаевичу и передал его через литературного представителя Солженицына в России Вадима Борисова. Он был замечательным человеком, но история его отношений с писателем печальна. Вадим Борисов сделал всё, чтобы издать и переиздать любую строчку Солженицына, но вызвал недовольство его семьи и получил за это выговор. Тем не менее, Вадим переслал мое письмо писателю с просьбой дать статью «Литературной

газете», поскольку это во много раз увеличит её тираж. В то время «Литературная газета» имела тираж 6 млн. экземпляров.

Вскоре Борисов позвонил и попросил меня приехать. Он привёз два конверта: в одном – статья для «Комсомольской правды», а в другом – лично для меня. Началась работа над присланным текстом. В письме Солженицын написал – необходимо строго соблюдать правила пунктуации, интонации, расстановку абзацев. В этом смысле он был педантом. Редакция села вычитывать статью. Мы поменяли день выпуска «Литературной газеты», решив выйти в один день с «Комсомольской правдой», в которой напечатана эта статья.

Люди, пришедшие к власти в России, не обратили на статью должного внимания. Они были недовольны поведением писателя. Александр Солженицын, выступая в Государственной Думе, призывал депутатов отказаться от привилегий, больших зарплат и стать скромными. Я помню трансляцию этой речи и улыбку Гайдара, когда он слушал Солженицына.

Получив время на телевидении, писатель реализовал идеи, которые были в его статье «Как нам обустроить Россию», но власти это не нравилось. *«Что это такое? – восклицали Чубайс и другие. – В Россию приехал пророк и теперь говорит нам, как её обустроить»*. Вскоре передачи на телевидении закрыли, а Солженицына отправили в условную ссылку в его дом в Троице-Лыково.

Александра Исаевича нельзя было сломить, переменить и заставить говорить то, что он не думает. Он спасался работой.

С наступлением в России новой эры истории начали издавать всё, что написал Солженицын. Работы писателя печатали тиражами 300 тыс. экземпляров центральные и провинциальные журналы. Сначала наш читатель бросился на эти в прошлом запрещённые книги, но вскоре насытился и тиражи стали падать (за это попало Вадиму Борисову). Интерес к творчеству Александра Солженицына у общественности тоже упал.

Это стало ещё одним актом драмы писателя. Всё происходящее он понимал и переживал.

Во время отлучения от средств массовой информации Александр Исаевич написал книгу «Двести лет вместе». Книга основана на исторических документах и посвящена отношениям русского и еврейского народа, которые, как известно, жили в одной стране. Литература опасалась этой проблемы, а Солженицын не испугался. Он поднял возбуждающую читателей тему (особенно еврейское население) и прекрасно её исследовал, не отдав предпочтение ни одному из народов. Рассказав о еврейских погромах, автор также описал, как евреи вооружались и устраивали погромы русским. В книге «Двести лет вместе» Солженицын проявил талант историка и исследователя. Ему удалось изложить события так, что ни один народ на него не обиделся. Книга до сих пор большинством читателей как следует не прочитана, но благодаря ей репутация Солженицына как писателя была восстановлена.

Однако находились недовольные. Их раздражало творчество Александра Исаевича, его пове-

дение и смелые обращения с письмами в правительство об изменении условий жизни русского народа в рамках существующего строя.

В 2002 году вышла книга Владимира Войновича (в прошлом диссидента) «Портрет на фоне мифа», где «портрет» олицетворял образ Солженицына, а «миф» представлял миф о нем. Более грязной, неграмотной и злой работы о писателе я не читал.

Поэтому я сел и написал статью «Без заглавника». Заглавник – это то, что кладут за пазуху, когда хотят чем-то запастись. Войнович внутри был пустым: он не знал Солженицына как личность, его истории и даже истории России. Книга «Портрет на фоне мифа» настолько возмутительна, что я не мог не ответить на неё.

Наша последняя телевизионная поездка тоже связана с жизнью Александра Исаевича. Писатель несколько лет провёл в Рязани, где преподавал математику в средней школе. Когда наша съёмочная группа прибыла в город, жители не смогли показать, где именно жил Солженицын. Но представьте себе парадокс: полицейские машины, которые мы остановили, подвезли нас к дому писателя.

Больше всего меня удивила улица Урицкого, названная в честь большевика и председателя Петроградского ЧК, убитого террористом. До сих пор неизвестны имя и фамилия убийцы. Одно ясно: это была месть за зверства красного террора, которым занимался Урицкий.

И вот, по воле судьбы, Солженицына жил на этой улице. Рязанское начальство, будто напоминало писателю: ЧК существует вечно.

На улице Урицкого располагался двухэтажный дом (я бы назвал его бараком) с почерневшим от времени деревом. На втором этаже жил Александр Исаевич. Мы прошли через тёмный коридор на первом этаже и оказались во дворе, где под невысокой березкой стоял столик ручной работы и скамейка. С этого скрипучего столика и вылетел, как из гнезда, Иван Денисович Шухов – там была написана эта повесть. Когда наш звуко-режиссер включил, записанный на пленку голос Солженицына, на меня словно повеяло освежающим ветром, исходящим от этой завершённой жизни. Мы снимали этот фильм в 2008 году, когда Александр Исаевич ушёл из жизни.

Стоя в тёмном коридоре, мы встретили женщину, живущую на втором этаже. Она рассказала: видела Солженицына и знала его. В тот момент я подумал: сквозь все его многотомные сочинения, разоблачительные сатирические книги прошли два замечательных образа – Ивана Денисовича Шухова и Матрены из одноимённого рассказа. Два светлых лица русских людей, внушающих надежду – Россия не погибнет. Вот, что я почувствовал в коридоре этого дома.

В Рязани мы посетили школу, в которой работал Александр Исаевич. На здании -огромная мемориальная доска из белого мрамора с надписью: *«Здесь учился выдающийся советский писатель лауреат Ленинской и Государственной премий Константин Симонов»*. Мы начали искать свидетельства работы в школе Солженицына. В конце концов, под самым козырьком крыши на «третье-сортной» мраморной доске мы увидели надпись: *«В этой школе преподавал математику лауреат*

Нобелевской премии Александр Исаевич Солженицын». Между прочим, в этой же гимназии учился Иван Петрович Павлов, великий русский физиолог и лауреат Нобелевской премии. Однако этот факт не увековечен мраморной доской, поскольку в 20-30-е гг. прошлого века Павлов писал письма в адрес правительства, где осуждал произвол и жестокость государства. Поэтому рязанские начальники не отметили его присутствие в этой гимназии.

Конечно, встреча с Александром Солженицыным – светлый луч в моей жизни. Я познакомился с писателем, говорил с ним по телефону и поздравлял его с днём рождения. Я почитал Александра Исаевича, но не склонялся перед ним и не бился лбом о землю. Я уважал этого человека и уважаю до сих пор.

Премия имени Солженицына, которую я получил в 2005 году, стала событием в моей жизни. Александр Исаевич был ещё жив и опубликовал большую статью обо мне в «Литературной газете».

Не хочу, чтобы вы думали, будто я много говорю о себе. Просто я – тот самый человек, который видел, слушал, читал и разговаривал с Солженицыным.

Когда в 1996 году мы пригласили Александра Исаевича на телевидение, он отказался, сославшись на занятость. Он сказал мне честно: «Игорь Петрович, я не представлял себе, что увижу в России, когда я вернусь». Такое отношение писателя и его искренность пленяли меня. Когда я получил премию, Солженицын позвонил первым и сказал:

Игорь Золотуский

- *Игорь Петрович, поздравляю вас дважды.*
- *А в чём дело?* – спросил я.
- *Премию вам присудили – это раз, а второе – все члены жюри проголосовали за неё единогласно.*

Конечно, всего не расскажешь... Конец нашего фильма мы снимали в поезде. Куда шёл этот поезд: в будущее или прошлое? Сейчас я этого сказать не могу, но в самом конце, когда за последним вагоном замелькали рельсы, в эфире прозвучал голос Солженицына, который читал «крохотки» (маленькие рассказы).

В них писатель говорил: он прожил большую жизнь, но не сделал всего, что хотел. Он обратился с просьбой к тем, кто сейчас растёт и учится: когда они вырастут, то пусть доделают это важное дело.

ВИКТОР АСТАФЬЕВ

Я много раз в жизни проезжал мост через Енисей. Первый раз в 1953 году, когда ехал на встречу с отцом, находившимся на вечной ссылке после второго ареста в Красноярском крае.

Я доехал до Канска, оттуда – до районного центра Абана, а там уже по трелёвочной дороге добрался до этого посёлка.

Второй раз мы проехали целой группой, это был 54 год, когда, окончив Казанский университет, я получил направление в Хабаровск, на Дальний восток. Вот тогда наш поезд проехал Енисей, почему я об этом вспоминаю, потому что на краю правого берега другого лепилась деревня Овсянка, где родился Виктор Петрович Астафьев.

Конечно, когда мы проезжали, его не было там, он в это время жила в разных городах, и в Перми, и на станции Чусовой на Урале, и в Вологде, и только уже в середине пути перебрался на родину в Красноярск. И, стало быть, в Овсянку тоже. Овсянка – небольшая деревня,

которая буквально прилепилась к краю берега Енисея. Это место его рождения, и это место, где он сейчас лежит. Когда он скончался, его там похоронили. Потому что он всё лето обычно, кроме зимы, проводил в Овсянке. И от слова «Овсянка» для меня сразу повеяло духом овса. Я часто бродил по овсяному полю, не там, в других местах, и я знаю: овёс – хлеб лошадиный, без овса лошадь не накормишь, а землю не вспашешь. Астафьев родился в деревне, стало быть, он – крестьянский сын.

Он, правда, рано лишился матери, его мать поехала в лодке – передать арестованному отцу передачу. И, возвращаясь, лодка стукнулась о плоты, прижатые к берегу Енисея, у неё развязалась коса и заплелась за ветви, из которых плели эти брёвна, и она погибла, утонула. Астафьеву было тогда 7 лет. Отца арестовали, как сказано, за вредительство. И сослали его на Беломорско-Балтийский канал, далеко от Красноярска, от Енисея.

В это время отец Астафьева жил в Игарке. Игарка – это северный порт нашей страны в этом районе, он стоит на берегу Ледовитого океана.

И мачеха, появившаяся после смерти матери, его выгнала из дома на улицу. Поэтому детство Астафьева прошло среди таких же как он, сирот, беспризорников, пацанов, как тогда говорили. Которые жили, как могли, кто-то на огороды ходил, кто-то питался куском хлеба, который подавали добрые люди.

В конце концов, Астафьев оказался в детском доме, там его кормили. И так жизнь его прошла, почему мы с ним в поздние годы почувствовали

близость: он, как и я, попал в детский дом, также, как и я, был беспризорником, короче говоря, сиротой. А сиротство, это, между прочим, школа жизни или, может быть, даже университет. Потому что сирота должен сам защищать себя, отстаивать своё достоинство. И эти черты в Астафьеве были воспитаны тогда, когда он скитался по улицам Игарки.

Наконец его взяла к себе бабушка, жившая в Овсянке. И детство Астафьева после беспризорничества бездомного оказалось детством счастливым. Потому что вы знаете: бабушки наши в то время были крестьянские женщины, они всё умели по дому, заботились, как его бабушка о нём. Вместе они обхаживали небольшой огород возле дома, и Астафьев позже создал «Оду русскому огороду». Где описано его пребывание в Овсянке в бабушкином доме и на огороде.

Кстати сказать, когда он скончался, он просил пронести его гроб мимо дома бабушки. Он, конечно, помнил её всю жизнь, и она дала Астафьеву то, что не могла дать улица – доброе сердце и жалость к слабым.

Он подросток и в 1942 году попал на фронт. Сначала их учили, как воевать, а потом отослали на фронт. Астафьев прошёл весь фронт солдатом. Это самый, казалось бы, низший из всех возможных чинов. Мы знаем: войну выиграла не генералы, не маршалы, не генералиссимусы, а солдаты. Потому что тогда ещё большинство населения России составляло крестьянство, и это крестьянство стало основой нашей армии. В 1942 году он попадает на фронт, конечно, Астафьев не писал в те годы, он воевал, был связистом и, вернувшись

с войны, переживал довольно горькие дни. Первая чистка после возвращения с армии после победы, возвращение на родину, надо было пройти через очистительные лагеря. Это были санпропускники, через них пропускали на родину тех, кто воевал. Это было нелегко, не просто.

Позже Астафьев напишет книгу «Весёлый солдат», именно об этом пребывании между фронтом и родиной после победы. Я потом написал рецензию на эту книгу, назвав её «Невесёлый солдат». Конечно, он начал писать, и в 1954 году вышла его первая книжка, но она была не замечена. Это была слабая работа начинающего литератора. И, постепенно взрослея, переезжая в эти города, а потом, оказавшись в Красноярске, Астафьев серьёзно задумался: что он должен написать о войне?

Астафьева я до 1984 года не читал, не знал как писателя. Связано это ещё с тем, что фронтовики и мы, дети войны, были связаны одной верёвочкой, мы жили в тылу, я жил в детском доме, но все мы жили войной.

Мы читали сводки, мы думали: как на войне? Мы не знали, каково нашим солдатам в окопах, но уже заранее любили их. И, когда они вернулись с войны, эта любовь стала ещё сильнее, мы их увидели совершенно по-разному.

Я в день победы, 9 мая 45 года был в Александровском саду возле Кремля. Я был ремесленник тогда уже. Мы там играли в футбол, представьте себе, это было возможно: возле Кремлёвской стены мальчишки гоняли мяч.

И, когда я выходил на площадь перед университетом, перед гостиницей Москва, я видел, как

вытаскивали из трофейных автомобилей фронтовиков и качали на руках. Ликование всеобщее и любовь описать невозможно. Отец мой был в это время в лагере, мама моя тоже, мне эти люди, вернувшиеся с войны, заменяли отца или старшего брата. Мы тянулись к ним, прижимались к ним.

Я видел фронтовиков и в тяжком положении: например, на Цветном бульваре в Москве. Там был рынок, сидели прямо на мостовой инвалиды-солдаты, возле них лежали костыли, а возле костылей – пилотка. Они ждали, когда им подадут – или денежку кинут, или хлебом покормят. И сердце сжималось у нас, и мы ещё сильнее любили их.

Поколение Астафьева (он родился в 1924 году) и наше поколение связала война. И, естественно, фронтовики оказались не просто близкими нам людьми, но это поколение фронтовиков, их тогда ещё было много, воспитало нас. Те, кто родился уже в конце 30 годов или в начале 30 годов, взяли на плечи то, что им оставляли раненые, больные, ставшие инвалидами фронтовики.

Это поколение взяло на себя груз, лежавший на плечах этих людей. И достойно удержало этот груз, и сделало для отечества всё, что могло сделать. Одни были ремесленниками, другие – школьниками, неважно, кем они были, все стали людьми, и это – благодаря влиянию войны и фронтовиков. Когда их стало меньше, мы все почувствовали сиротство. Почувствовала вся страна, не только наше поколение, потому что поколение фронтовиков было тем, перед кем стыдно было что-то несправедно делать.

Астафьев стал печататься и стал писать о войне. У него есть повести «Звездопад», «Пастух и пастушка». Много раз он подходил к теме войны, но перо его ещё было осторожным. Всё-таки это были ещё годы советские, и написать о войне так, как он её увидел и пережил, не мог. Он к этому двигался медленно и, наконец, это случилось. Он стал писать роман о войне. Но, прежде всего, я скажу о нашем знакомстве с Виктором Петровичем.

Первое знакомство вот в этой открытке, которую он прислал в 1998 году на телевидение, по случаю показа моего фильма о Константине Воробьёве. Константин Воробьёв – замечательный писатель, тоже писавший о войне, фронтовик. Ему принадлежит повесть «Убиты под Москвой», напечатанная в «Новом мире», но потом её перестали публиковать. Он пережил самое страшное, что было на войне – плен, он сменил много лагерей и выжил.

И вот мы сделали о нём фильм, поехали в Каунас, где он был в заключении. Из Каунаса по его следам пошли дальше.

Когда фильм показали по телевидению, на адрес телестудии пришла открытка на моё имя: *«Дорогой Игорь Петрович, спасибо за передачу о Косте».*

Воробьёву в декабре прошлого года исполнилось 100 лет, но никто, нигде, ни в газетах, ни по радио, ни по телевидению не вспомнил об этом. Вспомнили только куряне, он был курский, и они поставили ему памятник. Так вот он пишет: *«Спасибо за передачу о Косте! Спасибо, за его горькую и чистую жизнь. У нас передача шла в полдень в*

субботу, мне уже звонили «прозревшие» дорогие читатели наши».

Вы чувствуете: интонации у Астафьева уже другие по отношению к литературе и читателям. *«Сам я и всплакнул не единожды, глядя и слушая телевизор. Спасибо ещё и за то, что цензуру вслух назвали цензурой, трагедию – трагедией, а мерзавцев – мерзавцами. Словом кланяюсь вам, вина всех и моя тоже, не облегчилась, на душе лучше стало. Кланяюсь, В. Астафьев».* Вот эта открытка.

Почему я говорю: Астафьев к тому времени уже становился жёстче и по отношению к тем, кто командовал на фронте. В его романе «Прокляты и убиты», – потом о нём подробнее расскажу, есть целые абзацы, где он обращается к тем, кто гнал солдат под огонь немцев.

Речь идёт о форсировании Днепра, где с низкого берега Днепра на плотках, на лодках солдаты плыли на другой берег – высокий, где немцы владели пространством. У них били и пушки, и танки, они расстреливали наших солдат прямо на плотках.

И Астафьев пишет в романе: *«Проклятье тем, кто послал безоружных солдат на эту смерть»*, по существу у них только винтовки были. *«Пусть едят их вши, пусть их крысы голодные едят, когда они умрут».* Короче говоря, такое пронзительное проклятье в адрес тех, кто так вёл войну.

Знаем, недавно президент России опубликовал цифры убитых под Ржевом наших солдат, под одним Ржевом погибло 1 300 000 солдат.

А когда брали Берлин, мы положили ещё 300 тысяч. Астафьев даже называет одного из маршалов войны браконьером русского народа, потому

что он не жалел солдат. Ему важно было про-
рваться, победить, осилить противника, а солдат
для него ничего не значил.

В 1990 году я пошёл работать в «Литературную
газету» редактором отдела русской литературы и
там узнал: Астафьев пишет роман о войне. Он
мне сам сообщил об этом: *«Откладываю всё, пото-
му что бумага уже стала желтеть, и буду писать
роман»*.

Я с волнением ожидал, когда он начнёт писать
этот роман. И вот первая глава закончена. Об
этом мне сказала женщина, работавшая в
«Литературной газете» и дружившая с
Астафьевым – Ляля Полухина. Замечательная
женщина! Я ей поручил: Ляля, попроси у него,
чтоб он прислал нам эту главу.

И вот через некоторое время в такой грубой
обёрточной бумаге почтовой пришла эта глава.
Когда я начал читать её, понял: это совсем не та
война, о которой я читал раньше. Да, были
талантливые писатели, была лейтенантская
проза, но та война, которую писал Астафьев,
была не лейтенантская, не генеральская, а сол-
датская. И в этом – величие его работы.

Знаете, страшно читать роман, Астафьев решил
назвать его «Прокляты и убиты». И вот глава наша
была напечатана в «Литературной газете», целая
полоса с моим коротким предисловием.

Астафьев продолжал писать и написал вторую
главу, она называлась «Плацдарм». Форсировать
Днепр было приказано сверху в тот день, чтобы
поспеть к 7 ноября, победить, взять правый
берег, войти, может быть, даже в Киев. И поэто-
му бросили солдат на эту бойню.

Страшно читать эту главу, потому что нельзя спокойно видеть, как погибают люди, не способные защитить даже себя как следует. У них нет того оружия в руках, которое есть на правом берегу – его применяют немцы. Всё-таки переправляются они на правый берег, гибнут, их даже не успевают зарыть в земле, их начинают есть крысы этих бедных людей.

И всё-таки наша армия поднимается на правый берег и берёт его в атаке. Астафьев, я помню, в этом романе даже описывает, как умирает солдат. В него попадает немецкая пуля, и вот он стоит и чувствует, как она идёт по всему его телу. Это может быть занимает мгновения, но он чувствует: она идёт прямо к сердцу, и он помирает.

Мы как-то говорили по телефону, я ему сказал: *«Виктор Петрович, это такое сильное ощущение от этой сцены»*. Он говорит: *«А знаешь, я это выдумал»*. А я ему ответил: выдуманное иногда сильнее действительного.

В этом смысле роман о войне Астафьевский был освобождением, ведь он писался уже в годы, когда, казалось бы, в нашу страну пришла свобода, это были 1990-е годы.

Но свобода была, как мы знаем сейчас, опасна для народа. Нельзя переходить из состояния несвободы, в которой ты был, в состояние свободы, это многих ломало, а других разрушало.

Астафьев испытывал муки творчества, потому что хотел писать всё, как есть. Поэтому в его романе присутствуют такие откровенные сцены смерти, разложение трупов и мат.

Это было вот такое мгновение освобождения, когда писатель, не чувствуя над собой ни цензо-

ра, ни даже читателя, способного на него донести за правду, раскрепостился. Но раскрепостился горько, потому что свобода, когда говорить можно всё, это беда. И эту беду прошёл Астафьев, прошёл через желание писать всё, как было.

Хотя этот роман, который, пожалуй, после уже никто не написал. Были талантливые люди: Курочкин, Бондарев, Бакланов. Были ещё другие, Некрасов, но никто не доходил до такой сердцевины солдатской войны.

Астафьев это сделал, я написал рецензию на эту книгу и опубликовал её в «Литературной газете». Она называлась «Убиты, но воскрешены». То есть тех родных ему, близких, погибших рядом с ним, он воскресил в этом романе. И в эпосе этой книги, потому что это роман и о войне, и о мире, предшествовавшем войне и воспитавшем покорность и подчинение тех же солдат, шедших по любому приказу на огонь врага. Поэтому миллион триста тысяч под Ржевом, а сколько их по всей войне!?

И вот, оставив это всё, переживший и выживший на войне, вернувшийся с неё, не мог спокойно жить, пока он об этом не напишет.

Конечно, у него есть ещё и прекрасные рассказы, в том числе о войне. Я хочу процитировать один рассказ об инвалиде войны, вынужденном ехать в район, чтобы на очередной медицинской комиссии, засвидетельствовали его инвалидность.

Это большой рассказ. Получив такую очередную справку, он возвращается, садится на поезд и едет домой, где ждёт его жена Паня. В конце

романа они сидят возле своей избы и поют песню.

Герой этого рассказа ещё на войне пел, у него был прекрасный голос, и он пел во фронтовом хоре. И этот рассказ называется «Ясным ли днём», это первая строка песни.

Вот они поют эту песню в печали, в полуопустевшей уже деревне и затихают, уходят спать.

Астафьев пишет: *«На посёлок опустилась ночь. Из низины, от речки и прудка, по ложкам тянуло изморозью, и скоро на траве выступил иней. Он начал пятнать огороды, отаву на покосах, крыши домов. Покорно стояли недвижные леса, и цепенел на них последний лист. Шорохом и звоном наполнится утром лес, а пока над посёлком плыло тёмное небо с яркими, игластыми звёздами. Такие звёзды бывают лишь осенью, вызревшие, еще не остывшие от лета. Покой был на земле. Спал посёлок. Спали люди. И где-то в чужой стороне вечным сном опал орудийный расчёт, много орудийных расчётов. Из тлеющих солдатских тел выпадали осколки и, звякая по костям, скатывались они в тёмное нутро земли. Отяжелённая металлом и кровью многих войн, земля безропотно принимала осколки, глушила отзвуки битв собою».* Так кончается этот рассказ.

Но как крестьянский сын, остававшийся им всегда, Астафьев любил деревню и много писал о деревне. Его иногда причисляют к так называемой деревенской литературе.

Многие действия, многих рассказов происходят в деревне после войны уже, и я запомнил рассказ «Руки жены». Рассказ о двоих людях, один из них шахтёр, а другая – женщина, мывшая полы в

столовой шахтёрской: у неё руки несут следы этого труда.

И вот происходит несчастье во время работы в шахте: взрывается газ, и герой рассказа лишается рук. Он остаётся жив, но он без рук, он не может взять даже ложку, ничего.

Вы понимаете, что случается в таком случае, что происходит. И вот эта женщина, любя и жалея этого человека, становится его женой. Она за ним ухаживает, она его успокаивает. Он стыдится того, что немощен, но крестьянская женщина и её любовь выписаны в этом рассказе с неотразимой силой. Язык Астафьева от сочинения к сочинению начинает крепнуть и становится могучим. А кто дал язык русской литературе? Крестьянство! Астафьев, с детства впитавший этот язык, вдруг приходит к нему уже в конце жизни.

Вы знаете, я познакомился с Астафьевым в 1986 году, когда вышла его повесть, её можно назвать романом – «Печальный детектив».

Эта судьба сельского милиционера, стоящего за правду, за честность. Его вилами пропарывает негодяй, желая убить.

Он выживает, этот милиционер, но картина села после войны с пьянством, зверством, произвела на меня впечатление очень сильное.

Я написал статью об этой повести, она была напечатана в журнале «Новый мир», в лучшем журнале тех лет.

И, когда я прочитал её, я остановился на моменте, где этот милиционер читает какую-то старинную книгу, о любви двух людей молодых. Такая волнующая книга, и я не знаю, кто автор её.

Я позвонил Астафьеву в Красноярск и спросил его, что это за книга, которую читает милиционер Сашнин, так его фамилия.

Он говорит: эта книга аббата Прево «Манон Леско». Это замечательная книга, я сразу же прочитал, знаете, в таком рыцарском духе, не о безответной, но горькой любви молодого дворянина к женщине, из-за голода вынужденной заниматься проституцией.

Её арестовывают, увозят и он идёт за ней и, в конце концов, они соединяются. Я спросил Виктора Петровича: почему вы такую книгу читаете, кажется, что вы такой суровый человек, что вы далеки от этих чувств? А он говорит: *«Я люблю такие книги, я их собираю и перечитываю».*

И вот в 1986 году мы встречаемся с ним в Кремле. Тогда был последний съезд писателей при существовании СССР. Происходил он в Кремлёвском дворце, и уже в перерыве, в курилке мы встретились с Астафьевым.

И он мне сказал: после появления этой повести он получает угрозы. Один генерал даже написал ему – он придет и сам его пристрелит за эту повесть, за эту жестокую правду. Астафьев был не весел, но посмеивался, чтобы сбить с себя эту горечь.

Но на этом съезде произошло ещё одно событие, тоже горькое для Астафьева. Когда ему дали слово, и он пошёл к трибуне, из зала вышла вся грузинская делегация, громко хлопая креслами.

Почему она это сделала? Из-за рассказа Астафьева «О ловле пескарей в Грузии». Я прочитал тут же этот прекрасный рассказ, написанный с любовью к грузинскому народу, к его обы-

чаям, к его старикам, к его одиноким, к его семейным, к их домам и, наконец, к их храмам. Там описан храм в Гелати, это целая поэма грузинского благодарного творчества в честь Бога.

Но это пришлось пережить, более того, в этом же году от инфаркта слегла его жена.

Жена его, тоже была фронтовичка, и познакомились они в поезде, когда ехали с фронта, Марья Семёновна.

И она переписывала все его письма, его повести и рассказы, потому что почерк у него был тяжёлый.

Она слегла с инфарктом, а когда встала, они узнали: их дочь Ирина, жившая в Вологде, скончалась и оставила им двух маленьких внучат, которых они приняли в свой дом, в свою семью.

И, более того, в этом же году случилось ещё одно событие, ведь в повести Астафьева «Печальный детектив» рассказывается, как Сашнин идёт на подготовительные курсы, чтоб поступить в институт.

И вот там сидят такие же, как он, дети, он называет одну группу детей «еврейчата». Он мог написать «татжикичата», «киргизчата» всё, что угодно, но это «еврейчата» ударило по нервам замечательного писателя Натана Эйдельмана, автора многих книг о декабристах, человека талантливого.

И он написал письмо Астафьеву, обвиняя его в антисемитизме. Более того, когда Астафьев ему ответил, и очень жёстко, Эйдельман стал распространять эту переписку среди людей.

Попала она даже за границу, и, когда я в 1987 году был в Америке, я разговаривал с заведую-

щим кафедры литературы Бостонского университета. Он мне начал объяснять: видите, Астафьев – какой антисемит.

И мне пришлось рассказать ему, какой это был год, во-первых, для Астафьева, а во-вторых, что Астафьев никогда не был антисемитом.

Я сказал Эйдельману, когда мы встретились в Пицунде: *«Натан, зачем ты распространяешь переписку частную, ведь это боль, которую ты причинил не только Астафьеву, а очень многим фронтовикам?»*.

Но Эйдельман не стал меня слушать, и переписка пошла и пошла в люди, но это лишь эпизод 1986 года. И в том же году я получил от него первое письмо-отклик на мою рецензию на его повесть.

Я удивился: Астафьев написал такое большое откровенное письмо о своих скитаниях в тайге, о своём одиночестве, о сидении возле костра. Горькое письмо и очень искреннее, откровенное.

Я тоже в который раз подумал: Астафьева принимают совсем не за того – за жёсткого, грубого, обзлённого писателя, а он таким не был.

Я читал это письмо и удивился его искренности и откровенности с человеком, которого он не знал ещё даже.

Ещё я вспоминаю из наших встреч: какой-то доброхот написал Астафьеву письмо – якобы я стал секретарём Союза российских писателей, зарабатываю денежки.

На самом деле никаких денег я не зарабатывал, я просто был почётным секретарём этого Союза, куда выдвинули меня молодые писатели.

Астафьев прислал мне письмо, где отчитал меня жестоко и грубо: *«Зачем тебе это?»* – писал он, мы были уже на ты: *«Ты что не можешь зарабатывать деньги своим трудом?»*.

Я ответил ему: неужели ты слушаешь сарафанное радио и веришь ему, а в конце пожелал ему здоровья и хорошей работы.

Представьте себе, после этого случая, при наших встречах, они были в разных местах, Астафьев трижды извинялся передо мной.

Кто такой Астафьев и кто такой я? Знаменитый писатель, признанный миром и нашей страной, и вот кто он. Он первый раз попросил у меня прощения, когда мы в гостинице «Украина» встретились, потом второй раз ещё где-то и третий раз уже в письме.

Так почему мы любили фронтовиков? Потому что они были такие! Я знал многих из них и со многими даже дружил, несмотря на разницу лет, и всегда смотрел на них снизу вверх, как на старших братьев или отцов.

У Астафьева есть несколько писем ко мне, я не собираюсь их цитировать, но скажу: последнее письмо от Астафьева я получил 17 июля 1999 года, ему оставалось жить два года.

Это письмо, я не стесняюсь показать его, потому что это почерк Астафьева, его рука. Он пишет: *«Дорогой Игорь, твои ко мне весточки как-то всегда приходят ко времени и в утешение, это свойство доброты сиротства, охватившей души»*, – он знал, что такое сиротство.

«Лежу в больнице, с инфарктом, к которому долго шёл и дошёл-таки, да и жизнь к нему готовила, при наличии совершенно одряхлевших лёгких и многих

ещё прохуdivшихся органов. Сердцу то было ни к чему хрендить, но что сделаешь, года».

Кстати, когда мы были с Астафьевым в одной делегации в Италии, в Риме, мы пошли на улицу Виа Систина, где жил Гоголь. Но туда надо было подниматься по знаменитой испанской лестнице, она была высокая, и Астафьев с трудом преодолел этот путь, останавливался, тяжело дышал и эти охрипшие лёгкие его я слышал.

«Надеюсь концом месяца выбраться из больницы, а пока через посредников, жена тоже болеет. Пересылаю тебе изданную книжку с солдатом».

Это была книжка «Весёлый солдат», а послевоенных скитаниях Астафьева уже после фронта.

«Право вместе сложенные повести выглядят недурно, а пока ничего не пишу, сделал за прошлую зиму цикл «затесей», и всё они идут в 8 номере “Нового мира”». «Затеси» – это мелкие его работы.

«Я надеюсь ещё сесть за стол, хотя всё больше отчётливо вижу бесплодность этого занятия. Ну, да и нового ничего не остаётся делать, не умею делать, а без работы спастись от гнетущего чувства, уходящей жизни и всё более пространного душевного одиночества. Может, в октябре соберусь, и подьеду в какой-нибудь подмосковный санаторий, в сухом месте стоящий, так позвоню и позову в гости. А пока обнимаю тебя братски, и желаю не хворать. Преданно твой Виктор».

Русская литература даже в советский период, когда жили Астафьев и я, была высокой литературой, чистой литературой.

Это относится и к так называемой деревенской прозе: к Распутину, к Белову, к Шукшину – какие прекрасные писатели были!

И Астафьев или Абрамов Фёдор Александрович, который тоже был на войне и писал романы, и с ним я дружил. Пока они были живы, мы чувствовали их влияние и поддержку.

Есть мнение: Астафьев был человек сердитый, нелюдимый, может быть, даже злой, так о нём говорили не сведущие люди.

Но вот я хочу привести пример, опровергающий это мнение. Между прочим, он написал грозное письмо Горбачёву о разгуле преступности в стране; отказался участвовать в президентском совете Ельцина; он порвал со всеми Союзами писателей, вернул им билет.

После кончины его заговорили: он проклял свой век, проклял и всё ещё живущих в нём, и даже тех, кто ещё вот-вот появится на свет.

Это жестокая неправда и не было ещё на Руси писателя такого масштаба, чтоб он с подобным словом уходил из жизни.

И в апреле 2009 года Астафьеву была посмертно присуждена литературная премия Александра Солженицына.

За этой премией приехали его друзья, чтобы отвезти её больной жене Астафьева.

И один из них, замечательный издатель иркутский Сапронов, зачитал завещание Астафьева, опровергающее то, что я только что говорил.

Ещё 9 марта 1989 года Астафьев написал в письме к землякам: *«Благодарю вас за то, что жил среди вас и с вами, и многих любил».*

Вот уже подлинное завещание Сапронов зачитал на этом вручении Солженицынской премии, называется оно «Прощаюсь».

«Прощаюсь с вами, мои слезы, мои муки, кровь моя. Прощаюсь, веря, что рожденный в муках и жив-

ший муками, не мучаю я вас своим прощанием. Прощайте, люди! Я домой вернулся, я к матери моей вернулся, к бабушке, ко всей родне. Не будьте одиночки без меня. Жизнь коротка. Смерть лишь бесконечна. И в этой бесконечности печальной мы встретимся, и никогда уже не простимся. И горести, и мук не испытаем, и муки позабудем, и путь наш будет беспределен. Прощайте, люди! Умолкаю, слившийся с природой». О природе есть прекрасная книга Астафьева «Царь-рыба».

«Я слышу новое зачатие жизни, дыханье жаркое, шёпот влюблённых... И не хочу печалить их собою, дарю им яркий листик древа моего. И мысль последнюю, и вздох, и тайную надежду, что зачатая ими жизнь найдёт мир краше, справедливей. Прощаюсь я с собой без сожаленья и улетаю ввысь, чтоб в землю лечь на высоте. Иду! Иду! Вы слышите меня, природа кличет! И голос матери звучит в ней, удаляясь. И звуки умолкают в тёмной дали».

Так простился один из великих писателей XX века с Россией, с жизнью и со своим народом.

Что можно сказать, нужны ли здесь комментарии?

Образ Астафьева, его светлый лик вырисовывается с бесконечностью. Ещё я хочу сказать вам: Астафьев, писавший о войне, о деревне, просил, оставшихся после его смерти: «Пока я буду с вами, пусть играет музыка», то есть, пока гроб будет стоять.

«И, прежде всего, пусть звучит «Реквием» Верди со старой, мною заигранной пластинки. В исполнении оркестра под управлением Тосканини восьмая, не оконченная симфония Шуберта. Его же и «Аве, Мария!», мелодии Глюка и сонаты Моцарта, и

Игорь Золотуский

Альбинони. Всю прекрасную музыку людей мне хотелось бы взять с собой и с вами оставить только всё прекрасное. А главное надежды на будущую жизнь».

Так ушёл Виктор Астафьев. Я сказал о нём совсем малую часть, что можно сказать, но благодарен судьбе – она свела меня с ним, она приблизила меня к нему, я почувствовал его тёплое дыхание, когда он жил, и чувствую его сейчас.

Оно меня согревает, оно даёт мне силы жить и писать.

Одна из его последних повестей, вошедших в книгу «Весёлый солдат», называлась «Так хочется жить».

И я могу повторить эти слова уже от себя: так хочется жить!

ПОХВАЛА КРИТИКЕ

В 1949 году я окончил школу с серебряной медалью. Когда мне вручали медаль, то к ней присоединили подарок – книгу статей В.Г. Белинского. Был ли это намёк судьбы, предсказывающий, чем я займусь после школы, или просто случайность?

В Казанском университете, куда я поступил, этот намёк никак не сказался на моих занятиях. Я писал заметки в местные газеты и на радио для того, чтобы заработать, и скучал на лекциях, сидя на задней парте.

Но в 1954 году, когда наш курс сдавал выпускные экзамены, произошло то, что навело меня косвенно на след Белинского. В журнале «Новый мир» в конце 1953 года была напечатана статья В. Померанцева «Об искренности в литературе». Статья эта всколыхнула весь печатный мир. Призыв к искренности, с которым выступил В. Померанцев, совпал с настроением тех лет.

Мы собрались в новом здании химфака (было это 31 марта 1954 года) и устроили дискуссию по

выступлению Померанцева. Дискуссия касалась не только литературы, но и всей тогдашней жизни. Зал был полон, а выступавших человек шесть-семь. Выступали только студенты и к тому же выпускники текущего года.

Председателем собрания мы избрали Лёню Царегородцева, фронтовика, всегда ходившего в солдатской гимнастёрке и сапогах.

Один из выступавших подготовил доклад о положении сельского хозяйства, другой – об общем состоянии культуры, третий – о современной литературе, об истории России и её традициях, исчезающих на глазах.

Мне досталась нелёгкая миссия. Я должен был доложить, имея на руках записи лекций наших преподавателей, об уровне и достоинстве этих лекций. Записи лекций давали возможность искренне и свободно высказаться о них – высказаться, естественно, отрицательно. И я со всей иронией и беспощадностью сделал это.

Наши преподаватели, преимущественно женщины, сидели прямо напротив кафедры, с которой я выступал. Я гремел цитатами, обличавшими поверхностность, пошлость лекций, целиком составленных по последним указаниям партии, их невысокую грамотность и полное отсутствие любви к литературе.

Это было похоже на суд, где обвинителем и критиком был я, а преподаватели – подсудимыми. Максимализм юности, который сейчас кажется мне слишком жестоким, немилосердным, хотя я был прав, но что из того?

Наш председатель, прошедший войну, заключил разгром, учинённый мной. Он обратился к

Похвала критике

сидящим прямо против нас доцентам и кандидатам наук и сказал: *«Что заработали, то и получайте!»*.

Несмотря на обвинительный характер моей речи, это был разбор, критика с использованием доказательств. Первый опыт литературного анализа – вот что это было. Так что мой критический дебют был исполнен в устном жанре, но, видно, не прошёл для моего будущего даром: литературную судьбу я впоследствии связал с критикой.

Не стану рассказывать о продолжении, последовавшем за дискуссией. Нас прорабатывали на комсомольском бюро и парткоме университета, «перевоспитывали», даже грозили, но было уже поздно: мы покидали Казань.

После университета я отправился по назначению, впрочем, совпадавшему с моими желаниями, на Дальний Восток. В Хабаровске, куда я прибыл после десяти дней в поезде, меня определили в школу, которая находилась на окраине города вблизи железнодорожной станции «Амур». Здесь я ничем не отличился, если не считать того, что не нашёл никакого отклика у шестиклассников и не сразу, но сблизился с некоторыми девятиклассниками.

Конечно, какой из меня был педагог? В моём университетском дипломе другая специальность – филолог. А школьная практика за все пять лет учёбы была всего час. Оступившись с младшими, я обрёл единомышленников среди старших.

Через год они стали десятиклассниками, и мы, минувя программы по литературе, в воскресенье

собирались в пустующем классе, читали вслух «Гамлета» и обсуждали трагедию Шекспира.

Может, эти чтения и вывели меня на нужную дорогу.

К этому присоединилось ещё одно событие. Директор школы (её фамилия была Ветрова) затеяла встречу с хабаровским писателем, к тому же секретарём горкома партии Виктором Александровским. Должна была обсуждаться его новая книга.

И тут мои десятиклассники, конечно, подготовленные мною, показали себя. Не соответствуя замыслам Ветровой, в противоположность хвалебным отзывам отличников, ребята из десятого класса учинили экзекуцию автору книги. При этом не раз цитировался Белинский, который всегда отделял талантливое от бесталанного. Директриса сидела в президиуме бледная.

Кстати, спустя время, я познакомился с Александровским. Он уже покинул пост в горкоме и стал ответственным секретарём Хабаровского отделения Союза писателей. Это был обаятельный и добрый человек. Когда я ему напомнил об обсуждении его книги, он улыбнулся и сказал: *«Да, мне здорово досталось от ваших учеников»*. И после некоторой паузы добавил: *«Честно говоря, было за что»*.

Мой уход из школы счастливо совпал с переходом в газету «Молодой дальневосточник». Там мне сразу заказали статью о спектакле Хабаровского театра драмы, поставленного по пьесе Александра Крона. Критика всё более подкрадывалась к моему перу. Подвал с разбором спектакля был не описанием постановки,

Похвала критике

а анализом пьесы, игры актёров и работы режиссёра.

В журналистском мире существует закон: появление нового имени в печати автоматически запоминается, и тебя начинают приглашать в другие издания. Я стал печататься в краевой газете «Тихоокеанская звезда», а потом в журнале «Дальний Восток». Если «Тихоокеанская звезда» предпочитала обзоры творений хабаровских литераторов, то «Дальний Восток» давал мне возможность выступать в роли критика.

Конечно, это не вызывало радости у местных авторов. Вообще, жизнь литературного критика в провинции не легка. Здесь все друг друга знают, публикуются в одном журнале, в одном издательстве и, если не приятельствуют, то дружно держат оборону.

Это ещё больше ограничивало меня, так как большая литература, создаваемая за пределами Хабаровска, не представляла для журнала интереса. Критик оказывался в кольце героев своих статей и вынужден был летать на низкой высоте, тем самым теряя в мастерстве и приобретая недоброжелателей всё в том же тесном кругу.

Критик для писателей здесь чужой, не из их компании и продержаться ему долго в этих условиях не удастся.

Так было и со мной.

Что касается «Молодого дальневосточника», то редактор газеты привлёк меня к далёкому от критики жанру – к очерку. Он постоянно посылал меня в командировки, и, благодаря этому, я объездил весь Хабаровский край. Как говорят, равный по территории «четырёх Франциям».

Поездки свели меня с жизнью, которую я раньше не знал. Встречались разные люди: шахтёры, на огромной глубине под землёй добывавшие молибден, офицеры Красной Армии, отбывавшие плен в немецких концлагерях, официанты в рабочей столовой, директор совхоза, прошедший войну солдатом и имевший ордена Славы четырёх степеней, старик, который в 17-м году штурмовал Зимний (кстати, она рассказывал, что никакого штурма не было да и потерь тоже), – короче, тот мир, с которым я бы никогда не встретился, оставаясь только за письменным столом.

Я всё это перечисляю только для того, чтобы задать вопрос: а что это дало мне как будущему критику?

Во-первых, то было серьёзное дополнение к непростому опыту, который я нажил до Хабаровска. А какая же критика без опыта жизни? Я убедился, когда занялся ею: талант, начитанность, чуткость к слову мало значат, если нет погружения на глубину жизни, если жизнь не что-то отвлечённо общее, а личное, и если по её счёту не заплачено, если не сполна, то очень многим.

Критика, выросшая на бумажном листе, не имеет права жить. Она в конце ведёт к неизбежным повторам и «многоговорению». Она поверхностна и смертна, ибо от неё отключено главное: сердце. А сердце всегда подскажет уму, что сказать.

Оно не даст впасть в литературщину, ни в научную филологию, называемую обычно литературоведением, якобы причастным к литературе, но на деле далеко отстоящем от неё.

Похвала критике

«Филолог» означает «любящий слово». В литературоведении чаще этой любви нет. Язык её тёмнен, псевдомногозначителен и недоступен широкому читателю.

Критика, хоть и пишется немногими, но пишется так, что её могут понимать все.

Неожиданно меня пригласили на хабаровское радио. Радио это имело 9 часов самостоятельного вещания, ибо Хабаровск расположен далеко от Москвы. Потому и отдел литературы был здесь большой и состоял из людей интеллигентных и преданных делу.

На радио я не писал очерков, никуда не ездил, зато мне была предоставлена возможность делать передачи о мировой литературе. Причём, такой передаче отводился час эфирного времени.

Я иногда оставался на ночь в отделе, ибо до моего жилья добираться было долго, и готовил там до утра очередную передачу. Вспомню только одну из них. Посвящена она была выходу в свет двухтомника Эрнеста Хемингуэя. Целый час я читал перед микрофоном, передающим моё выступление сразу в эфир. Это по существу была статья о Хемингуэе.

В 1960 году меня пригласили на встречу критиков в Москву по инициативе Союза писателей РСФСР. Этот Союз отличался тем, что неустанно разыскивал таланты по всей России. На встрече были критики из Воронежа, Владимира, Хабаровска и Москвы.

Через год произошло событие, крепко связавшее меня с критикой и заодно с московскими литературными журналами. То был семинар молодых «Белинских» в Доме творчества в

Переделкино. Народу съехалось много: с Дальнего Востока, из Сибири, Ленинграда, Воронежа, Костромы. Всех нас разбили на тройки (по три человека), и в каждой группе был свой руководитель – маститый московский литератор.

Из семинаристов хорошо помню Олега Михайлова, Льва Аннинского, Юрия Буртина, Владимира Гусева, Адольфа Урбана. Все талантливые и все уже в ближайшем будущем известные. Каждого из нас поселили в отдельном номере, вручили ручки, бумагу, и все мы за месяц жизни в Переделкино должны были написать по одной статье на избранную нами тему. Эти статьи предназначались для московских журналов, сотрудники которых под конец нашего срока прибыли в Переделкино и ознакомились с трудом наших рук.

Как важно было очутиться в окружении сверстников, умных, образованных и занимающихся тем же делом, что и ты. Это стало и учёбой, и проверкой себя. Среди таких талантов требовалось быть на новой высоте.

Статью я посвятил прозе молодых, которых уже хвалили на всех углах и считали надеждой литературы. Все они писали, не оглядываясь на опыт предшественников. Печатали их по преимуществу журнал «Юность». Иные из них были талантливы, но, с моей точки зрения, поверхностны и шли от словесной игры, а не от жизни. Об этом я и написал, назвав статью «Рапира Гамлета».

Почему Гамлет? Во-первых, я всегда любил эту трагедию Шекспира, события которой совпадали и с моей жизнью. «Гамлет» входил в глубину

Похвала критике

человеческого сознания и извлекал то, что составляет основу нашего бытия: как добро силится одолеть зло. Добро гибнет в этом поединке, но рапира Гамлета несёт на острие урон злу.

Обо всём этом я и писал, разбирая повести и рассказы молодых и не находя в них глубины, которую привык видеть в образцах нашей и мировой словесности. Статья была остро критическая и неожиданная для апологетов авторов «Юности». Заканчивалась она одной фразой: *«А рапира это, конечно, символически, но я думаю, вы понимаете меня».*

Впоследствии одной короткой строкой, такой, как эта, я стал завершать критические штудии.

О «Рапире Гамлета» заговорили на семинаре, о ней услышал и Корней Иванович Чуковский, который часто заглядывал к нам, и веселил рассказами о своей критической молодости. Я только сейчас прочитал эти хлётские статьи первого десятилетия XX века. Они очаровали меня. Как жаль, что я не прочёл их лет на пятьдесят раньше!

Корней Иванович нашёл меня, повёл на свою дачу, стоявшую через дорогу от Дома творчества. И там, на веранде, прочитав первые две страницы моей статьи, сказал: *«Бросайте всё и занимайтесь критикой. Это ваше дело».* Эти слова и сама встреча стали для меня, высоко чтившего Чуковского, его благословлением.

В Переделкино я познакомился с Львом Аннинским, который тогда работал в отделе критики журнала «Знамя». Он после семинара быстро свёл меня со всеми людьми журнала, и

мне тут же заказали статью о первых военных повестях Юрия Бондарева.

С Лёвой мы стали переписываться, а когда я наезжал в Москву, и встречаться. Он ввёл меня в свой дом, познакомил с женой Шурой и дочкой Машей, а также с тётцей. Она, ввиду моего частого посещения Лёвиного дома, кормила нас вкусными обедами. Но главное было не в этом. Аннинский открылся мне как профессионал нашего дела. Однажды я присутствовал при том, как он работает.

До тётчиного угощения оставалось время. Он сел за машинку и за какие-нибудь 30 или 40 минут напечатал рецензию на книгу неизвестного мне Дольд Михайлика.

Я попросил его показать мне рецензию. Прочитав её, поразился: как быстро и как точно. Точно по слову, которым Лёва владел так мастерски. Да, подумал я, а я мучаюсь, трачу на то же часы, а может, и дни, на одну страничку.

Лёва стал редактором моей статьи о Бондареве. Он выбросил ничего не говорящее название «Ответственность» и извлёк из моего текста два слова: *«Почерк войны»*. И лучше, и точнее о смысле статьи нельзя было назвать. Урок искусства редактирования, безошибочного нахождения мысли и понимания текста был тогда преподан мне.

Статья о ранних повестях Бондарева, кстати, лучших, нежели последующие, была напечатана в «Знамени», а «Рапиру Гамлета» никто из московских журналов не взял. Появилась она в Воронеже и затерялась, как многие провинциальные публикации.

Похвала критике

Но завет Чуковского был свят, и я окончательно выбрал критику.

В ноябре 1963 года я перебрался во Владимир. С этого времени начинается недолговечная, но насыщенная критическая жизнь. Стоит добавить: я впервые стал жить в древнем русском городе. В негоходишь, как в далёкое прошлое, в глубину русской истории, которая до сих пор была почти неизвестна мне.

Здесь же впервые я прочитал Евангелие. Как я понимаю сейчас, это было не только ступенью к Гоголю, книгу о котором я задумал в 1967 году, но и фактом моего духовного прозрения. Во Владимире на высоком берегу над Клязьмой стоял построенный в XII веке Успенский собор. Внутри его я долго стоял перед фреской «Страшный суд» Андрея Рублёва и Даниила Чёрного. Спустя много лет я видел «Страшный суд» Микеланджело в Сикстинской капелле Ватикана. О, то действительно Страшный суд. Христос в центре фрески атлетически мощной рукой отправлял грешников в ад. Его гнев обнажён, и сидящая рядом с Сыном Богоматерь закрывала ладонями лицо.

Совсем иной «Страшный суд» Андрея Рублёва и Даниила Чёрного. От фрески исходил свет прощения. Светлые лица, их одухотворённость внушала не страх, а радость.

Всё в этом городе дышало стариной, и, главное, я был среди неё. Владимир убедил меня: без знания истории и связи с ней не может быть никакой критики.

Во Владимире мне поставили телефон, и он сразу связал меня с Москвой, с редакциями газет

и журналов, откуда стали звонить мне и предлагать печататься. Тогда, откликаясь на их просьбы, я сел за писание книги «Фауст и физики». То было время торжества науки (водородная бомба, полёты в космос), и многие повторяли стихи Бориса Слуцкого: *«Нынче лирики в загоне, нынче физики в почёте»*.

Мне хотелось ответить на эту моду на науку. Я читал Нильса Бора, Эйнштейна и других великих физиков, причастных к созданию атомного оружия. И все они в конце жизни пришли к Богу, отнюдь не возводя на первое место науку. «Фауст» Гёте виделся мне более современным, чем вся физика, которая мало что объясняла в человеке и старела так же, как её открытия.

Я читал «Фауста» в переводе Холодковского, и этот перевод выявил капитальное и непреходящее значение трагедии Гёте.

Одновременно я взялся за своё прошлое, за бегство из детского дома, эвакуированного в Сибирь. Повесть была напечатана в «Сибирских огнях» и показала: ничего художественного мне писать не стоит. Если уж ты критикуешь писателя, то надо писать лучше него или сочинительством не заниматься. Замечу при этом: критика – тоже писательство. Критик призван понимать слово, любить слово и уметь мастерски пользоваться им. Критики безъязычные никому не нужны. Их просто не станут читать.

Вспомним Дмитрия Писарева. Как он писал! Стиль взрывчатый, живой, блеск фразы, целые статьи. Внезапность, неожиданность каждого слова, его движение к центру мысли – это русская критики в лучшем виде. Слово здесь рождает

Похвала критике

мысль, неординарностью приближая к проникновению в необъятный мир человека.

Доказательство, убедительность доказательства тоже заключены в слове. В его необычности, свободе от штампов и в затаенности в анализе. Одно меткое и внезапное слово способно сказать больше, нежели большая диссертация.

Однажды мне позвонили из отдела русской литературы «Литературной газеты» и попросили написать о новой поэме Евгения Евтушенко «Братская ГЭС». Когда я прочитал её, то позвонил в «Литгазету» и сказал: статья будет критическая. Действительно, «Братская ГЭС» была образцом поверхностности и политического резонёрства.

Там согласились.

Я отстукал статью на машинке и отправил в Москву. Из «Литературной газеты» позвонили и сообщили: статью нужно редактировать, и за мной послана машина. Двести километров – один конец. Какие были времена!

Приехав в Москву, я предстал пред очи заместителя главного редактора Юрия Суровцева. Он стал расточать мне похвалы и обмолвился: меня могут взять в штат и предоставить квартиру в Москве. Похвалы окончились, однако, неким пожеланием. По словам Суровцева, в «Братской ГЭС» нет образа партийного руководителя, и на это серьёзное упущение надо указать в статье.

Я отказался. «Если вы на этом настаиваете, то я снимаю статью», – ответил я заместителю главного редактора. Статью напечатали. Насчёт отсутствия в поэме партийного руководства в поэме не было сказано ни слова. Зато заголовок

её поменяли. У меня она называлась взятым из текста поэмы словами – «Поверхностность ей имя». Вместо этого появилось ничего не значимое – «Поэт и поэма».

Читатель тут же дал о себе знать. Ко мне стали приходить письма с таким примерно содержанием: *«Щенок, кто ты такой, что позволяешь себе лаять на великого поэта! Мы ещё с тобой разберёмся».*

Следующим моим появлением на страницах «ЛГ» стала рецензия на роман К. Паустовского, который во время войны был потерян, затем найден и опубликован.

Я в юности любил Паустовского, его лирические рассказы, очерки о Мещёрском крае. Мне нравился его язык, чистый и всегда с чувством меры, но в новом романе ничего этого не было. Он был выдуман от начала до конца. Ложно красив и с откровенным отклонением от прежнего Паустовского. Я сказал об этом в рецензии, называвшейся «Рецензия лет».

Тогдашнее образованное большинство делилось на «правых», то есть сторонников власти, и «левых», власть не приемлющих. Паустовский не просто числился левым. Но как классик советской литературы считался ими весьма влиятельным лицом.

Но для критики не существует понятий левый, правый. Для неё важнее всего талант, совершенство мысли и слова. После рецензии на Паустовского левые зачислили меня в реакционеры. Меня это не смутило. Я знал: пишу то, что думаю, пишу от себя, а не по велению политического ветра, который, как известно, привык менять направление.

Похвала критике

Но зато, когда появилась моя, как говорят, «положительная» рецензия на роман Юрия Домбровского «Хранитель древности», роман смелый, написанный сильной рукой, как меня тут же зачислили в число левых.

Температурные колебания литературной братии ещё более усиливают в критике самостоятельность. Он спокоен, хотя, конечно, ему грозит одиночество. Одиночества не надо бояться, оно лишь укрепляет внутренне.

В предисловии к моей книге «Монолог с вариациями» (1980) я писал: *«Личную точку зрения критика редко принимают за личную, в ней склонны видеть выражение чьего-то мнения, мнения какой-то группы, каких-то кругов. И когда является независимая точка зрения, на неё пытаются оказать давление, деформировать её и привлечь на свою сторону. Тут нужны самостоятельность и выдержка. Начнёшь потакать одним, окажешься в проигрыше у других. Никогда никто не будет доволен тобой, и сам ты будешь собой недоволен.*

Критик, на мой взгляд, должен взять полную ответственности на себя. Даже если его мнение не нравится тем, чьи взгляды ему симпатичны. Даже если ценители из ценителей готовы возвести на него хулу. Даже если большинство в данный момент против его мнения».

Таково было моё критическое кредо. Таково же оно, собственно, и сейчас.

В 1967 году на экраны вышел фильм С. Бондарчука «Война и мир». Фильм сделан по одноимённому роману Толстого. Он сразу был признан шедевром. Лев Аннинский написал о нём апологетическую статью, которую опубликовал «Советский экран».

Я отнёсся к фильму иначе. Я видел, как Толстой, рисуя события и участие героев в них, прежде всего, имеет в виду внутреннее развитие каждого из них. Из-за этого, из-за мучительного поиска своего места в мире, из-за искания ответа на личный толстовский вопрос: «Зачем?» и создавались им картины жизни России в начале XIX века. Не количество полков под Аустерлицем и на Бородинском поле было главным для него, а это самое «Зачем?». Зачем дарована нам жизнь? Зачем война? Зачем, наконец, любовь и что означают её падения и взлёты?

Этих зачем было множество. И каждый раз то приближались к ответу на них, потом в дело вступали сомнения, строгий взгляд на себя, и ответ отодвигался. Это движение и преобразование внутренней жизни Андрея Болконского, Пьера, Наташи, Пети Ростова и других составляет потаённый сюжет и смысл романа.

Бондарчук мимо них прошёл. Всё, что было у Толстого внешним, осталось, а незримо главное ушло.

Я написал статью о воплощении романа Толстого на экране. Большая часть пространной статьи была отведена анализу первоисточника, а затем перешла непосредственно к Бондарчуку. Вот несколько цитат из неё: *«С. Бондарчук ставит фильм событий, и только события интересуют его... «Внешний» Толстой перегружается из романа в фильм со всей тяжестью своего скарба, со всеми пожитками, обозами и реквизитом»... «Толстой связывает капитана Тушина и старика Болконского, вспышку Наташи и вопросы романа. Фильм не делает этого».*

Похвала критике

«У Толстого война – реальность, хотя она и игра, схватка самолюбий, тщеславий, идей, мнящих себя реальностью. У С. Бондарчука она – зрелище.

Война в фильме – это взлёт камеры над войском, это величественное движение войска, это эпос без иронического (которое есть у Толстого) отношения к нему. Есть ли в этой войне кровь и раны и люди падают с лошадей, и шальное ядро выхватывает из строя солдат, но всё это картинно, всё смотрится без боли, без отвращения. И всё это красиво, красиво!

...Глазу больно от красоты, глаз устаёт, просит пощады. А на него снова и снова надвигаются волны войск, и звучит музыка, и красиво преподносятся мучения и ужас, убийство и ложь».

Толстой не раз задаёт вопрос: а что там, за чертой земной жизни?

«Что такое это там... Это не отлёты камеры на вертолёте, которые совершает оператор фильма, а возвышение внутреннее, которому не нужна высота физическая... Мы летаем, а не мыслим...

И когда Николай Ростов думает о «там», когда Болконский смотрит в небо Аустерлица, а Пьер в небо Москвы 1812 года, то речь идёт не о том небе, которое достигает МИ-14, а о небе духа».

«С. Бондарчук вычёркивает Бога из фильма. Бог здесь лишь антураж, иконы в комнате княжны Марьи, соборование старого Безухова, образов на шее князя Андрея».

В связи с этим необходимо было сравнить две сцены на пароме, где князь Андрей и Пьер исповедуются друг перед другом: одну сцену из романа и другую из фильма. В фильме она заканчивается словами Пьера: *«Надо верить, что живём не толь-*

ко на этом клочке земли, а жили и будем жить вечно, во всём». В романе в конце диалога Пьер говорит: «Вы знаете, что есть там, и есть кто-то? Там есть будущая жизнь: кто-то есть Бог».

Статью отказались печатать «Искусство кино» и другие издания. Лишь «Новый мир» в № 8 за 1968 год решился тронуть великого мастера. Из ЦК КПСС послышались недовольные голоса, осуждавшие эту публикацию. Там считали: автор покусился на государство, а не на отдельного режиссёра.

Мне рассказали анекдот или быль, как в присутствии коллег Сергей Бондарчук произнёс: *«Я – дуб, а критик муравей, который ползёт по дубу»*. И кто-то при этом возразил: *«Дуб – это Толстой, ты – муравей, ползущий по дубу. А критик стоит рядом и всё это видит»*.

Другая подробность из истории с фильмом «Война и мир». На сей раз абсолютно реальная. В конце 60-х годов я работал в «Литературной газете». Как-то ко мне пришли девчата из иностранного отдела и сказали: видели мою статью в английском журнале. Я пошёл в иностранный отдел. Там сидел какой-то мрачный человек, чербер политических и идеологических тайн. Я попросил у него журнал. Он сказал: *«Вы можете его только посмотреть, но выносить журнал запрещено»*. «Почему?», – спросил я. «Потому что это шестигранник», – сказал. Позже девчата мне объяснили: шестигранник означает антисоветский.

Журнал я всё-таки посмотрел. Это был весьма популярный в Англии «Лондон мэгэзин», специализировавшийся по вопросам культуры. Статью перепечатали полностью, снабдив её кадрами из

Похвала критике

фильма. А сверху, над заголовком было напечатано: «Совьёт вью» – советская точка зрения.

Я уважал Сергея Бондарчука. Он покорила меня фильмом «Судьба человека». Это был прекрасный и просто снятый фильм. Что же касается «Войны и мира», я написал то, что написал.

Надо сказать, статья появилась в тревожное время. Наши войска вошли в Чехословакию. Журнал задержали, и он вышел на несколько месяцев позже.

И ещё одно послесловие к этой истории. Мой отец умер в октябре 1967 года. После похорон я был на поминках в его квартире на Фрунзенской набережной. Я никогда не переходил за её порог, потому что там обитала новая семья отца.

Ещё до начала поминок я зашёл в его комнату. Маленький письменный столик. Я выдвинул ящик. Он был заполнен одними лекарствами. Их было так много, что я понял: отец жил на одних таблетках.

Задвинув ящик, я заметил на столике какую-то рукопись. Она была толстой, и вблизи я узнал почерк отца. Это был переписанный им от начала до конца текст моей статьи о фильме «Война и мир». У меня перехватило дыхание. Перед последним инфарктом, сведшим его в могилу, он переписывал статью сына. Увидеть её опубликованной ему не удалось.

Со статьи о Толстом и его кинематографическом воплощении началось моё критическое вхождение в классику, кроме того, уже шла работа над Гоголем. На первых порах это были рецензии на спектакли и фильмы по Пушкину, Гоголю, Чехову. И, наконец, о Достоевском. Что касается

Достоевского, то статья о нём была заказана мне к 150-летию со дня его рождения (1971 г.) журналом «Искусство кино».

А пока я писал её, руководство журнала сменилось. Главным редактором стал Евгений Сурков, человек старой партийной закалки, схоласт, страшющийся всякого нового взгляда на мир.

Он писал мне длинные письма, состоящие из множества пунктов, где он просил то сократить, это изменить, короче, переписать статью. Публикации её не состоялось. Меж тем, мною было потрачено немало времени на просмотр экранизаций романов и повестей Достоевского. То были фильмы Пырьева, Куросавы, Висконти.

Соприкосновение с классикой укрепляет критика, усиливает его слух и зрение, расширяет поле применения его таланта, позволяет мысли обрести масштаб и основательность. Я нашёл, как мне казалось, нерв художественного метода Достоевского, который он сам назвал «лихорадка и синтез». Так я назвал статью.

В художественной стихии Достоевского приобретает важное значение принципиальное смыслообразующее слово, которое повторяется в тексте не один раз. Так же важен образ идеи. Он стоит в центре романа «Идиот». Это картина Ганса Гольбейна младшего «Христос, снятый с креста». Её копия висит в мрачной квартире Рогожина и предаёт развитие сталкивающимся в романе противоположностям.

Я видел эту картину в галерее живописи в швейцарском городе Базеле и понимаю, почему Достоевский, который стоял перед нею 12 августа 1867 года, воскликнул: *«От этой картины вера*

Похвала критике

может пропасть!». Христос, изображённый на ней, не Господь, а простой смертный, иссохший, бледный, с синяками на всём теле. Кажется: такой Христос не может воскреснуть.

Вера и безверие (или сомнение) всё время сходятся друг с другом в «Идиоте», и побеждает то вера, то она оказывается побеждённой. На этих весах колеблются жизнь и поступки его героев.

В статье я писал: *«Идея веры и добра, которую исповедует Мышкин (автор видел в нём Христа), не могла бы так драматически выразиться, если б ей не противостояло напряжение противоположной идеи, выраженное столь же сильно...*

...Холерический ритм прозы Достоевского как бы предугадывает ритм кино. Никакая музыка не способна передать этот ритм, ибо он сопряжён с видением, с движущимся, раскрывающим себя в движении изображением, с цепной реакцией извлечений из картины смысла её...

У Достоевского частная судьба – всегда общая судьба мира. С первой строки у него чувствуешь: это не НН благополучен, а весь Божий мир не тот. Что-то треснуло в нём, надломилось и обещает катастрофу. Это неблагополучие мира от самых корней до высот ощущают все герои Достоевского. Каждый частный их поступок, частные чувства имеют отношение к «пробе» (вот оно принципиальное слово!) мировых ценностей, к проверке и перепроверке мирового порядка.

...Может ли кинематограф выдержать нагрузку текста Достоевского, если он должен резать этот текст?

...Кинематограф может лишь косвенно воспользоваться его методом. Беря уроки у Достоевского, он

словесное может вернуть в бессловесное. Форма кино, кроме того, что она пророческая, странная и невозможная форма, тайное должно обратить в явное, невидимое сделать видимым, причём в буквальном смысле этого слова.

Язык кинематографа не похож на язык литературы, но в своей форме стремится достичь того же. То, что «не видит» и «не слышит» звук, может увидеть камера... На это зрение камеры, на её способность связывать картины, компоновать их, развивать холерически внутренний сюжет и рассчитано всё в кинематографе».

Говоря о своих критических упражнениях, я забыл упомянуть об одной работе. В 1965 году «Сибирские огни» напечатали мою статью «Подводя итоги». Она стала продолжением «Рапиры Гамлета», так и не нашедшей приюта в Москве. Статья была нелицеприятной, но при этом я не отделял себя от так называемого «четвёртого поколения», как окрестила его критика. Среди героев были Андрей Вознесенский, Евгений Евтушенко, Белла Ахмадулина, Роберт Рождественский, Василий Аксёнов, Виктор Конецкий и другие. Все – люди талантливые, но...

Когда писалась эта статья, появился Александр Солженицын, в литературу хлынул мощный поток «деревенской прозы», военной и другой прозы. И на этом фоне поэтический «бунт» молодых иссяк, казался школьничеством и скольжением по поверхности жизни...

Литература и жизнь – таков был сюжет статьи.

Она была дерзкая и довольно суровая. Новому сознанию общества нужны были уже не требования правды, а сама правда, не полусмелость, а вся

Похвала критике

смелость. Кроме того, стихи и проза молодых отдавали литературщиной, острой духовной недостаточностью. Нагрузка исторических чувств казалась для них обременительной.

Хотя статья появилась в Новосибирске, её прочли в Москве и Ленинграде. Экземпляр её я послал Фёдору Абрамову.

Вот что он мне ответил: *«Давно, очень давно ничего подобного (подчёркнуто Ф.А. – И.З.) не читал я в нашей критике. Превосходная статья, концептуальная! И – что важно – это не просто разговор о литературе. Это большой и смелый разговор о жизни. Я только удивляюсь, как это «Сибирские огни» отважились вылезти в свет с такой рогаминой?»*

...«Подводя итоги» я пропагандирую. У меня её прочитало уже человек 15 думающих».

Когда я написал Абрамову, какой уничтожительной критике подверглась статья «Подводя итоги», исходившей от почитателей молодых талантов, причём, один из них назвал меня каким-то смертельно ядовитым радиоактивным веществом. Фёдор Александрович тут же ответил: *«Они, ей-богу, кретины, если не способны разобраться в Вашей статье. Где там проработка? Где «долбёжь»? А статья действительно умная, без преувеличения – первый серьёзный разговор о жизни и литературе. Да, о жизни, о целой эпохе, по большому счёту – вот что хорошо, что выделяет Вашу статью из всех критических писаний последних лет».*

Это была высшая для меня похвала.

Вообще хвалили редко, а больше ругали. Такова боевая атмосфера, в которой положено жить критику. Тем более, если, как говорил

Николай Полевой, критику, который не страшится кого-нибудь положить. Он даже считал: критик без этого не критик.

У меня не было такой цели. Не дай Бог ворчать на всех и на всё, но пройти мимо псевдолитературы я не всегда мог. Уже писался Гоголь, я редко откликался на текущую словесность. Написал, в частности, о романе Даниила Градина «Картина». Рецензия начиналась словами: *«Градин писатель умный, но дисциплинированный»*. По Ленинграду это разошлось и стало почти визитной карточкой знаменитого Героя социалистического труда, или, как их называли тогда, Гертруды. Потом появилась статья «Идеи и игры», где я прошёлся уже не по прозе и стихам, а по писаниям собратьев-критиков.

Уважаемый мною В. Турбин был неистовый филологический фантазёр. В статье о «Ревизоре» Гоголя он устанавливал связь «Ревизора» с «Борисом Годуновым» Пушкина и писал: *«Хлестаков – самозванец, а Анна Андреевна, жена Городничего, «ма-а-аленькая Марина Мнишек»*. А потом добавлял: *«Хлестаков «даже не самозванец, не пародия на Гришку Отрепьева, а пародия на мессию, на Христа»*.

А кто же Городничий, поинтересуется читатель. Он – пародия на несчастного правителя, на Бориса Годунова. Ну, а Бобчинский с Добчинским? *«Это «волхвы-двойники», возвестившие о явлении «младенца»*. И так далее, и тому подобное. Что было делать? Я просто цитировал Турбина, и это было доказательством игры его воображения.

На критиков привыкли смотреть как на официантов при литературе. Как на слуг, которые не

Похвала критике

«жрецы быта», а обыкновенные половые, бегающие между столиков с подносами. Чего изволите? Статью? Рецензию? Похвальный отзыв или чистый панегирик? Но критика ещё и чистильщик. Она расчищает авгиевы конюшни вкуса и неприятием подделок, может быть, предотвращает появление новых подделок. Эта неблагодарная работа тоже входит в наши обязанности.

Я уже писал о литературоведении, его нельзя считать аналогом критики. Критика – это призвание, а литературоведение – профессия. Тысяча кандидатов наук, мечтающая стать докторами, и докторов, мечтающих стать членами-корреспондентами РАН. Пишут диссертации, которые никто не читает, кроме них. Есть, конечно, исключения, но они редки. А главное, никакой связи с жизнью в этих трудах нет. Недаром литературоведов прозвали «литературоедами».

И вот в 1987 году, после Гоголя, я решил посмотреть, что пишут учёные люди. И родилась статья «Доколе?». Был тогда такой директор Института мировой литературы Б. Бердников, специалист по Чехову, член-корреспондент Академии Наук. Вот что он пишет: *«Чехов, так же, как и его герои, не поднимался до социалистической идеологии. У Чехова нельзя научиться методам и путям за революционное преобразование России».*

О Гоголе Бердников тоже решил высказаться. Гоголь, по его мнению, «зашёл в тупик», у него были «роковые политические заблуждения». Далее вот что: «до чего докатился автор «Шинели», «Ревизора» и «Мёртвых душ».

Такое же впечатление произвела на меня книга Д. Николаева «Сатира Гоголя». Тут и само-

му М. Бахтину, крупнейшему русскому философу, работающему на материале отечественной и мировой литературы, досталось. Суждения М. Бахтина он называет «наивными», «антиисторичными».

Кстати, о Михаиле Михайловиче Бахтине. Он с 20-ых годов был в опале и жил в ссылке в Саранске, откуда незадолго до смерти его вызволил Вадим Кожинов. К нему в Саранск приезжали поклониться и получить совет Георгий Гачев, Владимир Турбин, Сергей Чепуров.

Книга Бахтина о поэтике Достоевского с триумфом прошла по всей России. Вот что, между прочим, писал Бахтин, имея в виду критику: *«Идти вперёд может только память, а не забвение... Выясняется, что всякий действительный шаг вперёд сопровождается возвратом к началу, точнее, к обновлению начала».*

В 60-е годы наступила пора обновления начала на незыблемой основе памяти. Критика повернулась к классике.

У героев моей статьи «Доколе» не было не только благодарной памяти, но и запоминания действительных фактов. Так, например, заведующий кафедрой русской литературы МГУ Василий Кулешов уведомлял читателя: Базаров «резал кошек». Как известно, за Базаровым такого зверства не числилось. Он проделывал опыты над лягушками и изучал их строение через микроскоп.

В. Кулешов и В. Полоцкая зачисляли Чехова в соратники Салтыкова-Щедрина, а В. Лакшин, умный человек и хороший критик, зачислял Татьяну Ларину в потенциальные декабристки. *«Из женщин, подобных Татьяне Лариной, – писал*

Похвала критике

он, – *выходили декабристки*», а муж её – «вероятный декабрист».

Очень хотелось литературоведам, чтобы все русские классики шли в направление революции, а если не шли, то, значит, не поняли самого важного в русской жизни.

Соответственно этому, был язык наших учёных. Читаю: «социологический реализм», «принцип вопиющего контраста», «колоризм изображения», «Тургенев не только писал с живых лиц, а ещё и кровью сердца», «гипертрофия психологизма», «равноприродные образы», «новая ступень раскрытия ужасов», «фанатик собственной персоны».

Иногда дело доходит до курьёза: «не с той ноги, чем у Островского, начинается чеховский купец», «после Сахалина у Чехова появились идеалы».

Если б так писали наши критики, их бы уже давно выгнали со двора. Язык критиков может быть только ясным прозрачным. Его надо нажать, пережить и, полюбивши, осознать.

Недавно я читал альбом, посвящённый Александру Ерёменко. Составили и наполнили статьями молодые критики. Бог мой, на бедное Переделкино, где был подготовлен этот альбом, спустились инопланетяне. Должно быть, у них такой выморочный, технологический, совсем не русский язык высоколобых строителей концепций, конструкций и иных пустых построений, которые кажутся только сверхтаинственными и суперзначительными, но в них гуляет ветер.

Это новое искушение – опасность для критики. Если она войдёт в искусственный мир при-

шельцев извнеземного пространства, ей грозит полное непонимание читателя.

«Суша, мой друг, теория, и вечно зелено древо жизни», – сказал Гёте. К точке зрения Гёте можно присоединить сатиру Эразма Роттердамского «Похвала глупости», где так же осуждены схоласты и все, кто далеко стоит от жизни.

Я думаю: и современные молодые люди, пишущие на языке марсиан, когда-нибудь придут к простоте и точности. Наверное, не все, но большинство. Сейчас им хочется писать не так, как писали до них. Молодость всегда этого хочет. Нам тоже хотелось писать «не так». А кончилось тем, что мы пришли не к разрыву с прошлым, а к обновлению начала. Обновление – это не переработка, не кройка из старого, а углубление в сердцевину начала, в то его содержание, которое было понято, описано, но не до конца. Каждый внимательный подход к классике ведёт к открытию ещё неоткрытого, скрытого в ней, но оставшегося нетронутым. Здесь тайна творчества критики и её задача. И Бахтин даёт ей пример такого освоения её – обновления.

Да если взять первые шаги нашей критики, скажем, Белинского, то он именно творчески осваивает современную ему литературу. Белинский вычеркнул Гоголя из списка только сатириков, дав понять: смех его – грустный смех, полный сочувствия к человеку.

Ещё живя во Владимире, я подписал договор с издательством «Художественная литература» на книгу о военных романах Константина Симонова.

Книга была написана, и я назвала её «Цена долга». Симонов всегда оставался государствен-

Похвала критике

ным писателем. Его проза шла вровень с последними политическими установками. И за это приходилось платить. Платить некоей эластичностью правды.

Рецензент рукописи Анатолий Бочаров написал: у меня преувеличено отрицательное значение «культы личности» (так тогда называли всё, что связано со Сталиным). А Симонов, как и другие его современники, был почитателем этого «культы» и шестикратным лауреатом Сталинской премии.

Пафос моей книги, где признавалась храбрость Симонова как фронтового корреспондента, сворачивал в сторону приемлемой полуправды, четверть правды или просто умолчания правды.

Книгу не приняли, и я показал её рукопись Константину Михайловичу. Случилось так: он сам захотел встретиться со мной, чтобы я написал о нём в «Литературной газете» под рубрикой «Писатель за рабочим столом». Таким образом, встречи было две, и дружелюбные со стороны хозяина.

Симонов был ещё молод, лет пятьдесят, и по-молодому красив: строен, с короткой седой стрижкой, неизменной трубкой в руке. Он при мне отодвинул полки стеллажа с книгами и открыл находящийся за ними сейф и вынул из него толстую папку. На обложке папки я прочитал слова: «О Сталине». В другой комнате, куда он меня пригласил, на полу лежало множество блокнотов. Это были его военные дневники, которые полностью издатели не решались печатать. Время на дворе стояло переходное. С год,

как сняли Хрущёва, и наверху преобладала осторожность и незнание, куда идти. Неясность времени останавливало Симонова. Он был человек эпохи. Какой эпохи, я думаю, читателю понятно, и обгонять её, утверждать несоответствующую ей мысль, он не мог.

Читая мою рукопись, он часть делал пометки красными чернилами на полях, а в одном месте вдруг остановился, и я заметил: лицо его покраснело.

Он обернулся ко мне и сказал: *«Мне не надо было это писать»*. Речь шла о главе рукописи, где упоминалась его малоизвестная повесть «Лель». Она была написана в Ташкенте, куда Симонов уехал после отставки с поста главного редактора журнала «Новый мир». Отставка была вызвана тем, что в конце 1956 года журнал опубликовал роман Дудинцева «Не хлебом единым», который вызвал недовольство власти. В том же году началась массовая реабилитация невинно осуждённых при Сталине. Симонов это учитывал, когда писал повесть. Учитывал он и то, что в конце 1956 года произошло восстание против нас в Венгрии. И зачинателем этих событий был литературный клуб «Петефи», названный так по имени венгерского поэта.

Повесть «Лель» в 1957 году опубликовал журнал «Огонёк».

Я сравнил эту публикацию с напечатанным «дневником Лопатина» (под этой фамилией без труда угадывался Симонов). В дневнике описывался эпизод, произошедший в только что освобождённой Феодосии. К Лопатину приводят некоего Леля, редактировавшего фашистскую

Похвала критике

газетку. Только в дневнике это не интеллигент поэт Лель (конечно, поэтический псевдоним), а служащий немцам директор какого-то совхоза. В повести же – Лель. Отчего он? Здесь отзвук венгерских событий и активного участия в них литературной интеллигенции. Далее Симонов пишет: этот Лель – одноклассник Лопатина. И будто бы он в 1956 году, осуждённый за предательство, посылает письмо Лопатину с просьбой ходатайствовать о его реабилитации.

Возникает вопрос: надо ещё разобраться, кто такие реабилитированные. Вот что значит человек эпохи! Он, как говорили в старину, держит нос по ветру. Симонов это в моей рукописи прочитал, и ему стало неловко. Он понял: я точно угадал его способность писать вместо правды неправду.

Конечно, всё это не имеет прямого отношения к критике, но имеет более чем прямое отношение к жизни. А критика и жизнь связаны крепким морским узлом.

О чём писал Д. Писарев, разбирая роман Тургенева «Отцы и дети»? О жизни. О чём писал Н. Михайловский в статье о Достоевском «Жестокий талант»? О жизни. О чём писал Александр Блок в статье «Что надо запомнить об Аполлоне Григорьеве»? О жизни. Через семьдесят лет после появления книги Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями», проклятой Белинским, Блок пишет: *«Её диктовал гений Гоголя, та неузнанная доселе и громадная часть его, которая перелетела через десятилетия и долетела до нас. Мы опять стоим перед этой книгой. Она скоро пойдёт в жизнь и в дело».*

Блок продолжает: «...Пока я страстно ищу в книгах жизни, жизни настоящей (в обоих смыслах), а не прошлой, я не могу простить Белинского; я кричу: «Позор Белинскому!».. Совершив великий грех перед Гоголем, он, может быть, больше, чем кто-нибудь, дал толчок тому, чтобы русская интеллигенция покатила вниз по лестнице своих западных надрывов, больно колотясь головой о каждую ступеньку; а всего больше – о последнюю ступеньку, о русскую революцию 1917–1918 годов.

...Откройте Гоголя... и вы убедитесь, наконец, что пора перестать прозёвывать совершенно своеобразный, открывающий дали русский строй души. Он спутан и тёмн иногда, но за этой тьмой и путаницей, если удосужитесь в них взглядеться, вам откроются новые способы смотреть на человеческую жизнь»,

Это написано весной 1918 года.

Литературная критика не может без полемики. Poleмика зажигает, сообщает критику мысли, о которых он до сих пор не подозревал. Она диктует композицию, стиль и систему доказательств. Большинство ярких заметных статей (как, например, статья Белинского «Менцель, критик Гёте») родились из полемики.

Белинский не выносил «литературного идолопоклонства» и писал: надо почаще справляться с метриками, «дабы узнать, точно ли небесного происхождения предметы нашего обожания».

Статья Н. Михайловского «Жестокий талант» не развенчивает Достоевского, но спорит с идолопоклонниками его, называющими его «центром духовной жизни России», «духовным

Похвала критике

вождём своего народа», «пророком Божиим» и т.п.

Как заметил читатель, я не чужд этой особенности критического ремесла.

В 1984 году, пять лет спустя после выхода книги о Гоголе, прервавшей на десять лет мои постоянные занятия критикой, я написал статью «Русская звезда» с подзаголовком «Заметки о двух романах Булгакова». Два романа были «Белая гвардия» и «Мастер и Маргарита».

Оглушённый критикой левой интеллигенции и вышедших из её среды критиков о гении Булгакова, о «Мастере и Маргарите» как шедевре литературы, о том, что этот роман, кроме его социальной смелости, останется в вечности, я перечитал его, а до этого ещё раз прошёл по страницам «Белой гвардии».

Если «Белая гвардия» остаётся на берегу русской классики, то «Мастер и Маргарита», безусловно, отход от неё. Отход куда? В испепеляющую сатиру, фельетон, в смешение «божественного» (история с Иешуа), с обличением низкого быта. Если «Белая гвардия» заканчивается сном мальчика Петьки Щеглова, живущего на первом этаже того же дома, где обитают Турбины, где он видит сияющий жар солнца и бежит к нему, купается в его не обжигающих брызгах, то в «Мастере и Маргарите» нет детей, а в конце светит и зажигает всё отражённым светом Луна. Этот фонарь смерти.

В «Белой гвардии» звучит ключевая, определяющая смысл романа молитва Елены Турбиной, где она говорит: *«Все мы в крови повинны»* (идёт гражданская война). Второй роман заканчивает-

ся словами сатаны, обращёнными к задыхающемуся от обиды на жизнь Мастеру: «*Все счета оплачены?*». «*Все*», – отвечает Мастер.

Какие же счета? Счета, которые начислены на обидевших издателей и критиков.

Между двумя романами – мост почти в двадцать лет. В «Белой гвардии» молятся и признают вину, в «Мастере и Маргарите» не молятся и не знают никакой вины, кроме вины, загнавшей Мастера в подвальчик, а потом в сумасшедший дом власти.

В первом романе побеждает христианское чувство, во втором – мщение, месть. Первый роман – роман жизни, хотя там много смертей, второй – роман смерти. Один чёрт из команды Воланда умерщвляет Мастера и Маргариту, и на тот свет они отправляются мёртвыми.

Между этими двумя романами, после «Белой гвардии», Булгаков написал две злейшие сатиры, в духе Салтыкова-Щедрина – «Дьяволиаду» и «Роковые яйца». Печать этих разоблачительных сатир, рисующих окружающую автора жизнь, ощущается в разрушительном пафосе в «Мастере и Маргарите».

Получается, когда читаешь последний роман Булгакова: зло (общество, жизнь) побеждается только злом, потусторонней и безжалостной бесовской силой.

Статья вышла в свет спустя десять с лишним лет.

Но настало другое время. Начал отсчитывать годы XXI век. И, читая лекцию «Платонов и Булгаков», я вновь коснулся прежних и не утихших восторгов по поводу «Мастера и Маргариты».

Похвала критике

Я прочитал этот роман в третий и четвёртый раз.

Я увидел скроенное наспех сочинение, состоящее из несопадающих кусков, вставленных в фельетонную сатирическую стихию, смешанную с Евангелием (в Евангелие нет ни тени сатиры), с двусмысленным участием в событиях евангельского Иешуа (Иисуса) и некоего Воланда, то есть Сатаны. Прибытие последнего с командой в Москву 30-х годов XX века трактуется как путешествие, предпринятое по желанию Иешуа.

Я установил: между Иешуа и Воландом существует не косвенная, а прямая связь. Доказательство этого я привёл в лекции «Платонов и Булгаков».

Можно ли при таком взаимодействии Господа и сатаны предположить: Господь одобряет безнаказанное буйство свиты сатаны. Наконец, их ненависть к Москве и полная беспощадность к её, как выражается Воланд, народонаселению.

В чём виновато оно? Вероятно в том, что его «испортил квартирный вопрос». А чем провинились сотрудники некоего института, которые вдруг начинают безостановочно и громко петь, оглушая Москву, «Славное море, священный Байкал»? В конце концов, их сажают в грузовик и увозят в сумасшедший дом.

Стихия мщения (всем и всему) охватывает роман. Мастер не протестует против неё. Выходит: весь народ должен платить ему за его обиды. Слово «обида» повторяется в финале романа.

Мой взгляд на «Мастера и Маргариту», конечно, не совпадает с мнением многих, но к этому

надо относиться спокойно. Штиль, в самом деле, не лучший показатель погоды в критике.

Недавно я прочитал критические статьи Корнея Ивановича Чуковского. Он писал их молодым и со свободой, которой можно только позавидовать. Это было начало XX века. У Чуковского нет никакого «идолопоклонства». Достаётся и Брюсову, и Гиппиус, и Куприну, и Горькому. О Горьком он пишет: *«Написав однажды «Песнь о Соколе», он ровнёхонько и симметрично, как по линейке, разделил всё мироздание на Ужей и Соколов. У Горького нет ни одного героя, который бы не философствовал. Каждый чуть появится на его страницах, так и начинает высказывать свою философию. Каждый говорит афоризмами, никто не живёт самостоятельно, а только для афоризмов».*

А одну из статей о Горьком Чуковский называет вызывающе комически – «Пфуль». Пфуль – это немецкий стратег, который упоминается в романе Толстого «Война и мир». Стратегия Пфуля никогда не была применена в жизни. В центре статьи «Городок Окуров». Это *«наилучший образчик России, и те жалкие дикари – членовредители суть типичные наши соотечественники. Только лощёные галки скачут с забора на забор. Галки да вороны. Но позвольте, а куда же девалась та прекрасная птичка, которая, помнится, нам всем нравилась? Куда же девался этот восхитительный буре-вестник?».*

О Зинаиде Гиппиус: *«Гениальный певец пустоты».*

О знаменитой тогда Лидии Чарской, имевшей невиданный успех у детей, о которых она и писала: *«В её книгах такой ураган, что всякий, попавший*

Похвала критике

туда, тотчас же падает в обморок. У неё даже четырёхлетние дети никак не могут без обморока».

Достаётся от Чуковского и Арцыбашеву, и Власу Дорошевичу, и Фоме неверующему русской литературы Василию Розанову, и Куприну и многим, многим другим.

В. Брюсов однажды признался ему: *«Я вас боюсь».*

Разумеется, критика не надо бояться, и это не входит в его задачу. Но утвердить в обществе мнение: иные восхваления рождаются на пустом месте, только художественные образцы – подлинная литература – его обязанность.

Такой максимализм в оценках – обязательное условие работы критика. Максимализм в жизни – это одно. В жизни надо жалеть ближнего. В литературе другие законы. Жалеть бесталанность невозможно. Такой жалостью нанесёшь только вред. Если глаза открыты, и ты видишь: имеешь дело с дурной прозой или стихами, то не должен молчать.

Белинский в первой заметной статье «Литературные мечтания», опубликованной в 1804 г. в приложении к журналу «Телескоп» «Молве», без страха заявил: *«У нас нет литературы».* Ему было всего двадцать три года, и он хватил через край. Потом пришлось поправлять этот молодецкий афоризм.

Русская критика в XIX веке имела влияние не только на литературу, но и на сознание читателя. Пушкин и Гоголь не брезговали заниматься ею.

Безусловно, критика не должна лишь отделять литературу от не литературы, талантливое от бесталанного, но и поднимать высоко крупное,

редкое, что избежит моды и влияния сегодняшнего дня. Лучшая школа для критика – желание понять великое, с любовью вникнуть в его слово и открыть глаза читателю на то, что он в великом до сих пор не видел.

Если говорить о XX веке, то это, прежде всего, Андрей Платонов. Он гениальный писатель минувшего века, о чём справедливо писали Иосиф Бродский и Андрей Битов. В творениях Платонова главенствует, как он сказал, «падающая ирония гибели». Главенствует трагедия и неисцелимая боль, от которой содрогается сердце.

Русский XX век представить без Платонова нельзя. Тем не менее, нет ни собрания его сочинений, ни музея. Вспомним роман «Чевенгур». Чевенгур – это небольшой городок, занятый красными. В нём не осталось не только детей, но и воробьёв, и собак. Остался один таракан, который сидит на подоконнике в одной из сохранившихся изб и «ждёт прихода» коммунизма. Моя статья «Крушение абстракций» (1980), где говорится о Платонове, неожиданно связала меня с невиданным для критика числом читателей. Я получал пачки писем со всех концов России, чего никогда не было. И понял тогда: между делом, которым занимается критика, и читателем возможна обратная связь. В ней – ценнейшая награда нашему труду. Потому что тебя читают не только литераторы, но и народ, ещё верящий в слово и доверяющий ему.

В начале 90-х годов по стране прокатилась волна нигилизма. Точнее, это были цунами, которые сметали на пути всё: литературу, историю, русское прошлое и саму Россию.

Похвала критике

Кто должен был подняться на защиту основы основ? Поднялась, в том числе, и литературная критика. Никто иной, как Владимир Лакшин, человек до того осторожный, дипломатический, выступил 17 марта 1993 года в «Независимой газете» со статьёй «Россия и русские на своих похоронах». Это отважная статья, занявшая целую полосу газеты. В прошлом спокойный и обстоятельный Лакшин с волнением писал: *«Похороны затеяны преждевременно», «катафалк заказывать рано».*

В статье, между прочим, были и такие слова: *«Всё более циркулируются ценности либерального «цивилизованного» мира, «западные понятия о свободе».*

Этого «перестройщики» не могли ему простить. Лакшина отключили от прогресса. Через четыре месяца после публикации статьи он скончался от сердечного приступа.

Позже я писал: *«Владимир Лакшин оставил критическому цеху не гремящее отрицание, не едкость уничтожающего сарказма, а любовь к слову, к непопуганной чести, наконец, к жизни, которая весной, в начале мая, в дни его рождения волнующе хороша».*

К настоящему критику очень подходит перевод слова «критика»: по-гречески это «искусство разбирать, судить». Обратим внимание на понятие «искусство». Владеть искусством разбора может только талант. Искусство владения словом. Не сухим, не псевдонаучным, а живым и плодоносящим, способным увлечь читателя, заставить его думать и соглашаться с мнением критика или не соглашаться.

Что произошло в литературной критике после блестящего служения ей Корнея Ивановича

Чуковского? Не могу не отметить всего одну статью: Сергея Булгакова «Труп красоты», опубликованную в «Русской мысли» в 1915 году. Речь в ней шла о живописи Пабло Пикассо. Автор признавал достоинство первого, так называемого «голубого периода», но далее Сергей Булгаков переходит к кубизму Пикассо. Он пишет: *«Ни одного светлого луча в этой мёртвой пустыне, опалённой адским огнём... «Преднамеренная уродливость кубического письма», «когда же входите в комнату Пикассо, вас охватывает атмосфера мистической жути, исходящей до ужаса». «Женщины предстают в творчестве Пикассо в несказанном поругании, как уродливое, расползающееся тело, вернее сказать труп красоты».*

Это было предсказание судьбы кубизма, модернизма, постмодернизма и прочих грядущих измов, рассекающих целую жизнь на куски, и эти куски – содержание картины.

После 1917 года критику стала душить политика. Возник позорно и грубо социальный Переверзев. Возникли другие. Стоило Андрею Платонову в 1931 году напечатать в «Красной нови» повесть «Впрок», посвящённую ужасам коллективизации, как вождь, прочитав её, начертил на полях: *«Подлец! Наказать впрок».* И новый главный редактор «Красной нови» тут же напечатал статью о «кулацкой» повести Платонова.

Так было. Была, правда, и «формальная школа» (Ю. Тянянов, Б. Эйхенбаум), которая, во-первых, стояла ближе к литературоведению с её научностью, во-вторых, отвечала своему названию: занималась формой литературы, а не её внутренним сюжетам.

Похвала критике

Критика замерла. Должны были пройти годы, чтобы она вышла из-под диктата политики. Оживление её началось в 60-е годы XX века. Пришла, как я уже писал, плеяда молодых, образованных, воспитанных на русской классике критиков: Палиевский, Кожинов, Олег Михайлов, Лев Аннинский, Виктор Чалмаев, В. Турбин, Владимир Лакшин, А. Урбан, а в театре и кинематографе – Инна Соловьёва, Майя Туровская.

Эта плеяда пришла ещё и потому, что сама литература, вздохнув полной грудью, дала ей разбег.

Не сразу всё изменилось в критике. Критика поднадзорная продолжала существовать. Но бывшее её превосходство стало ослабевать. Схоластов заменили другие люди. Ясный русский язык, отсутствие всякой «научности», независимость мнений и неистребимая связь с жизнью и традиции нашей истории, нашей классики и, в том числе, нашей литературной критики. Всё это отодвигало по-прежнему сидящих в высоких креслах вчерашних «хозяев» нашего дела. Их уже не читали, их просто терпели. Исторически период этого ренессанса длился до конца XX века, но, как известно, каждому явлению приходит конец.

Правда, в 1990-е годы появились молодые и напористые критики (Б.Кузьминский и С.Курицын), которые непременно хотели достичь высоты эстетизма, конечно, в противовес былой социальности. Но, упёршись головой в этот эстетизм, как в потолок, на том и остановились.

Ещё в конце XX века критику стали пожирать деньги. Если раньше были разные направления,

то теперь стало обязательной корпоративность, принадлежность к какой-нибудь узкой группе. Критик платит вступительный взнос преданности, и принявший его круг, где обращаются большие деньги, именуется вновь вступившего «своим». «Свои» не подведут, сделают всё, как надо, станут, как признался мне принадлежавший к этой новой генерации критик, «подневольными».

Где прежнее достоинство независимости? Где авторитеты?

Поколение 60-х годов уходило, уходило, причём, физически, уходило из жизни те, кто создавал весомую и влиятельную не только среди литераторов критику. Уходили и писатели, которые в своё время подняли её, ибо там, где высокая литература, там и высокая критика.

К 20-ым годам второго тысячелетия ушли почти все.

Где мои современники и единомышленники? От них осталась благодарная память. Я счастлив: они приняли меня в своё братство, что не означало единогласия, и было не группой, не партией, не корпорацией, а именно братством, зародившимся от любви к литературе.

Все были разные, но реально были, и сделанное ими не забудется, по крайней мере, в истории критики. Надо иметь в виду ещё одну сторону современного состояния литературной критики. Для неё закрыты газеты и толстые журналы, телевидение – все СМИ. Попробуй сейчас напечатать статью, подобную той, которую в 1993 году написал Лакшин. Корпоративное существование критики предполагает закон: «своих» не трогать.

Похвала критике

Такого не было даже при советской власти. Либералы, ведающие печатными изданиями, не допустят «чужого», ему укажут от ворот поворот.

Кстати, если ты за чертой этого плотного огороженного круга где-то что-то напечатал, то гонорара тебе не видать. Сегодня не принято платить за литературный круг, и это влечёт за собой полное падение, вплоть до прекращения издания, например, толстых журналов, поскольку они были всегда прибежищем независимой мысли.

«Что же остаётся?» – спросит читатель. Остаются воспоминания. Я живу воспоминаниями, которые подталкивают меня к маранью бумаги. Именно к маранью, а не выстукиванию букв на компьютере. Последний хорош для распространения информации, а не для творчества. Компьютерный язык в романе, критической статье означает инфляцию слова, однообразно механическое изъяснение очередного автора.

Я читал сочинения, написанные на этом языке. Ни цвета, ни запаха, ни хоть какой-нибудь разветвлённой мысли, наконец, освежающей стихии родной речи.

Есть ли надежда на воскрешение (возвращение) критики как литературы, как искусства слова и самостоятельного мышления?

Ответ на это надо искать в будущем. Я не доживу до того времени, когда не временщики будут править культурой, но новые поколения станут прибывать и прибывать в отечестве. И они, и литература будут зависеть от жизни не только в России, но и в мире.

Игорь Золотуский

Сейчас мир катится по наклонной плоскости. Мелеют бывшие когда-то великими понятия, мелеет культура и художественный вкус, и, может быть, самое важное – любовь к ближнему.

Помните Башмачкина из гоголевской «Шинели»? Когда его сослуживцы-чиновники смеялись над ним, сыпали ему на голову бумажки и называли это снегом, Акакий Акакиевич отвечал: *«Оставьте меня, зачем вы меня обижаете?»*. И, как пишет Гоголь, *«в этих проникающих словах звенели другие слова: я брат твой!»*.

Эти слова услышал один молодой человек, только что поступивший в департамент. Может, молодые люди грядущих десятилетий тоже услышат эти слова. И «братом» станет для них каждый из живущих.

Случится такое, случится и то, во что мне хочется верить.

15 сентября 2021 г.

Игорь Петрович
Золотусский
ПОХВАЛА КРИТИКЕ
Боголюбовские лекции

Составитель
Татьяна Немчинская

В оформлении книги использованы фото
из открытого доступа сети Интернет

Фотография И.П.Золотусского на обложке:
Данила Шиферсон

Оформление: Инна Терешкова
Ответственный за выпуск: Сергей Добролюбов
Редактор: Лола Звонарёва
Корректор: Оксана Алиева
Компьютерная верстка: Ирина Себелева

ISBN 978-5-87531-164-2

Подписано в печать 2.11.2022. Формат 84x108/32.
Объем 18,5 усл. печ. л. Тираж 1000 экз.
Печать офсетная. Заказ № 1192к-22
Издатель: Союз писателей Москвы
Отпечатано в ППП Типография «Наука»
121099, г.Москва, Шубинский пер., 6